В. Х. Песин

ВОЛШЕБНЫЙ ДАР КАИССЫ

В. Х. Песин

ВОЛШЕБНЫЙ ДАР КАИССЫ

ЛЕНИЗДАТ · 1990

75.58
П28

Рецензент *Марк Тайманов*

Редактор *Ирина Алехина*

Песин В. Х.

П28 Волшебный дар Каиссы. — Л.: Лениздат, 1990.— 224 с., ил.

ISBN 5-289-00528-5

В книге на обширном историческом материале повествуется о жизни и творчестве знаменитых шахматных мастеров трех последних столетий. Автор использовал для рассказа оригинальную идею единоборства команд, составленных из выдающихся шахматистов разных эпох, предстающих перед читателем в непосредственном, живом общении, творческой полемике, упоении борьбы.

Написанная с добродушным юмором, книга рассчитана на широкий круг читателей.

П $\frac{4204000000-127}{M171(03)-90}$ 121—90 75.58

ПЕСИН Виктор Хаимович

ВОЛШЕБНЫЙ ДАР КАИССЫ

Заведующая редакцией *И. Г. Турундаевская.* Младший редактор *И. В. Петрова.* Художник *Л. А. Унрод.* Художественный редактор *А. А. Власов.* Технический редактор *И. В. Буздалева.* Корректор *В. Д. Чаленко.*

ИБ № 5001
Сдано в набор 23.05.90. Подписано к печати 21.11.90. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 2. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 12,39. Уч.-изд. л. 12,89. Тираж 50 000 экз. Заказ № 254. Цена 70 коп.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

ISBN 5-289-00528-5

© В. Х. Песин, 1990

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора. Древняя и вечно молодая... 4

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Творцы шахматной истории

Глава 1. Каисса принимает гостей 6
Глава 2. Гений двух муз 8
Глава 3. «Русский Филидор» 11
Глава 4. «Реванш за Ватерлоо!» 16
Глава 5. Сент-Аман или Стаунтон? 17
Глава 6. Гений шахматной комбинации 21
Глава 7. Самородок из Нового Орлеана 22
Глава 8. Многогранный талант 27
Глава 9. Первый чемпион 29
Глава 10. «России сердце не забудет!» 34
Глава 11. Король шахмат 41
Глава 12. Художник против догматика 47
Глава 13. Сверкнувший метеорит 49
Глава 14. Шахматный мушкетер 52
Глава 15. Король ничьих 54
Глава 16. Рыцарь комбинации 57
Глава 17. На совести шахматного мира 60
Глава 18. Из вундеркиндов — в чемпионы 62
Глава 19. Четвертый чемпион мира 65
Глава 20. «Вечный кандидат» 71
Глава 21. Непрактичный гроссмейстер 75
Глава 22. Гроссмейстер игры и пера 78
Глава 23. «Летучий голландец» 83
Глава 24. Полпред советской шахматной школы 86
Глава 25. Невезучий «везунчик» 92
Глава 26. «Хитрый Дэвик» 95
Глава 27. «Современный Капабланка» 100
Глава 28. Кудесник из Риги 105
Глава 29. «Железный Тигран» 111
Глава 30. «Страшный Виктор» 116
Глава 31. «Победа всех побед» 120
Глава 32. Самая длинная рокировка 126
Глава 33. Принц, не ставший королем 134
Глава 34. «Ботвинник» из Венгрии 139
Глава 35. Неграмотный доктор философии 142
Глава 36. Шахматная надежда Голландии 147
Глава 37. Играющий чемпион 151
Глава 38. Счастливое число Каспарова 154
Глава 39. Кафе «Режанс» 160

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Волшебный дар Каиссы

Глава 1. Бойцы вспоминают минувшие дни.. 164
Глава 2. Соперники названы 175
Глава 3. Счет открыт! 176
Глава 4. Равновесие восстановлено 178
Глава 5. Борьбы не получилось 181
Глава 6. Ошибка Ларсена 183
Глава 7. Шедевр Михаила Ботвинника 185
Глава 8. Никто не хотел рисковать 187
Глава 9. Разрыв сокращается 189
Глава 10. Фишер форсирует ничью 191
Глава 11. Продолжение спора 194
Глава 12. Ничья, но какая! 196
Глава 13. Реванш Смыслова 198
Глава 14. Непробиваемая крепость Хюбнера 200
Глава 15. Тарраш объявляет мат 202
Глава 16. Ласкер есть Ласкер! 205
Глава 17. Ларсен сравнивает счет 207
Глава 18. Фишер верен себе 208
Глава 19. Трагедия в цейтноте 211
Глава 20. Откуда берется вдохновение? 213
Глава 21. «Испанская пытка» вместо Лувра 215
Глава 22. Победная точка Чигорина 218
Глава 23. Каисса 221

Литература 224

От автора

ДРЕВНЯЯ И ВЕЧНО МОЛОДАЯ...

Шахматы... Это одно из самых древних и прекрасных изобретений человечества на протяжении многих столетий волнует сердца миллионов людей.

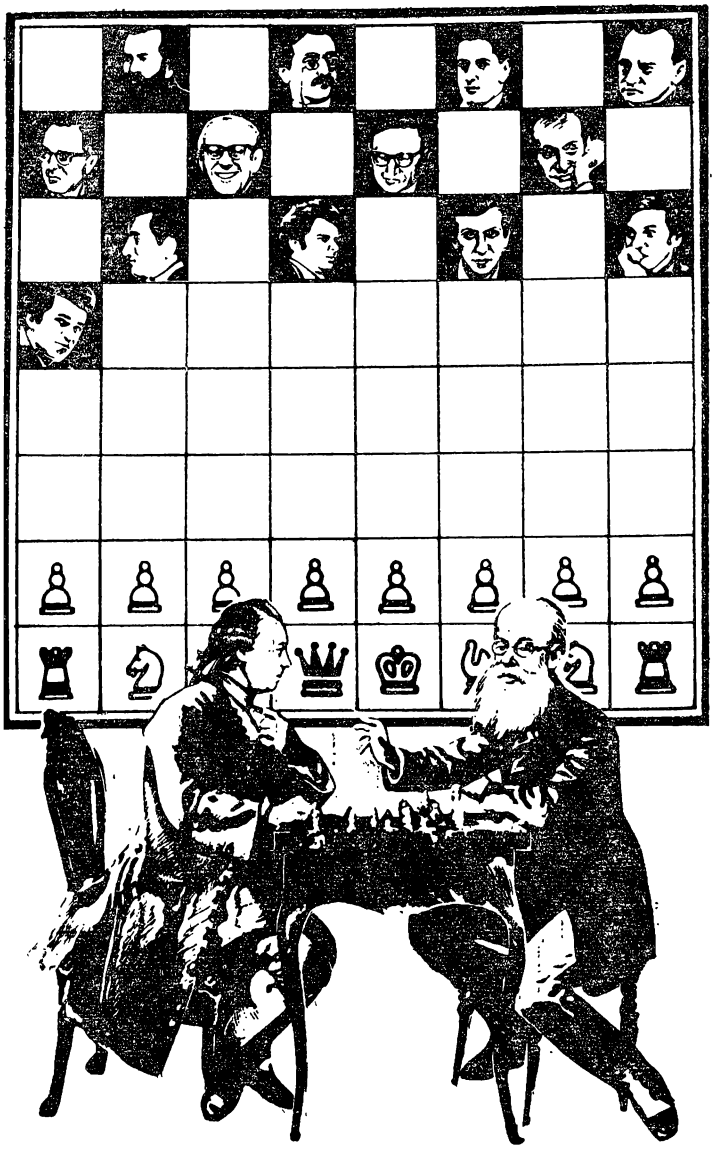
В чем же главная притягательная сила этой древней и вечно молодой игры? Ответ напрашивается сам собой — в том, что на шестидесяти четырех клетках деревянные фигурки в миниатюре воспроизводят жизнь и борьбу человека, силу и слабость его духа, его достижения и упущения, радости и печали...

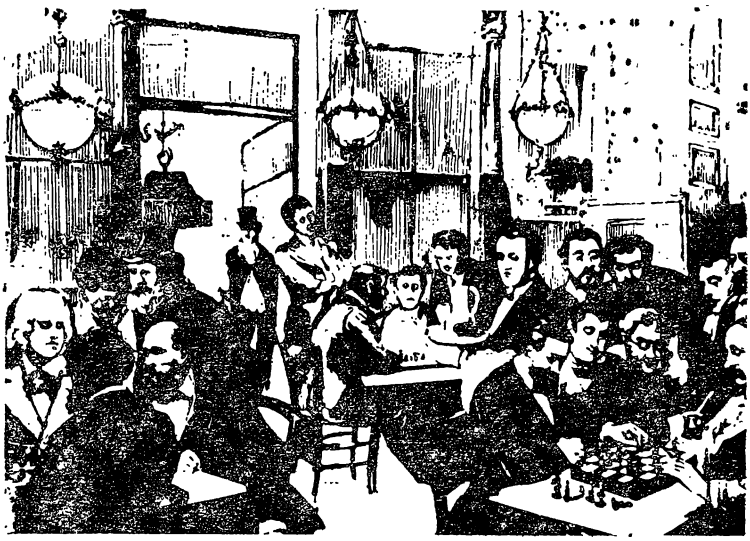
Давайте же приоткроем плотную завесу стремительно бегущего времени, чтобы вновь и вновь воздать должное тем, кто своим ярким талантом и беззаветной любовью к самой древней и прекрасной игре возводил величественное здание ее истории.

В этом увлекательном путешествии нашими надежными проводниками будут мудрая богиня шахмат Каисса и ее верные жрецы — шахматные историки. Обаятельная и добрая покровительница шахмат в знак своей беспредельной любви к замечательной игре и уважения к миллионам ее почитателей дарит всем нам фантастический, неповторимый праздник.

Часть первая

ТВОРЦЫ ШАХМАТНОЙ ИСТОРИИ

Глава 1. КАИССА ПРИНИМАЕТ ГОСТЕЙ

— Мои благородные рыцари! Я рада приветствовать вас в священном и вечном царстве богов! Я призвала вас на Олимп, чтобы возложить на вас небывалую историческую миссию! — торжественно произнесла Каисса.

Ветер теребил складки ее белоснежной туники, глаза возбужденно блестели, руки были воздеты вверх.

— Поистине беспредельна любовь моих подданных к шахматам, и в знак благосклонности своей я дарю им праздник, которого никогда еще не знала история и который никогда больше не повторится. И праздником этим будет состязание самых выдающихся шахматистов России и остального мира всех времен!

Изумлённые гости, затаив дыхание, благоговейно внимали словам Каиссы. Один из них, одетый в малиновый камзол, с редкими припудренными и завитыми на висках волосами, с перехваченной широкой лентой косичкой, даже незаметно ущипнул себя, дабы убедиться, что все это происходит с ним наяву. Второй, в темном сюртуке, с чуть съехавшими к кончику носа очками, в крайнем изумлении беспрерывно подергивал себя за окладистую седую бороду.

— Что скажешь по этому поводу ты, достопочтенный Филидор? — повернулась к первому гостю Каисса.

— О, несравненная Каисса! Мудрость твоя беспредельна, замыслы величественны, щедрость не знает границ! Но, право же, я... я... не могу еще прийти в себя.

Филидор замолчал. Изумление все еще сковывало его мысли. Взгляд рассеянно блуждал. С минуту он задумчиво следил за мохнатыми белыми облаками, проплывавшими за спиной Каиссы. Издалека доносились чарующие звуки лютни. Вдохновленный прекрасной музыкой, великий шахматист продолжал:

— Я читал отклики Горсея, Одеборна, Олеария и других о московитах. Одеборн в 1581 году отмечал, что русские великолепно играют в шахматы и в этой игре они настолько искусны, что вряд ли есть какой-нибудь другой народ, который мог бы с ним сравниться. А спустя столетие французский посол сообщил своему монарху Людовику XIV, что русские превосходно играют в шахматы, что наши лучшие игроки перед ними — школьники.

Он вновь сделал паузу. Теперь уже ничто не нарушало ясный ход его мыслей.

— Все это так. И хотя я могу назвать лишь несколько первоклассных маэстро Европы — Леонардо, Бои, Лопеса, Греко, Стамму, Легаля и вашего покорного слугу,— вряд ли русские смогут найти столько же равных им по силе шахматистов.— Закончив тираду, Филидор почтительно склонился.

Каисса мягко положила руку ему на плечо и улыбнулась. Затем, повернувшись ко второму гостю, промолвила:

— Хочу слышать твое слово, мудрейший Петров.

Пришедший в себя после первых потрясений, русский мастер неторопливо достал носовой платок, протер им стекла очков и так же неторопливо водрузил их на нос.

— Я позволю себе не согласиться с маэстро Филидором,— с достоинством сказал он.— Россия всегда была щедра на шахматные таланты. Назову хотя бы Шумова, Яниша, братьев Урусовых, Пеликана, Стерна.

Добрая и в то же время загадочная улыбка озарила лицо Каиссы.

— Кажется, состязание уже началось,— шутливо воскликнула она.— Друзья мои, оба вы по вполне понятным причинам не знакомы с новейшей историей нашей мудрой и вечной игры. Впрочем, этот пробел легко

устраним.— И богиня изящным жестом пригласила гостей следовать за ней.

Изумленно оглядываясь по сторонам, оба великих шахматиста поспешили за своей покровительницей. Путь их оказался недолгим. Войдя в благоухающий дивными ароматами сад, они миновали небольшую тенистую аллею, в глубине которой их взорам предстала окруженная причудливыми деревьями беседка. Внутри ее за круглым гранитным столом оживленно беседовали какие-то люди. Завидев Каиссу и ее спутников, они поднялись и легкими поклонами приветствовали вошедших.

— Друзья,— обратилась Каисса к Филидору и Петрову,— позвольте представить вам моих верных апостолов.— И, указывая рукой на обитателей беседки, она поочередно называла их имена: — Людвиг Бахман, Николай Иванович Греков, Евгений Александрович Зноско-Боровский, Яков Исаевич Нейштадт и Димитрие Белица.

Когда все расселись, Каисса дважды хлопнула в ладоши, и тотчас перед ней появилась юная нимфа. В одной руке она держала шахматы, в другой — вазу с фруктами. Опустив то и другое на стол, нимфа грациозно удалилась.

— Устраивайтесь поудобней,— после небольшой паузы промолвила богиня. И, повернувшись к Филидору и Петрову, добавила: — В течение трех дней мои славные летописцы поведают вам историю шахмат двух последних столетий. Когда повествование их будет закончено, ты, мудрейший Петров, назовешь десять самых сильных шахматистов России, а ты, достопочтенный Филидор,— десятку наиболее выдающихся мастеров Запада. Названные вами дружины, вступив в увлекательное состязание, и станут главными фигурами нашего праздника.

Каисса улыбнулась и, приветливо кивнув головой, вышла из беседки.

Глава 2. ГЕНИЙ ДВУХ МУЗ

— Господа! Мне выпала честь открыть наше путешествие в историю рассказом о жизни и творчестве основоположника современных шахмат в его присутствии,— провожая взглядом удалявшуюся Каиссу, бесстрастно произнес Бахман.

Франсуа Андре Даникан родился 7 сентября 1726 года в небольшом городке Дрё, близ Парижа. Его отец Мишель Даникан был придворным гобоистом у короля Людовика XIII. Однажды, желая похвалить своего лучшего музыканта, король сравнил его с итальянским гобоистом — виртуозом Филидори — и воскликнул: «Я нашел второго Филидора!» С тех пор это прозвище стало присоединяться к фамилии Даникан.

В возрасте шести лет мальчик был определен певчим в придворную капеллу в Версале, а вскоре королевский хор уже исполнил первое сочинение юного композитора, получившего в награду от Людовика XV десять луидоров.

Именно в это время Филидор познакомился с шахматами. Музыканты довольно часто сражались друг с другом, и однажды один из них остался без партнера. Смущенный Франсуа предложил свои услуги. Каково же было всеобщее изумление, когда мальчик буквально разгромил своего противника. Спустя два года талантливого юношу взял в ученики лучший шахматист Франции Кермюи сир де Легаль. Встреча с Легалем показала Филидору, как мало он понимает в шахматах. Учитель сначала легко побеждал его, давая вперед ладью. Постепенно фора уменьшалась, вскоре они играли уже на равных, а затем ученик стал брать верх на учителем, которого позже уверенно переиграл в матче за звание первого шахматиста Франции.

В 19-летнем возрасте молодой шахматист с трепетом ступил на английскую землю — шахматную Мекку того времени. Подобно Парижу, в Лондоне было свое шахматное кафе «Слоутер». В его стенах Филидор победил сильнейших английских мастеров — Кэннигема, Бертина, Янсена и уроженца сирийского города Алеппо, переводчика с восточных языков при королевском правительстве Филиппа Стамму. Мастерство Филидора покорило шахматную Англию, куда он ежегодно приезжал для состязаний с лучшими английскими игроками, проведения лекций и сеансов вслепую.

В 1749 году Филидор, заручившись поддержкой герцога Камберленда и других влиятельных лиц, написал книгу «Анализ шахматной игры», ставшую первоисточником позиционной школы и переведенную на все европейские языки. «Мое главное намерение,— писал он в предисловии,— предложить новшество, а именно — игру пешек. Пешки — душа шахмат; только они создают атаку и защиту, от их хорошего или плохого расположе-

ния целиком зависит победа или поражение». Великий шахматист на целое столетие опередил свою эпоху, сцементировав шахматную партию от дебюта до эндшпиля единым планом.

Слава Филидора разнеслась по всей Европе. Он был в дружбе с выдающимися мыслителями, учеными, музыкантами — Дидро, Д'Аламбером, Рамо и многими другими. Перед ним распахнулись двери королевских дворцов. Людовик XVI всерьез заинтересовался шахматами и пригласил Филидора в качестве своего учителя. Через несколько месяцев монарх пожелал узнать, как маэстро оценивает его игру. «Ваше величество,— ответил Филидор,— всех шахматистов можно разделить на три класса: тех, кто совсем не умеет играть, тех, кто играет плохо, и тех, кто играет хорошо. Вас, ваше величество, я могу отнести уже ко второму классу».

Выдающийся французский композитор Рамо истинным призванием Филидора считал комическую оперу. Именно по его настоянию в середине 50-х годов Филидор приступил к работе в этом жанре. Его перу принадлежит 26 комических опер.

В 1793 году Филидор в последний раз посетил Англию. Вспыхнувшая вскоре война между Англией и Францией сделала невозможным его возвращение на родину.

К сожалению, большинство партий замечательного шахматиста было утеряно. Остались лишь партии, проведенные им в сеансах вслепую.

Что же касается детища Филидора — книги «Анализ шахматной игры», то третье издание ее, вышедшее в 1790 году на английском языке, собрало лишь 56 подписчиков.

— Зато в следующем столетии «Анализ» выдержал около ста изданий,— воскликнул Зноско-Боровский.— А немало содействовавший этому французский библиофил Сансон получил даже благодарственное письмо от внука Филидора, служившего в то время в одной из провинциальных префектур.

— И все же главная заслуга великого маэстро — в его учении о пешечном центре, подвижной пешечной цепи и ее блокаде, о взаимодействии фигур и обеспечении пространственного перевеса,— подытожил Греков. И, видя, что щеки Филидора стали почти одного цвета с его малиновым камзолом, поспешно объявил: — Мой рассказ о шахматисте, которого благодарные современники назвали «русским Филидором».

Глава 3. «РУССКИЙ ФИЛИДОР»

Вплоть до XIX столетия история, увы, не сохранила нам имен наиболее искусных русских шахматистов. И все же мы не вправе обижаться на историю — ведь эта беспристрастная дама подарила нам Петрова, ставшего не только первым русским мастером, но и, по существу, родоначальником отечественной шахматной школы.

Александр Дмитриевич Петров родился в 1794 году в деревне Опочка Псковской губернии. Уже с детских лет обнаружил он недюжинные способности к шахматам.

Когда будущему мастеру исполнилось 4 года, его дед, один из сильнейших игроков Санкт-Петербурга Иван Алексеевич Соколов, подарил внуку шахматы. Вскоре он уже легко обыгрывал своих сверстников. И тогда начались регулярные состязания с дедом. Правда, опытный шахматист на первых порах давал внуку значительную фору — сначала ладью, затем слона, пешку, а спустя год Саша впервые испытал опьяняющую радость победы в игре на равных.

В возрасте 15 лет Петров держал экзамен перед одним из лучших петербургских шахматистов того времени — Копьевым.

Уверенная победа юноши не только открыла перед ним двери шахматных собраний, проводившихся у известных литераторов и чиновников столицы, но и принесла ему славу сильнейшего мастера России. Это высокое звание он удерживал до последних дней своей жизни.

Петрову не довелось помериться силами с европейскими знаменитостями того времени — Дешапелем, Лабурдоне, Мак-Доннелем.

Но стоит посмотреть его партии, чтобы убедиться, что он смело может быть поставлен в один ряд с этими игроками.

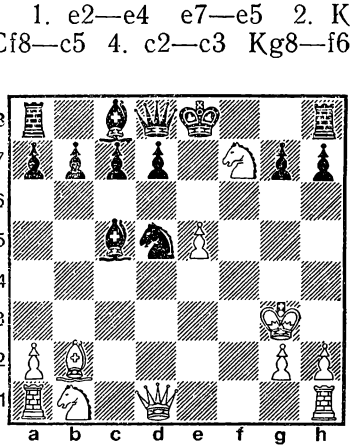
Много волнующих поединков провел за шахматной доской Петров. И хотя соперниками его были сильнейшие польские шахматисты Гофман, Шиманский, Винавер и лучшие мастера России Яниш, Урусов, Шумов, победителем неизменно выходил Петров.

В 1844 году, играя с польским шахматистом Гофманом, Петров уже на 12-м ходу эффектно пожертвовал ферзя.

Вот эта партия.

Гофман — Петров
Варшава, 1844 год
Итальянская партия

1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 Kb8—c6 3. Cf1—c4 Cf8—c5 4. c2—c3 Kg8—f6 5. d2—d4 e5 : d4 6. e4—e5 Kf6—e4 7. Cc4—d5 Ke4 : f2 8. Kpe1 : f2 d4 : c3+ 9. Kpf2—g3 c3 : b2 10. Cc1 : b2 Kc6—e7 11. Kf3—g5? Ke7 : d5 12. Kg5 : f7

12. ... 0—0!! 13. Kf7 : d8 Cc5—f2+ 14. Kpg3—h3 (после 14. Kpg4 белые получают мат в 4 хода: 14. Лf4+ и т. д.). 14. ... d7—d6+ 15. e5—e6 Kd5—f4+ 16. Kph3—g4 Kf4 : e6 17. Kd8 : e6 Cc8 : e6+ 18. Kpg4—g5 Лf8—f5+ 19. Kpg5—g4 h7—h5+ 20. Kpg4—h3 Лf5—f3x

Петров был не только выдающимся шахматистом, но и прекрасным литератором и теоретиком, талантливым шахматным композитором и энергичным организатором.

В 1824 году он выпустил книгу «Шахматная игра, приведенная в систематический порядок с присовокуплением игор Филидора и примечаний на оные», в которой блестяще углубил и развил учение Филидора, выдвинул ряд новых для своего времени теоретических положений, дал много ценных наставлений. Книга Петрова сразу же завоевала умы и сердца читателей, среди которых были Пушкин, Тургенев, Чернышевский и другие выдающиеся его современники.

Гениальному русскому поэту автор подарил один экземпляр «Шахматной игры...» с дарственной надписью: «Милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину в знак истинного уважения. От издателя».

Весомую лепту внес Петров и в дело международного сотрудничества шахматистов. Он переписывался со Стаунтоном, Сент-Аманом, Левенталем и другими выдающимися мастерами Европы.

В 1863 году замечательный русский шахматист впервые в жизни выехал за границу. В Вене и Париже он успешно состязался с местными мастерами, причем в столице Франции Петров дважды виделся с находив-

шимся в то время там Морфи. Журнал «Нувель Режанс», предвкушая единоборство двух шахматных гигантов, писал: «Это будет, наверно, одно из самых замечательных сражений, которое когда-либо происходило. Это будет прекрасный день для шахмат». Увы, гениальный американец, еще несколько лет назад заявивший о своем отходе от шахмат, остался верен своему слову...

Когда слава «русского Филидора» достигла Европы, в России уже появились новые мастера. Лучшими из них были Карл Яниш, Илья Шумов, братья Дмитрий и Сергей Урусовы. Сам же Петров на протяжении многих лет оставался сильнейшим шахматистом России. Шумова, например, он победил в возрасте 66 лет. Поразительное достижение!

— Маэстро Петров, конечно, ярчайшее явление в шахматной истории,— отозвался Филидор.— Но если говорить о шахматном долгожительстве, то мой учитель месье Легаль, пожалуй, даже превзошел его. До конца своих дней — а прожил он ни много ни мало 90 лет — Легаль оставался одним из сильнейших шахматистов Франции. При этом в возрасте 85 лет мой учитель выиграл у кавалера Сен-Бри партию, которая навсегда вошла в историю как «мат Легаля». И хотя все прекрасно знают эту партию, я все же не откажу себе в удовольствии еще раз насладиться этим маленьким шедевром.

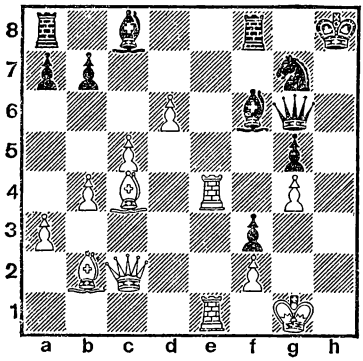
Филидор расставил фигуры.

— Мой учитель играл без ладьи a1,— певуче начал он.— После естественных ходов 1. e2—e4 e7—e5 2. Cf1—c4 d7—d6 3. Kg1—f3 Kb8—c6 4. Kb1—c3 Cc8—g4 белые неожиданно пожертвовали ферзя: 5. Kf3 : e5. Конечно, жертва ферзя легко опровергалась путем 5. K : e5, но соблазн был настолько велик, что месье Сен-Бри, почти не задумываясь, принял дар: 5. ... Cg4 : d1?? Дальнейшие события на доске развивались форсированно: 6. Cc4 : f7+ Kpe8—e7 7. Kc3—d5x. Каждый раз, глядя на эту удивительную миниатюру, я думаю о том, как мудры и справедливы шахматы, карающие беспечность, жадность и многие другие человеческие пороки.

— Яркий пример шахматного долголетия являл собой замечательный английский маэстро Джозеф Блэкберн,— подхватил Белица.— 52 года выступал он за шахматной доской, блестяще выиграв международные турниры в Вене, Висбадене, Берлине, Херфорде и Лондоне.

— Уникальным шахматным долгожителем был и Осип Бернштейн,— заметил Нейштадт.— В 1954 году он с большим успехом выступил на турнире в Монтевидео. Восхищенный яркой игрой 72-летнего ветерана, гроссмейстер Найдорф обратился к нему с вопросом: «Какую партию в своей полувековой шахматной карьере вы считаете лучшей?» Каково же было удивление Найдорфа, когда в ответ он услышал: «Я ее еще не сыграл!» Справедливость этого утверждения выдающийся шахматист доказал на следующий день, одержав блестящую победу над... Найдорфом.

Эта позиция возникла после 28-го хода черных. Игравший белыми Бернштейн приступает к решительным действиям: 29. Ле4—e8!! Сс8—f5 30. Ле8 : a8 Лf8 : a8 31. g4 : f5 Фg6—h5 32. Ле1—e4 Фh5—h3 33. Сс4—f1 Фh3 : f5 34. Ле4—h4+!! g5 : h4 35. Фс2 : f5 Кg7 : f5 36. Сb2 : f6+ Крh8—g8 37. d6—d7 — и черные сдались.

Остается добавить, что в этом турнире Бернштейну удалось разделить 2—3-е места, потеснив значительно более молодых коллег. Надо сказать, что Бернштейн был весьма остроумным человеком. Играя легкие партии, он обычно весело комментировал ход борьбы, обменивался остротами с партнерами. Даже за несколько недель до кончины, зная о близкой смерти, Бернштейн шутливо изрек: «Когда я приду на тот свет, Ласкеру, Капабланке и Алехину придется туговато. Ведь я явлюсь туда оснащенным новейшими дебютными вариантами, о которых они понятия не имеют!»

— Рассказ о шахматных долгожителях будет неполным, если не упомянуть об Эдуарде Ласкере,— вновь заговорил Белица.— Трудно сегодня найти любителя шахмат, который бы ничего не слышал о партии Ласкера с английским мастером Джорджем Томасом. В 1942 году в Америке была издана книга «Шахматы — забава и шахматы — страсть», 10 страниц которой посвящены этой партии.

Югославский историк достал из портфеля неболь-

шую книгу и, раскрыв ее в нужном месте, начал негромко читать: «Следующая партия была не турнирной, а так называемой «пятиминутной» партией, то есть партией, игранной с часами так быстро или так медленно, как этого желали партнеры, но с условием, что разница в показаниях часов ни в один момент не должна превышать пяти минут. Такой лимит времени на обдумывание был очень популярен в шахматном клубе лондонского Сити, где в 1911 году была сыграна эта партия. Я испытываю к ней какую-то сентиментальную привязанность, не только потому, что это самая красивая партия, которую мне когда-либо удалось выиграть, но и потому, что это была первая партия, которую я сыграл в Англии, в день моего прибытия туда...»

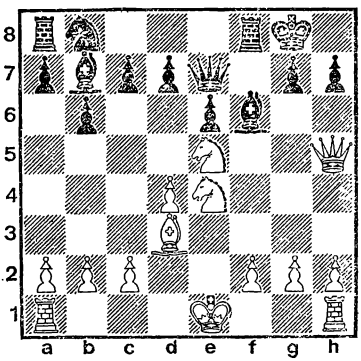
Эд. Ласкер — Дж. Томас

Голландская защита

1. d2—d4 f7—f5 2. Kg1—f3 e7—e6 3. Kb1—c3 Kg8—f6 4. Cc1—g5 Cf8—e7 5. Cg5 : f6 Ce7 : f6 6. e2—e4 f5 : e4 7. Kc3 : e4 b7—b6 8. Kf3—e5 0—0 9. Cf1—d3 Cc8—b7 10. Фd1—h5 Фd8—e7

И здесь последовало громоподобное: 11. Фh5 : h7+!! Kpg8 : h7.

Путешествия, как известно, источник здоровья, бодрости, хорошего настроения. Но если в путешествие по по доске отправился шахматный король — жди беды ... 12. Ke4 : f6+ + Kph7—h6 13. Ke5—g4+ Kph6—g5 14. h2—h4+ Kpg5—f4 15. g2—g3+ Kpf4—f3 16. Cd3—e2+ Kpf3—g2 17. Лh1—h2+ Kpg2—g1 18. Kpe1—d2x.

Поистине, партия для шахматных гурманов! Можно было объявить мат и более эффектным ходом — длинной рокировкой 18. 0—0—0x.

— А знаете ли вы,— обвел взглядом зачарованно смотревших на доску собеседников Нейштадт,— что Эдуард Ласкер был в свое время чемпионом Берлина, Лондона, Нью-Йорка, Чикаго, западных штатов США,

участником знаменитого нью-йоркского турнира 1924 года и умер в 1981 году в возрасте 96 лет.

Многое еще можно было бы поведать о шахматных долгожителях, но вернемся все же к магистральной линии нашей беседы. Ведущими шахматными державами Европы в первой половине XIX столетия по-прежнему оставались Англия и Франция. Во Франции сильнейшими мастерами были Александр Дешапель, Луи Лабурдоне, Пьер Сент-Аман, в Англии — Александр Мак-Доннель и Говард Стаунтон. О них я и хочу рассказать.

Глава 4. «РЕВАНШ ЗА ВАТЕРЛОО!»

Александр Луи Оноре Лебретон Дешапель был кадровым офицером наполеоновской армии. Во время знаменитых «ста дней» он получил из рук самого Наполеона генеральские эполеты, а после реставрации Бурбонов всецело посвятил себя шахматам, висту и бильярду. Отличаясь крайним высокомерием, Дешапель даже с равными себе шахматистами играл только на дачу вперед.

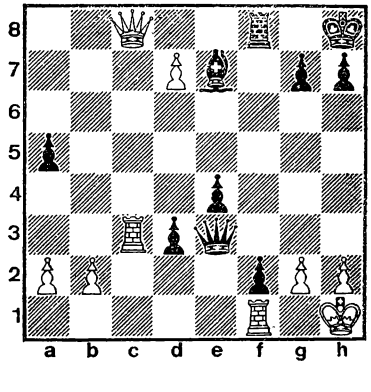
В 1821 году в Париже было организовано состязание с участием шотландца Кохрена, Дешапеля и его лучшего ученика Луи Шарля Маэ де Лабурдоне. Обоим своим соперникам Дешапель давал фору — пешку и два хода, а между собой Кохрен и Лабурдоне играли на равных. Победителем соревнования вышел Лабурдоне. Однако англичане категорически отказывались признать его чемпионом, считая сильнейшим своего земляка Александра Мак-Доннеля.

В 1834 году в Лондоне Лабурдоне сыграл серию из шести матчей с Мак-Доннелем. Выиграв четыре поединка, французский мастер единодушно был признан современниками сильнейшим шахматистом мира. В честь этой победы один из парижских журналов опубликовал большую поэму с горделивым заголовком «Реванш за Ватерлоо!».

Вот как эффектно завершил Лабурдоне одну из партий этого исторического состязания. Играя черными, он жертвой качества привел в грозное движение пешечную цепь, что и решило исход партии.

Последовало: 31. ... Се7—d8 32. Фс8—c4 Фе3—e1 33. Лс3—c1 d3—d2 34. Фс4—c5 Лf8—g8 35. Лс1—d1 e4—e3 36. Фс5—c3 Фе1 : d1 37. Лf1 : d1 e3—e2.

Красочная позиция! Белые немедленно сдались.

Спустя год безвременно скончался Мак-Доннель. Недолгая жизнь была уготована и его недавнему сопернику. В конце ноября 1840 года неизлечимо больной Лабурдоне в последний раз приехал в Лондон. Несколько хирургических операций, поглотивших скудные сбережения выдающегося шахматиста, не улучшили его состояния. Через неделю Лабурдоне умер.

Глава 5. СЕНТ-АМАН ИЛИ СТАУНТОН!

— В конце 30-х годов XIX столетия в Англии бурно прогрессирует шахматное мастерство Говарда Стаунтона,— вступил в права очередного рассказчика Зноско-Боровский.— Малоизвестный молодой актер как-то в порыве откровенности признался своему другу великому трагику Эдмонду Кину, что считает себя весьма посредственным актером, а потому намерен заняться историей литературы, изучением творчества Шекспира и журналистикой. Кин был чрезвычайно остроумным человеком. Однажды, играя роль Ричарда III, в эпизоде, где обезумевший король, желая бежать с поля боя, воскликнул: «Коня! Коня! Королевство за коня!», он услышал реплику какого-то остряка из зрительного зала: «А может, вам подойдет осел?» Кин не растерялся и тут же ответил: «Конечно! Идите же скорее сюда!» Однако на этот раз, чувствуя, что придется расстаться с другом, он лишь печально кивнул головой.

И конечно, ни тот ни другой даже не подозревали, что благодаря этому решительному шагу спустя несколько лет Англия получит едва ли не самого выдающегося в своей истории шахматиста.

Посещая в качестве журналиста шахматные клубы Лондона, Стаунтон страстно увлекся древней игрой и довольно быстро добился значительных успехов.

Однажды в один из весенних дней 1843 года в шахматном клубе Сент-Джорджа к нему подошел незнако-

мый француз и предложил сыграть несколько партий. Несмотря на нездоровье, Стаунтон согласился. Француз оказался крепким орешком — три партии он выиграл, две проиграл и одну свел вничью. Это были обычные для того времени легкие партии, и Стаунтон не придал им никакого значения. Однако через несколько дней французские газеты и журналы крупными заголовками известили о победе их соотечественника Пьера Шарля Фурнье де Сент-Амана над чемпионом Англии в матче из шести партий.

На карту был поставлен престиж английских шахмат, и Стаунтон вызвал Сент-Амана на официальное единоборство, которое печать обеих стран окрестила «величайшим шахматным матчем на первенство мира между Францией и Англией». Встреча состоялась в конце 1843 года в Париже. Несмотря на невероятный шум фанатично болевших за Сент-Амана зрителей, бесконечно долгие раздумья соперника, Стаунтон легко одолел его.

В Англии эта победа была отмечена как национальный праздник. Стаунтона называли некоронованным чемпионом мира.

Иначе расценила итоги матча французская пресса, назвавшая поражение Сент-Амана случайным и потому требовавшая реванша. После длительных переговоров было решено, что в октябре 1844 года Стаунтон снова приедет в Париж. Однако в дороге английский мастер простудился и заболел воспалением легких. Несколько дней он был на грани жизни и смерти, а затем с тяжелым пороком сердца вернулся домой. Матч-реванш не состоялся.

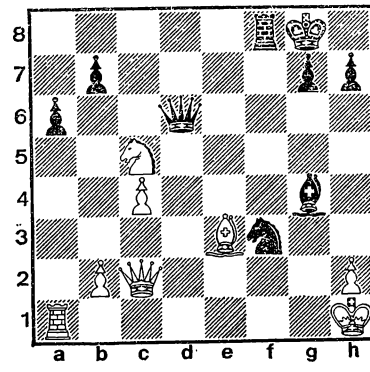
После этого Сент-Аман окончательно отошел от шахмат. В 1848 году он выдвинулся как известный деятель французской революции, стал шефом парижской национальной гвардии и членом временного правительства, а позже — консулом в Акапулько. Умер он в 1872 году.

О мастерстве Стаунтона лучше всего говорят его партии. Вот одна из них, в которой он изящно замотовал короля известного английского шахматиста капитана флота Дэвиса Эванса, автора и поныне носящего его имя гамбита. Стаунтон в этой партии дал сопернику фору — два хода и пешку.

Игравший белыми Эванс беспечно взял черную пешку на b7. 28. Кc5 : b7, на что последовало: 28. Фd6—c6 29. Кb7—a5 Кf3—e1+! Теперь любой ответ белых ведет

к мату. Если 30. К:c6, то 30. ... Лf1+ 31. Cg1 Cf3+ 32. Фg2 С:g2x.

Эванс предпочел тот же мат в несколько ином варианте: 30. Крh1—g1 Фc6—h1+!! 31. Крg1:h1 Лf8—f1+ 32. Ce3—g1 Cg4—f3+ 33. Фc2—g2 Cf3:g2x.

В последние годы жизни шахматные успехи Стаунтона были уже не столь ощутимы. Все больше времени он уделяет изучению творчества великого соотечественника Шекспира, истории культуры своей страны. 22 июня 1874 года смерть остановила его перо в момент создания нового литературного исследования.

Выслушав очередной рассказ, Филидор восстановил на доске заключительную позицию партии Мак-Доннель — Лабурдоне.

— Видимо, не зря я столь рьяно выступал против открытой фигурной игры, жертвой которой стал Мак-Доннель,— заметил он.— А вот Лабурдоне, по достоинству оценив роль пешек, довел искусство позиционной игры до совершенства.

— Маэстро, вы несправедливы к Мак-Доннелю. Он внес много нового в теорию открытых дебютов, особенно гамбитов,— возразил Петров.

— Гамбиты отжили свой век! — отрубил Филидор.

— Маэстро, напрасно вы так волнуетесь,— мягко улыбнулся молчавший до сих пор Белица.— Гамбиты — это острая приправа к довольно-таки пресной дебютной пище. А ферзевый гамбит и сегодня непременный гость крупнейших соревнований.

— Справедливости ради надо отметить, что Мак-Доннель, как и подобает англичанину, был всегда спокоен, выдержан, молчалив,— заметил Нейштадт.— А вот Лабурдоне, наоборот, бурно выражал свои чувства по ходу партий, особенно в те моменты, когда его соперник подолгу задумывался. Иногда Мак-Доннель размышлял над одним ходом свыше полутора часов. Чего только не делал бедный Лабурдоне! Он и покашливал, и притопывал ногами, и тяжело вздыхал, но все было тщетно.

— Неудивительно, что продолжительность некоторых партий измерялась не часами, а днями,— отозвал-

ся Зноско-Боровский.— Лабурдоне хоть и измучился, но все-таки завершил победную серию матчей с Мак-Доннелем, а вот Стаунтон, не выдержав многочасовых раздумий Уильямса, сдал ему матч при счете 6 : 2... в свою пользу, при том, что их состязание проводилось до 7 побед.

И уж совсем уникальный случай произошел в 1851 году на первом международном турнире в Лондоне. В ходе одной из партий между большими любителями «основательно подумать» Маклоу и Уильямсом к концу дня секретарь внес в протокол следующую запись: «Сделав по нескольку дебютных ходов, соперники уснули за доской».

Раздался дружный хохот.

— Как только не пытались бороться с тугодумством! — продолжил Нейштадт.— Пытались ввести в практику соревнований песочные часы, но по многим причинам от них вскоре пришлось отказаться. Не улучшило положения вещей и введение за просрочку времени денежных штрафов. На нюрнбергском турнире 1906 года польский мастер Пшепюрка, будучи человеком весьма богатым, не отказывал себе в удовольствии «подумать часик-другой», хотя это и не избавило его от последнего места. А вот большинство участников турнира, истратив все свои скромные сбережения на штрафы, вынуждены были решать проблему, где добыть деньги на обратную дорогу. И лишь после отмены злополучных штрафов и возврата денег они без приключений вернулись домой.

Самое удивительное, что «нюрнбергские страдания» имели место спустя 23 года после изобретения жителем Манчестера Вильсоном специальных шахматных часов с двойным циферблатом. Впервые эти часы были использованы в знаменитом лондонском турнире 1883 года с лимитом времени 1 час на 15 ходов. Много было испробовано различных регламентов. В конце концов практика серьезных состязаний привела к повсеместно применяемому контролю — 2 часа 30 минут на 40 ходов каждому участнику. В последние годы широкое распространение получил новый регламент — 2 часа на 40 ходов и без перерыва 1 час на последующие 20 ходов.

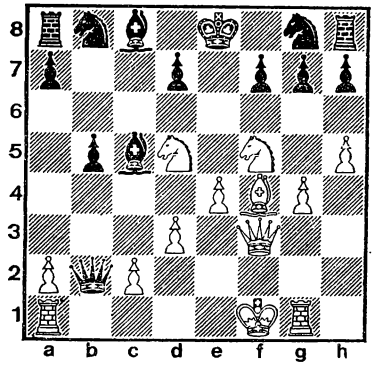
— Господа, мы с вами явно отвлеклись,— напомнил Бахман.— Поэтому позвольте мне приступить к очередному рассказу.

Глава 6. ГЕНИЙ ШАХМАТНОЙ КОМБИНАЦИИ

В 1851 году по инициативе Стаунтона 32 известным мастерам того времени были разосланы письма следующего содержания: «Всем шахматистам чрезвычайно желательно решить на практике вопрос о сравнительной практической силе современных знаменитых шахматистов. С этой целью мы устраиваем турнир для всех желающих из всех стран». Откликнулись 16 шахматистов из Германии, Франции, Венгрии и Англии.

Главной сенсацией турнира стало выступление преподавателя математики из немецкого города Бреславля Адольфа Андерсена, победившего Кизерицкого, Сена, основного фаворита этого соревнования Стаунтона и в финале — члена британского парламента Уэйвилла.

Особенно восхищал любителей шахмат стиль игры немецкого мастера, неизменно стремившегося закончить партию неудержимой матовой атакой. Не случайно лучшие партии Адольфа Андерсена вошли в золотой фонд шахматного искусства с эпитетами «бессмертная», «неувядаемая» и тому подобное. Вот как эффектно завершил Андерсен одну из партий с Лионелем Кизерицким на лондонском турнире. У Андерсена уже нет слона, под ударом находятся обе ладьи. Тем не менее: 18. Cf4—d6 Cc5 : g1 19. e4—e5!! Фb2 : a1+ 20. Крf1—e2 Кb8—a6 21. Kf5 : g7+ Кре8—d8 22. Фf3—f6+!! Kg8 : f6 23. Cd6—e7x.

Победа в Лондоне сразу же вознесла Андерсена на вершину шахматной иерархии. Долгое время он не ведал поражений. Лишь 7 лет спустя он был побежден сверкнувшим на шахматном небосклоне подобно ярчайшей звезде молодым американским чемпионом Полом Морфи. Однако Морфи вскоре навсегда оставил шахматы, и Андерсен быстро восстановил свою высокую репутацию. Победив Игнация Колиша и ряд других известных мастеров, он добился затем нового успеха на втором международном турнире в Лондоне, на очко опередив блистательного Луи Паульсена.

В 1866 году Андерсен в упорнейшей борьбе уступил победу бурно прогрессировавшему Вильгельму Стейницу, однако победа над Иоганном Цукертортом и первый приз на крупном международном турнире в Баден-Бадене, где Андерсен выиграл обе партии у Стейница, вновь вернули немецкому мастеру лавры сильнейшего шахматиста мира.

До конца своих дней Андерсен активно участвовал в международной шахматной жизни. В 1878 году он занял 6-е место на турнире в Париже, а затем был третьим во Франкфурте-на-Майне.

13 марта 1879 года выдающийся шахматист скончался в своем родном городе Бреславле. Это был величайший мастер всех времен. Его блестящий стиль, красота комбинаций и глубина мысли были замечательны...

Оба маэстро, зачарованно глядя на доску, казалось, не слышали последних слов рассказчика.

— Поистине бессмертная партия,— наконец произнес Филидор.— Я действительно недооценивал открытой фигурной игры.

— И началась эта партия с «отжившего свой век» королевского гамбита,— не удержался Петров.

— А что вы скажете по поводу 20-го хода черных Са6, которым, как полагал Стейниц, Кизерицкий мог спасти партию? — спросил Бахман, переводя черного слона с поля с8 на а6.— После 21. Кс7+ Крd8 22. Ф : а8 Фс3! 23. Ф : b8 Сс8 24. Кd5 Ф : с2+ 25. Крe1 Фс1+ ничья вечным шахом.

— Позвольте,— одновременно воскликнули оба великих шахматиста,— но после 20. ... Са6 21. Кс7+ Крd8 белым следует играть 22. К : а6! Фс3 23. Сс7+Ф : с7 24. К : с7 Кр : с7 25. Ф : а8 с неотразимыми угрозами 26. Кd6 и 27. Фb7+.

— Правильно! — одобрительно улыбнулся Зноско-Боровский.— Именно такой репликой ответил на комментарий Стейница Чигорин. Да и все последующие анализы убедительно доказали бессмертие этого великого творения Адольфа Андерсена. А теперь я расскажу вам о гении шахматных гениев — Поле Морфи.

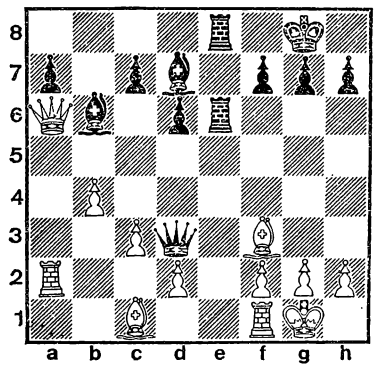
Глава 7. САМОРОДОК ИЗ НОВОГО ОРЛЕАНА

В 1850 году в США гастролировал известный венгерский мастер Иоганн Якоб Левенталь. Никому из американских шахматистов не удалось устоять против мас-

терства и опыта гостя. Тогда Левенталю предложили посетить Новый Орлеан и провести там две партии с 12-летним Полом Чарлзом Морфи. Маэстро согласился, хотя и не скрывал своего удивления. Впрочем, еще больше удивил его результат этого единоборства: первая партия завершилась вничью, а во второй победил его юный соперник.

В 1857 году Морфи за два года окончил Луизианский университет, получив диплом адвоката. В том же году в Нью-Йорке состоялся первый конгресс и турнир сильнейших американских шахматистов с участием переселившихся из Германии Паульсена и Лихтенгейна. Победив с одинаковым счетом 3 : 0 Томпсона, Мика и Лихтенгейна, Морфи в финале разгромил Паульсена и стал первым шахматистом Америки.

Посмотрите, с каким изяществом завершил Морфи шестую партию матча с Паульсеном. В этой позиции игравший черными Морфи смело жертвует ферзя: 17. Фd3 : f3!! Далее последовало: 18. g2 : f3 Ле6—g6+ 19. Крg1—h1 Cd7—h3 20. Лf1—d1 Ch3—g2+ 21. Крh1—g1 Ch2 : f3+ 22. Крg1—f1 Cf3—g2+ 23. Крf1—g1 Cg2—h3+ 24. Крg1—h1 Cb6 : f2 25. Фa6—f1 Ch3 : f1 26. Лd1 : f1 Ле8—e2 27. Лa2—a1 Лg6—h6 28. d2—d4 Cf2—e3! Белые сдались.

Спустя год была достигнута договоренность о приезде Морфи в Лондон для состязания с Говардом Стаунтоном. Прибыв в июне 1858 года в английскую столицу, юный американец сразу же направил вызов Стаунтону, но тот предпочел уклониться от борьбы. Тогда Морфи объявил, что готов сразиться с лучшими английскими мастерами. Одного за другим победил он Бернса, Бодена, Бэрда, Леве, Мэдли, Оуэна и, наконец, своего старого знакомого венгра Левенталя.

После этой блестяще завершенной серии игр Стаунтон пригласил Морфи на обед. О чем они говорили, осталось неизвестным, но было очевидно, что англичанин в борьбу не вступит.

Расстроенный Морфи отказался играть в августов-

ском турнире в Бирмингеме, среди участников которого были Стаунтон, Левенталь, Фалькбеер и другие. Прибыв в Бирмингем, он объявил, что готов дать сеанс вслепую восьми сильнейшим участникам турнира. Те предпочли отказаться, зато второй восьмерке участников того же турнира Морфи учинил подлинный разгром. Вслед за этим друг Стаунтона Оуэн вызвал американца на матч с условием, что тот даст ему фору — пешку и ход. Пол играл с такой злостью, словно сражался с самим Стаунтоном, и разгромил Оуэна со счетом 5 : 0 при двух ничьих.

Морфи отправился в Париж, где в знаменитом кафе «Режанс» в порядке «живой очереди» выиграл серию матчей у Лекривэна, Журну, Гибера, Прети, Деланнуа, Сегэна, Арну де Ривьера и Гаррвица.

В конце 1858 года пришло письмо из Бреславля от Андерсена, сообщавшего, что на рождественские каникулы он сможет приехать в Париж. Уставший и простуженный Морфи выразил сожаление, что не застанет великого маэстро в Париже, ибо сам собирается вернуться на родину. Однако личный секретарь Морфи Фредерик Эдж развернул бурную деятельность, и вскоре великий шахматист был завален сотнями писем из многих стран мира. Во всех этих письмах выражалось горячее желание любителей шахмат стать свидетелями выдающегося состязания двух гениальных шахматистов. Личное письмо прислал и сам Андерсен, и Пол решил провести зиму в Париже. Очередная попытка сыграть матч со Стаунтоном закончилась тем, что англичанин принял вызов... условно.

Вскоре новая простуда надолго приковала Морфи к постели. Приехавший Андерсен заявил, что играть с больным человеком не в его духе. И все же, уступая многочисленным просьбам, он согласился на игру при условии, что партии будут проводиться в комнате Морфи в отеле «Брейтель». В первом поединке победил Андерсен, второй завершился вничью, а затем пять партий подряд выиграл Морфи. Сдавая заключительную, одиннадцатую, партию, Андерсен воскликнул: «Месье Морфи! Вы выиграли матч потому, что вы сильнее меня. Вы сильнее всех игроков в мире, живых и мертвых. Я горд, что живу в одно время с вами! В мире нет другого игрока, который расправился бы с Адольфом Андерсеном со счетом 7 : 2. Месье Морфи! Я сдаю матч и поздравляю вас — сильнейшего шахматиста всех времен!»

Прощаясь с Андерсеном, Морфи с грустью заметил, что не будет больше играть ни матчей, ни легких партий. Вскоре он уехал в Лондон.

И все же гениальный шахматист снова сел за шахматную доску, так как Стаунтон неожиданно согласился на две консультационные партии. Партнером Стаунтона был Оуэн, напарником Морфи — Бернс. Обе партии выиграли Морфи и Бернс. Готовясь к отъезду домой, Морфи согласился дать еще один — «зрячий» — сеанс. Но какой это был сеанс! Соперниками Морфи были Левенталь, Арну де Ривьер, Боден, Бэрд и Бернс! Пол победил Бэрда и де Ривьера, сыграл вничью с Боденом и Левенталем и проиграл Бернсу. Вскоре он уехал на родину, чтобы навсегда закончить свою недолгую блистательную шахматную карьеру.

Пышные встречи, устроенные гениальному шахматисту в Нью-Йорке, Бостоне и других городах северных штатов, стали причиной гонений на его родине в Луизиане из-за войны между Севером и Югом страны. Морфи не мог устроиться на работу, а один из самых влиятельных людей Нового Орлеана Джеральд Аллисон запретил своей дочери Мэй выйти замуж за Пола. Все это привело к тому, что с годами у Морфи развилась болезнь, приведшая к сильному психическому расстройству. 10 июня 1884 года он скончался от кровоизлияния в мозг.

В память о замечательном шахматисте в Манхэттенском клубе и по сей день висит большой портрет Пола Морфи — гордости шахматистов всего мира.

Зноско-Боровский устало вздохнул.

— Самое удивительное то, что современники обратили внимание лишь на комбинационное дарование гениального американца,— после непродолжительной паузы промолвил Нейштадт.— Увы, они не разглядели главного — его редчайшего умения быстро мобилизовать силы для решающей атаки.

— Словом, как и Филидор, Морфи намного опередил свою эпоху,— резюмировал Греков.

— Благодарю вас,— церемонно наклонил голову маэстро.— Но, право, я бы с величайшей радостью еще раз насладился волшебной игрой этого кудесника.

— Между прочим,— улыбнулся Греков,— «русский Филидор» вполне может доставить вам такое наслаждение.

— В самом деле,— отозвался русский мастер.— Когда я виделся в Париже с Морфи, он рассказал мне за-

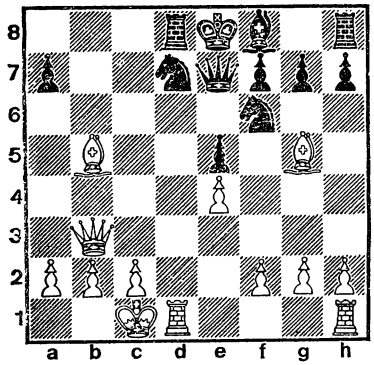
бавную историю. В октябре 1859 года гениальный шахматист был приглашен герцогом Брауншвейгским и графом Изуаром на оперу Россини «Севильский цирюльник». Плененный блистательной музыкой великого композитора, Морфи совсем забыл о титулованных соседях по ложе. Те, однако, довольно быстро напомнили о себе. Расставив на столике шахматы, они предложили своему знаменитому гостю сыграть партию. Хотя предложение это было явно не по душе Морфи, он все же принял его, твердо решив как можно быстрее завершить игру.

Вот эта партия, впоследствии обошедшая шахматную печать всего мира.

Была разыграна защита Филидора.

Петров улыбнулся, мельком взглянув на зардевшегося коллегу.

Первые 12 ходов были сделаны весьма быстро. 1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 d7—d6 3. d2—d4 Cc8—g4 4. d4 : e5 Cg4 : f3 5. Фd1 : f3 d6 : e5 6. Cf1—c4 Kg8—f6 7. Фf3—b3 Фd8—e7 8. Kb1—c3 c7—c6 9. Cc1—g5 b7—b5 10. Kc3 : b5! c6 : b5 11. Cc4 : b5+ Kb8—d7 12. 0—0—0 Ла8—d8

Вельможные соперники Морфи все делают как будто правильно. Но этого явно недостаточно, когда играешь с гением. 13. Лd1 : d7! Блестящий удар! 13. Лd8 : d7 14. Лh1—d1 Фe7—e6 15. Cb5 : d7+

В это время со сцены доносились слова знаменитой арии дона Базилио: «И как бомба разрываясь...»

Черные, однако, не поняли «намека»:

15. ... Kf6 : d7

И бомба разорвалась!

16. Фb3—b8+!! Kd7 : b8 — вынужденный ответ. 17. Лd1—d8x

Так, благодаря гению, в шахматную историю вошли и имена двух весьма посредственных любителей.

— Он — Моцарт шахмат! Если бы я был современником Морфи, то обязательно посвятил бы ему одну из своих опер! — воскликнул Филидор.

— Только, увы, не комическую,— грустно заметил

Греков.— А теперь я предложу вашему вниманию рассказ об одном из самых уникальных шахматных талантов.

Глава 8. МНОГОГРАННЫЙ ТАЛАНТ

В начале 40-х годов прошлого столетия в одной из церквей Люблина, к немалому удивлению присутствующих, были обвенчаны местный аптекарь Цукерторт и дочь польского графа Кржижановского. Вскоре у них родился сын.

Отец Иоганна страстно желал, чтобы сын стал врачом. С этой целью семья Цукертортов спустя несколько лет перебралась в немецкий город Бреславль.

Здесь обнаружились редкие способности мальчика. В гимназии серьезное внимание на него обратил преподаватель математики... Адольф Андерсен. Да, это был тот самый Андерсен, чьи гениальные творения украшают сокровищницу шахматного искусства.

Шахматные уроки великого маэстро буквально околдовали впечатлительного мальчика. И хотя впоследствии Цукерторт с блеском окончил медицинский, химический и физиологический факультеты трех университетов, сердце его безоговорочно принадлежало шахматам.

Некоторое время Цукерторт занимался врачебной практикой, причем во время австро-прусской войны 1866 года за беспримерную храбрость при спасении раненых он был награжден девятью орденами и медалями. Однако после окончания войны за антивоенные взгляды Цукерторта уволили из армии.

Это был человек, поражавший современников многогранностью своего таланта. Он легко изъяснялся на санскрите, древнегреческом, древнееврейском, арабском, турецком, латинском, русском, английском, французском, испанском, итальянском, немецком и польском языках, увлекался философией, журналистикой, сочинением музыки, музыкальной критикой, считался одним из лучших фехтовальщиков того времени.

И все-таки самой пламенной его страстью были шахматы. Ученик оказался достойным своего великого учителя. Первый поединок между ними в 1868 году выиграл Андерсен, а три года спустя Цукерторт взял убедительный реванш.

В 1878 году, выиграв крупный международный турнир в Париже, где его соперниками были Андерсен, Блэкберн и другие выдающиеся мастера, Цукерторт

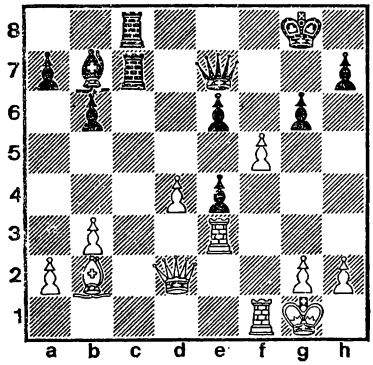
убедительно доказал, что является по крайней мере вторым после Стейница шахматистом земного шара. А спустя еще 5 лет, после блистательной победы Цукерторта в Лондоне, где собрался весь цвет мировых шахмат во главе со Стейницем, вторым, по мнению видных авторитетов, следовало уже считать Стейница.

После лондонского триумфа Цукерторта уязвленный Стейниц послал победителю официальный вызов сыграть матч на звание чемпиона мира. Вызов был незамедлительно принят, однако все дальнейшие переговоры неизменно заходили в тупик. Цукерторт хотел играть в Лондоне, Стейниц — где угодно, только не в Лондоне. Три года продолжалась между ними нелицеприятная переписка, и все же 11 января 1886 года в Нью-Йорке началось историческое единоборство двух шахматных гигантов.

Нью-йоркская часть матча принесла большой успех Цукерторту — 4 : 1. Однако чувствовалось, что силы его на исходе. Еще с раннего детства Цукерторт страдал пороком сердца, а многочисленные ранения военных лет, напряженный труд шахматного профессионала, изнуряющие сеансы вслепую, в которых он не имел себе равных, в значительной мере подорвали его здоровье. И последующая борьба со Стейницем подтвердила это. В Сент-Луисе Стейниц сравнял счет, а в Новом Орлеане завершил разгром больного соперника.

Горечь этого поражения Цукерторт переживал до конца своей недолгой жизни. Он еще продолжал играть в турнирах, но силы и фортуна, увы, оставили его. А 20 июня 1888 года в Лондоне навсегда остановилось сердце замечательного художника шахмат.

А теперь взгляните, какую блестящую комбинацию провел Цукерторт в партии с Блэкберном, сыгранной в лондонском турнире 1883 года. Игравший белыми Цукерторт начинает далеко рассчитанную комбинацию. 25. f5 : g6! Лc7—c2 26. g6 : h7+ Крg8—h8 27. d4—d5+ e6—e5 28. Фd2—b4!! Блестящая жертва ферзя! 28. Лc8—c5. (Брать ферзя нельзя из-за мата 28. ... Ф : b4 29. С : e5+ Кр : h7 30. Лh3+

Крg6 31. Лg3+ Крh6 32. Лf6+ Крh5 33. Лf5+ Крh6 34. Сf4+ Крh7 35. Лh5х. Не избежать мата и при других отступлениях черного ферзя, поэтому ход в партии — объективно сильнейший.) 29. Лf1—f8+! Новая, не менее блестящая жертва! (Брать ладью нельзя. Если 29. Ф : f8, то 30. С : e5+ Кр : h7 31. Ф : e4+ — и мат через несколько ходов.) Поэтому 29. Крh8 : h7 30. Фb4 : e4+ Крh7—g7 31. Сb2 : e5+ Крg7 : f8 32. Се5—g7+! Крf8—g8 (если 32. Ф : g7, то 33. Фе8х) 33. Фе4 : e7. Черные сдались.

— Какой изумительный каскад эффектнейших жертв! — восторженно воскликнул Филидор.

— А как многогранен талант этого мастера! — вторил ему Петров.— Хотя, кто знает, быть может, именно эта разносторонность и помешала ему целиком посвятить себя шахматам и стать чемпионом мира.

— История знает немало людей, успешно сочетавших шахматы с наукой, литературой и искусством,— заметил Белица.— И первый пример — маэстро Филидор. Сочетание шахмат с плодотворной научной деятельностью не помешало завоевать мировую шахматную корону Ласкеру, Алехину, Эйве, Ботвиннику. Ученую степень доктора медицинских наук имел Тарраш, технических наук — Видмар, философии — Хюбнер и так далее. Десятикратный чемпион Шотландии Фэрхерст прославился не только победами на шахматной доске, но и как крупнейший специалист по строительству мостов, а австрийский мастер Хардличка получил всемирное признание как скульптор, художник и искусствовед. Старший брат Луи Паульсена Вильфрид был очень сильным шахматистом. Однако еще большую известность он приобрел на своем профессиональном поприще — это агрономия и селекция картофеля. А любовь к шахматам он выразил в выведенных им двух новых сортах картофеля, дав им названия «Андерсен» и «Морфи».

— И все же Цукерторт, несомненно, оставил неизгладимый след в истории шахмат,— подытожил Бахман и, помолчав, добавил: — Мой новый рассказ о первом официальном чемпионате мира.

Глава 9. ПЕРВЫЙ ЧЕМПИОН

В небольшом венском кафе царила обычная тишина. Лишь в дальнем углу зала изредка раздавались восторженные возгласы. Это члены Венского шахмат-

ного общества наслаждались неувядаемыми творениями покорившего Европу кудесника Пола Морфи. Никто из присутствующих не обратил внимания на молодого человека, почтительно наблюдавшего в отдалении за событиями на доске. Вскоре, однако, выяснилось, что пришелец недурно играет вслепую. Еще большее удивление вызвал его результат в турнире общества, в котором новичок потеснил многих известных мастеров и занял 3-е место. В следующем соревновании молодой шахматист был вторым, спустя год он уже не имел себе равных. И когда в 1862 году Венское шахматное общество получило приглашение на международный турнир в Лондон, выбор единодушно пал на 26-летнего победителя. Звали его Вильгельм Стейниц.

Полтора месяца продолжались шахматные баталии в английской столице. 1-е место занял Адольф Андерсен. Не ударил лицом в грязь и Стейниц. Шестой приз, принесший ему звание «маэстро», и признание партии с Монгредиеном самой красивой в турнире специалисты оценили как большой успех дебютанта.

...Лучшие английские мастера буквально обрушились на дерзкого новичка, но Стейниц был неудержим. Тогда руководители лондонских клубов решили устроить ему настоящую головомойку и пригласили в Лондон самого Андерсена.

Каково же было всеобщее изумление, когда после пяти стартовых партий Стейниц решительно вышел вперед! И хотя затем последовал отчаянный рывок Андерсена, концовка матча все же осталась за Стейницем.

Победа Стейница имела далеко идущие последствия. Она не только передвинула его на 2-е место в мире, превратив вчерашних недоброжелателей в его искренних почитателей, но и заставила задуматься над содержанием сыгранных партий. Впрочем, прошло еще несколько лет, прежде чем Стейниц окончательно убедился в необходимости коренной переоценки своих шахматных концепций. К этому подтолкнули его и относительные неудачи в Париже и Баден-Бадене. «Я пришел к заключению,— писал Стейниц,— что комбинационная игра, хотя и дает иногда красивые результаты, не в состоянии обеспечить прочный успех... Атака имеет шансы на успех только тогда, когда позиция противника уже ослаблена. С тех пор мысль моя была направлена на то, чтобы найти простой и верный метод, как добиться ослабления неприятельской позиции».

Огромная аналитическая работа, проделанная им в последующие годы, позволила впервые в истории шахмат создать теорию, выявившую объективные законы, внутреннюю логику шахматных сражений.

Так Стейниц стал основоположником нового, позиционного метода игры. Позиционные принципы не встретили понимания и одобрения современников, и Стейницу приходилось отстаивать их в одиночку. Лучшей аттестацией нового учения были практические успехи Стейница — победы в турнирах в Вене в 1873 и 1882 годах и в матче с ярым приверженцем комбинационного стиля Блэкберном.

После неудачи в лондонском турнире 1883 года былую репутацию Стейница могла восстановить лишь победа в единоборстве с Цукертортом. И Стейниц не замедлил с вызовом. Победив своего грозного соперника, он был официально провозглашен первым чемпионом мира по шахматам.

Стейниц очень гордился своим титулом. Участвуя в том или ином соревновании, он на традиционный вопрос: «Кто победит?» — неизменно отвечал: «Я! У меня более легкие соперники, чем у конкурентов: им предстоит играть с чемпионом мира, а мне — нет!»

Как-то Стейниц беседовал с двумя английскими профессорами. «Бедные люди не должны иметь много детей»,— сказал один из них. «Да и рождаются они умственно неполноценными,— поддержал его другой.— А что вы, маэстро, думаете по этому поводу?» — «Мой отец был очень бедным человеком и имел при этом 13 детей. Так вот я, Вильгельм Стейниц, чемпион мира по шахматам, был как раз тринадцатым!» Оба профессора, смущенно улыбаясь, поспешили откланяться.

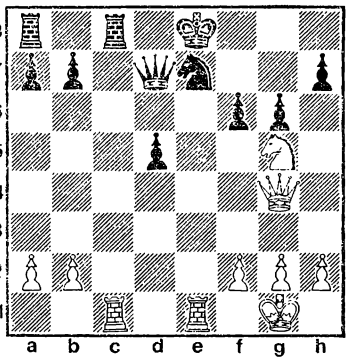
Трижды защищал Стейниц свой высокий титул, дважды победив Чигорина и один раз — Гунсберга. В 1891 году в матче по телеграфу он со счетом 0 : 2 проиграл Чигорину. Любопытно, что чемпион мира, пользовавшийся для передачи ходов специальным шифром, в один прекрасный день был арестован нью-йоркской полицией как... русский шпион.

В 1894 году вызов старейшему чемпиону бросил 25-летний Эмануил Ласкер. Несмотря на то что после шести партий счет был равным, шансы Ласкера расценивались не очень высоко. Увы, в седьмой партии случилось непостижимое: добившись выигранной позиции, Стейниц, утомленный упорным сопротивлением претендента, грубо ошибся и проиграл. Неудача настолько

деморализовала чемпиона, что он практически без борьбы сдал еще четыре партии подряд. Это и решило исход матча, который со счетом 10 : 5 (при четырех ничьих) выиграл Ласкер. И хотя Стейниц вел себя в высшей степени благородно, трижды воскликнул: «Ура новому чемпиону!», свое поражение он все же считал случайным. В конце 1896-го — начале 1897 года в Москве состоялся матч-реванш, который 60-летний экс-чемпион мира проводил совершенно больным. Во время игры возле него неизменно стоял лакей, периодически менявший миски со льдом и снегом, которыми Стейниц из-за сильных приливов крови вынужден был обтирать голову. В Москве у него проявились первые признаки острого нервно-психического расстройства. Так, прислуга гостиницы, где он жил, жаловалась, что странный постоялец носил с улицы снег, разбрасывал его по полу своего жарко натопленного номера и подолгу стоял на нем босиком. А однажды во время одной из партий он даже потерял сознание. Проиграв с разгромным счетом, Стейниц с горечью воскликнул: «Возможности человеческого ума ограниченны, но глупости — отнюдь нет!»

Тяжело переживал Стейниц утрату шахматной короны. Правда, он еще выступил в нескольких турнирах, но в игре его все явственнее ощущались разочарование и усталость. В последнем соревновании своей жизни в Лондоне Стейниц играл уже неизлечимо больным. А спустя год, 12 августа 1900 года, гениальный шахматист скончался в приюте для душевнобольных.

Стейниц оставил шахматному миру огромное творческое наследие. Лучшим его творением признана партия против немецкого мастера Курта фон Барделебена, сыгранная в Гастингсе в 1895 году.

Игравший белыми Стейниц проводит замечательную комбинацию: 22. Ле1 : е7+! (Брать «дерзкую» ладью нельзя. Если 22. Ф : е7, то 23. Л : с8+,— и у белых лишняя фигура. Если 22. ... Кр : е7, то 23. Ле1+ Крd6 24. Фb4+ Крс7,— и у белых приятный выбор: либо 25. Лс1+, либо 25. Кеб+. В обоих случаях черные проигрывают.) Поэтому

вынужденно 22. Крe8—f8. Теперь у белых под ударом все четыре фигуры! 23. Ле7—f7+! (Белые не могут взять ферзя из-за мата 23. Л:c1x.) 23. Крf8—g8 24. Лf7—g7+! Брать бесстрашную ладью по-прежнему нельзя ни ферзем, ни королем. 24. ... Крg8—h8 25. Лg7:h7+. После этого хода Барделебен в знак сдачи партии покинул турнирный зал. Финал этой комбинации Стейниц все же продемонстрировал публике: 25. ... Крg8 26. Лg7+ Крh8. (Нельзя 26. ... Крf8 из-за 27. Кh7+ с выигрышем.) 27. Фh4+ Кр:g7 28. Фh7+ Крf8 29. Фh8+ Крe7 30. Фg7+ Крe8 (если 30. Крd8, то 31. Фf8+ Фe8 32. Кf7 и мат следующим ходом 32. ... Крd7 33. Фd6x. Если 30. ... Крd6, то 31. Ф:f6+ Фe6 32. Ф:e6x). 31. Фg8+! Крe7 32. Фf7+ Крd8 33. Фf8+ Фe8 34. Кf7+ Крd7 35. Фd6x

Рассказчик устало откинулся на спинку кресла. Воцарилась тишина. Доносившиеся издалека грустные переборы лютни лишь усиливали тоскливое, щемящее чувство, навеянное последним рассказом.

— Что ж,— вздохнул Петров.— Этот замечательный мыслитель и борец до конца жизни оставался верен своей исторической миссии.

— Просто чудовищно — умереть в приюте для душевнобольных,— с трудом выдавил из себя Филидор.— Куда же смотрели коллеги Стейница?

— Новый чемпион мира Ласкер пытался собрать средства для обеспечения старости поверженного им колосса, но из этой благородной затеи ничего не вышло,— грустно отозвался Нейштадт.— Да и слишком уж тяжело переживал Стейниц свое поражение. Впрочем, только ли Стейниц? Вспомните хотя бы Цукерторта. Могу привести аналогичные примеры из практики шахматистов XX столетия. Длительная депрессия была и у Бента Ларсена, проигравшего всухую — 0 : 6 — претендентский матч Роберту Фишеру. А сам Фишер? В турнире претендентов в Бледе он проиграл все четыре партии Михаилу Талю. Желая как-то подбодрить юного американца, Таль на следующее утро задорно, по-мальчишески приветствовал его словами: «Бобби, ку-ку!» Ответом ему послужили... горькие рыдания Фишера.

— В противовес им по-философски воспринимал неудачи за шахматной доской Спиноза,— с улыбкой заметил Греков.— Однажды великого философа спросили, почему он никогда не огорчается, проигрывая в шахматы. «Дело в том,— ответил Спиноза,— что один

из королей получает мат, а для истинного республиканца это лучшее утешение».

Раздался дружный смех.

— Сам Стейниц,— продолжал русский историк,— оценивая свою роль в истории шахмат, писал: «Я не историк шахмат, а сам кусок шахматной истории, мимо которого никто не пройдет. Я о себе не напишу, но уверен, что кто-нибудь напишет».

А теперь я хочу рассказать о жизни и деятельности одного из самых выдающихся мастеров нашей игры — Михаила Ивановича Чигорина.

Глава 10. «РОССИИ СЕРДЦЕ НЕ ЗАБУДЕТ!»

Шел 1875 год. Давно уже в Петербурге закрылись шахматный клуб графа Кушелева-Безбородко и «Общество любителей шахматной игры», прекратилось издание некогда популярного «Шахматного листка», и шахматы влачили жалкое существование — сначала под стук домино и бильярдных шаров в ресторане «Доминик», а затем — в небольшой комнатке «Немецкого собрания».

Игра в основном велась на ставку, причем шахматисты более высокой категории давали фору своим менее искушенным соперникам. Венцом шахматной жизни были турниры-гандикапы, первые призы в которых обычно брали Илья Шумов и молодой преподаватель математики Эмануил Шифферс. Правда, на этот раз неожиданную конкуренцию им составил 25-летний коллежский регистратор Михаил Чигорин. Завоевав третий приз, он удостоился первой категории и вошел в число ведущих шахматистов Петербурга. Дебютант мог занять и более высокое место, если бы гордо не отказался от установленной форы в партиях с маэстро — Петровским, Бескровным, Шумовым и Шифферсом.

В том же году Петербург посетил польский мастер Шимон Винавер. Еще восемь лет назад, будучи по коммерческим делам в Париже, никому не известный варшавянин зашел поиграть в шахматы в знаменитое кафе «Режанс». Сам того не ожидая, он обыграл многих известных мастеров, готовившихся к крупному международному турниру. Новичка тут же включили в соревнование, и тот, к неописуемому изумлению организаторов и участников, занял 2-е место, опередив самого Стейница. В Петербурге выдающийся шахматист был про-

сто очарован блестящими замыслами молодого Чигорина и обещал содействовать международному дебюту талантливого самородка.

Гордый столь высокой оценкой его мастерства, Чигорин тем не менее ставил перед собой неизмеримо более высокую задачу — объединить всех шахматистов, превратить шахматы из забавы, азартного состязания на ставку в подлинно всенародное достояние.

Важным шагом на этом нелегком пути было возрождение «Шахматного листка», первый номер которого вышел 1 сентября 1876 года. Нужно ли говорить, что все — от начала до конца — делал сам Чигорин, бывший одновременно и редактором, и издателем, и основным сотрудником, и корректором, и выпускающим, и экспедитором. Да и средства на издание собрал из скромных своих сбережений этот удивительный человек. И хотя журнал просуществовал всего пять лет, а пришедшие ему на смену «Шахматный вестник» и «Шахматы» и того меньше, их роль в деле объединения шахматистов России оказалась неоценимой.

Бурно прогрессировал Чигорин и как практик. В конце 70-х годов он выиграл серию матчей у Шифферса, Шмидта и Алапина и был признан сильнейшим шахматистом России.

В июле 1881 года Винавер с радостью сообщил, что русский чемпион приглашен в Берлин для участия в крупном турнире. Международный дебют Чигорина оказался весьма успешным: пропустив вперед лишь Блэкберна и Цукертopта, он разделил 3-е место с Винавером.

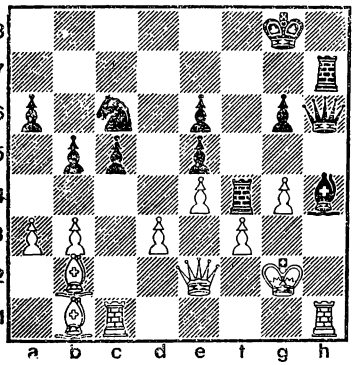
В 1883 году Чигорин выступил в знаменитом лондонском турнире. К этому времени он окончательно оставил тормозившую его прогресс службу и стал профессиональным шахматистом. Одержав 16 побед, в том числе две над великим Стейницем, представитель шахматной России завоевал четвертый приз. И не случайно Вильгельм Стейниц спустя три года после вступления на шахматный трон первым среди наиболее достойных претендентов назвал Чигорина.

Матч в Гаване, игравшийся до 10 побед, прошел в исключительно острой борьбе. Трижды по ходу состязания Чигорин вел в счете, но победу все же одержал более опытный Стейниц.

Сразу после окончания матча Чигорин в блестящем стиле победил в Нью-Йорке, разделив 1-е место с Вейссом. В 1889 году Гаванский шахматный клуб предло-

жил ему вызвать на матч одного из претендентов на шахматную корону англичанина Исидора Гунсберга. Вновь, как и в мачте со Стейницем, Чигорин сделал ставку на атаку, играя на выигрыш даже тогда, когда следовало удовлетвориться ничьей. Матч завершился вничью, хотя, по мнению специалистов, победы Чигорина были более яркими. Особенно красивую комбинацию русский чемпион провел во второй партии.

Игравший черными Чигорин смело пожертвовал ладью. 35. Лf4 : f3!! «Комбинация редкой красоты»,— восторженно писал Стейниц. «Вся эта комбинация могла быть создана только великим мастером»,— вторил ему сам Гунсберг.

36. Фе2 : f3. (Если 36. Л : h4, то 36. Лg3+! 37. Кр : g3 Ф : h4+ 38. Крf3 Фh3+ 39. Крf2 Лf7+ 40. Крe1! Фg3+ 41. Крd1 Лf2, выигрывая ферзя.) 36. ... Фh6—d2+ 37. Крg2—g1 Сh4—f2+! 38. Крg1—f1. (Если 38. Ф : f2, то 38. Л : h1+ 39. Крg2 Лh2+ с выигрышем ферзя.) 38. ... Кc6—d4!! 39. Cb2 : d4 Фd2 : c1+ 40. Крf1—e2 Лh7 : h1 41. Cd4 : f2 Фc1 b1 42. g4—g5 Фb1—f1+ — и Гунсберг признал себя побежденным.

На рубеже 1890—1891 годов благосклонный к русскому мастеру Гаванский шахматный клуб решил предоставить ему еще одну попытку завладеть шахматной короной. Как и в предыдущем состязании, Чигорин сразу же захватил инициативу и вел в счете на протяжении почти всего матча. Увы, грубая ошибка в 23-й партии, в которой Чигорин добился решающего перевеса, лишила его заслуженной победы. «Нет никого, кому бы так мало благоприятствовало счастье, как Чигорину, но нет никого, кто так мало нуждался в турнирном счастье, как он»,— резюмировал Зигберт Тарраш.

Спустя год санкт-петербургское «Шахматное общество» организовало матч Чигорина с Таррашем — «восходящим светилом», как назвал его Стейниц. Тарраш оказался могучим соперником: после 17 партий счет побед был 8 : 5 в его пользу. И все же Чигорину удалось изменить ход борьбы и закончить состязание вничью.

Важной вехой в истории шахмат стал в 1895 году турнир в Гастингсе, где собрались все сильнейшие шахматисты земного шара, в том числе новый чемпион мира Ласкер, Стейниц, Чигорин, Тарраш. Блистательно играл в этом «турнире всех турниров» Чигорин. За два тура до финиша он был единоличным лидером. И вновь «король невезения» остался верен себе: потерпев досадную неудачу, он позволил изумившему всех 23-летнему американцу Гарри Пильсбери финишировать первым. И все же 2-е место Чигорина, одержавшего 14 побед, в том числе над Пильсбери, Ласкером и Таррашем, расценивалось авторитетами как наиболее весомая заявка на матч с чемпионом мира.

И здесь снова сказалась непрактичность русского чемпиона, согласившегося на проведение в Петербурге матча-турнира четырех — Ласкера, Стейница, Пильсбери и Чигорина. К тому же вместо интенсивной подготовки к столь ответственному соревнованию выдающийся шахматист вынужден был сам заниматься поиском номеров в гостинице, подбором и расстановкой столов и стульев. Неудивительно, что в соревновании Чигорин занял последнее место.

Эта неудача, по существу, вывела его из числа претендентов на мировое первенство. Однако он еще не раз доказывал свою огромную практическую силу. В 1896 году Чигорин первенствовал в Будапеште, а в 1903-м выиграл два гамбитных соревнования — турнир в Вене и матч с Ласкером. Без особого труда вплоть до 1905 года побеждал он и во всероссийских турнирах.

В последних своих соревнованиях — в Остенде, Бармене, Нюрнберге и Карлсбаде — Чигорин сыграл неудачно. Однако он искренне радовался, видя, что дело всей его жизни не пропало даром,— на авансцену мировых шахмат вышла новая поросль шахматной России — Акиба Рубинштейн, Арон Нимцович, Георг Сальве, Федор Дуз-Хотимирский.

12 января 1908 года великий шахматный труженик скончался в Люблине. Воздавая должное основоположнику русской шахматной школы, хочется, перефразируя знаменитые тютчевские строки, воскликнуть: «Тебя, великий шахматист, России сердце не забудет!»

— Еще одна трагическая судьба! — горестно развел руками Филидор.

— Но каков исполин! Какая глыба! Как жаль, что я не был современником этого удивительного человека! — воскликнул Петров.

— Вы, конечно, обратили внимание, что в большинстве состязаний Чигорина неизменно подводил исключительно слабый финиш,— заметил Бахман.

— А уж поражение в последней партии матча с Гунсбергом, шахматистом, по-видимому, посредственным, просто непростительно,— неуверенно заключил Филидор.

— А вот в этом, маэстро, я не могу с вами согласиться,— живо отозвался Бахман.— Исидор Гунсберг был исключительно сильным шахматистом, победителем крупнейших соревнований в Гамбурге и Брэдфорде. Кроме того, это был очень скромный человек, ему были чужды самодовольство и кичливость. Вы, конечно, слышали об автомате Кемпеллена? Так вот, спустя три десятилетия после смерти Кемпеллена, в Филадельфии во время демонстрации автомата в зале возник пожар. Началась паника, давка, и вдруг из автомата послышались отчаянные вопли: «Спасите! Спасите!» Оказалось, что пожар и последовавший за ним переполох были инсценированы с целью разоблачения тайны механического шахматиста. После этого автомат поместили в музей, где он простоял почти 20 лет и сгорел во время настоящего пожара в 1854 году. Заметьте, в год, когда родился Гунсберг. А спустя 24 года появился новый автомат, сконструированный Чарльзом Гумпелем, уверявшим, что на сей раз никакого обмана нет и с достопочтенной публикой играет подлинный механический шахматист. Автомат Гумпеля имел одну странность: легко обыгрывая соперников-мужчин, он почему-то неизменно уступал победу женщинам. Лишь позже выяснилось, что внутри автомата находился не кто иной, как... Исидор Гунсберг, который не мог себе позволить причинять неприятности представительницам прекрасного пола. Даже получая в партиях с ними выигранные позиции, он самым усерднейшим образом играл «на самомат».

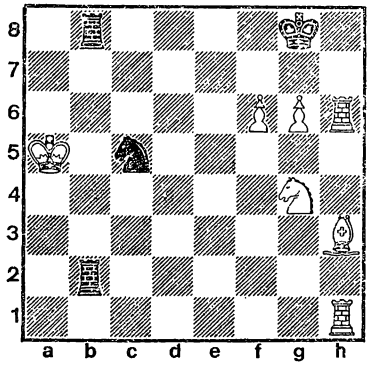
— Вот это джентльмен! — рассмеялся Филидор.

— Да уж, не в пример некоторым,— отозвался Бахман.— В конце XIX столетия в мужских турнирах с успехом выступала чемпионка Англии Мэри Рэдж. Один почтенный джентльмен, не будем называть его имени, проиграв ей партию, в гневе сбросил с доски все фигуры, назвав победительницу «толстой коровой».

— Или другой пример,— подхватил Греков.— Спустя несколько десятилетий в мужских состязаниях начала выступать первая чемпионка мира среди женщин Вера Менчик. В 1929 году в Карловых Варах состоялся меж-

дународный турнир с ее участием. В день открытия этого соревнования австрийский мастер Беккер, весьма скептически оценив ее шансы, предложил основать «Клуб жертв Веры Менчик». «Членом клуба,— пояснил он,— автоматически становится каждый мастер, потерпевший от нее поражение». По иронии судьбы первым соперником чемпионки мира стал... сам Беккер. Борьба была недолгой: замечательная шахматистка по всем статьям переиграла своего самоуверенного противника, и тот под неописуемое ликование зала тут же был провозглашен председателем «Клуба жертв Веры Менчик» с мандатом на три года. Позже членами клуба стали такие известные шахматисты, как Рубинштейн, Эйве, Решевский, Элисказес, Колле, Мизес, Тартаковер, Земиш, Султан-Хан и другие.

— Ничего удивительного,— удовлетворенно поглаживая бороду, заметил Петров.— Еще в древности женщины не раз доказывали свое превосходство над мужчинами. Я позволю себе напомнить известную восточную легенду. В старинном манускрипте из библиотеки турецкого султана Абдул-Гамида приведена следующая позиция.— С этими словами русский мастер быстро расставил фигуры.— Датирована она 1140 годом. Шахматы той эпохи назывались «шатранджем», и их правила заметно отличались от современных. Вы, конечно, помните, что ферзь считался слабейшей фигурой, так как мог ходить только на соседнюю клетку по диагонали, слон перемещался по диагонали только через одно поле, даже если оно было занято другой фигурой, пешка даже при своем первом ходе могла двигаться вперед лишь на одно поле.

А теперь сама легенда, связанная с этой позицией. Визирь одного арабского государства больше всего на свете любил свою несравненную жену Диларам. Когда Диларам была рядом, сердце визиря переполнялось восторгом и любовью. Но однажды, играя в шахматы с сильным соперником, визирь проиграл все, чем владел. В отчаянии и азарте он поставил на Диларам и вскоре вновь попал в почти безнадежное

положение. Горячо любившая мужа Диларам наблюдала за игрой через занавеску. Когда на доске возникла эта критическая позиция, она горько воскликнула: «Отдай обе ладьи, но не отдавай Диларам!» Окрыленный голосом любимой жены, визирь тут же сыграл: 1. Лh6—h8+. Далее последовало: 1. Крg8:h8 2. Сh3—f5+ Лb2—h2 3. Лh1:h2+ Крh8—g8 4. Лh2—h8+ Крg8:h8 5. g6—g7+ Крh8—g8 6. Кg4—h6. Мат! С тех пор позиции с подобным финалом называют «мат Диларам».

— Сколько раз эту легенду рассказывала я обитателям Олимпа,— поеживаясь от вечерней прохлады, промолвила вошедшая в беседку Каисса.— И все, даже наш всемогущий Зевс, восторгались мудростью Диларам.

— Трудно сказать, каких высот на шахматном поприще достигла бы Диларам в наши дни,— полемически заметил Белица.— Как бы то ни было, но примеры Рэдж и Менчик оказались заразительными, и сегодня гроссмейстеры-мужчины, садясь за шахматный столик против представительниц прекрасного пола, далеко не уверены в благополучном для них исходе состязания. Особенно если их соперницами являются советские гроссмейстеры Нона Гаприндашвили и Майя Чибурданидзе, не раз с блеском побеждавшие в крупнейших мужских соревнованиях. При этом Майя Чибурданидзе в 1986 году впервые в истории шахмат сыграла матч с представителем сильного пола — югославским гроссмейстером Петером Поповичем — и добилась почетной ничьей.

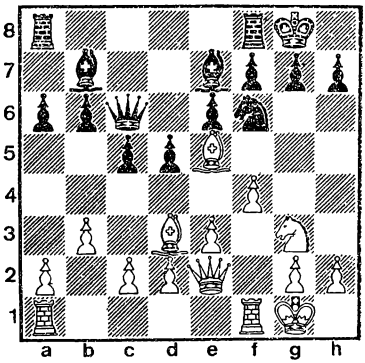
В последние годы успешно выступают в мужских турнирах шведка Пия Крамлинг и «будапештское чудо» — юная Жужи Полгар, всерьез мечтающая стать чемпионом мира среди мужчин. По стопам Жужи идут и обе ее младшие сестры. В 1988 году сестры Полгар внесли решающий вклад в победу венгерской команды на олимпиаде в Салониках. Тогда же младшая из сестер, Юдит, была названа журналистами сильнейшей шахматисткой года. В активе сестер Полгар не одна победа в мужских турнирах, и любители шахмат с нетерпением ждут ответа на вопрос: когда же Юдит Полгар бросит перчатку чемпиону мира Гарри Каспарову?

— Вот и завершился первый день наших воспоминаний,— приветливо улыбнулась Каисса.— Сейчас нимфы проводят вас в отведенные вам покои, а завтра с восходом солнца мои верные апостолы продолжат свои увлекательные рассказы.

Утром следующего дня оба великих шахматиста почти одновременно появились у гранитного столика.

— Уважаемые маэстро,— после взаимных приветствий обратился к гостям Зноско-Боровский.— Прошу вас садиться, и я начну свой рассказ.

Летом 1889 года в Амстердаме состоялся небольшой шахматный турнир. Несмотря на участие в нем Берна, Мэзона и Гунсберга, он проходил довольно тихо, незаметно. И вдруг в один прекрасный день о соревновании заговорили на многих языках — шахматную печать всего мира обошла партия Ласкер — Бауэр. Игравший белыми 20-летний новичок из немецкого города Берлинхен создал подлинный шедевр, проведя блестящую комбинацию с жертвой двух слонов — комбинацию, никогда ранее не встречавшуюся в партиях самых знаменитых мастеров. В этой позиции Ласкер сыграл: 14. Кg3—h5. Далее последовало: 14. ... Кf6 : h5 15. Cd3 : h7+! Первая жертва! 15. Крg8 : h7 16. Фe2 : h5+ Крh7—g8 17. Ce5 : g7! Вторая жертва! 17. Крg8 : g7 18. Фh5—g4+ Крg7—h7 19. Лf1—f3 e6—e5 20. Лf3—h3+ Фc6—h6 21. Лh3 : h6+ Крh7 : h6 22. Фg4—d7! — с решающим материальным перевесом белых.

Ослепительным метеоритом засверкал Ласкер на шахматном небосклоне. Яркие победы следовали одна за другой. Повержены Барделебен, Мизес, Берд, Энглиш, Мэзон, Блэкберн...

Теперь на пути к Стейницу монументально возвышался доктор Тарраш. Увы, Ласкера ожидал холодный отказ. «Молодой человек должен сперва доказать победами в крупных международных турнирах, что он имеет право играть с таким человеком, как я»,— высокомерно заявил Тарраш. А когда в 1894 году Ласкер с большим преимуществом победил в матче на первенство мира стареющего Стейница, шахматный мир, общественное мнение которого в те годы во многом форми-

ровал Тарраш, встретил восхождение нового чемпиона недружелюбным молчанием.

Через год на международном турнире в Гастингсе Ласкер финишировал третьим, и Тарраш, выигравший у чемпиона мира личную встречу, не замедлил выплеснуть на него очередную порцию желчи: «Третий призер Ласкер в первый раз доказал, что он очень сильный игрок. Все его предыдущие успехи были выше всякой меры раздуты беспримерной рекламой». И лишь великолепные победы Ласкера в Петербурге, Нюрнберге и Париже заставили недоброжелателей замолчать.

Пять раз с успехом защищал Ласкер свой высокий титул. В 1907 году он со счетом 8 : 0 разгромил Фрэнка Маршалла, а спустя год в Дюссельдорфе и Мюнхене состоялось единоборство двух непримиримых антиподов — Ласкера и Тарраша. Любопытно, что накануне первой партии была устроена встреча соперников с целью их примирения. Тарраш, сделав два шага навстречу чемпиону мира, изящно поклонился и сказал: «С вами, господин Ласкер, у меня может быть весьма короткий разговор из трех слов: шах и мат!» «Разговор из трех слов», однако, не состоялся, так как чаще всего Таррашу приходилось обходиться лишь одним — «сдаюсь».

В 1909 и 1910 годах Ласкер легко победил Давида Яновского, а в промежутке между этими состязаниями с трудом отстоял шахматную корону в поединке с талантливым представителем венской школы Карлом Шлехтером. Ничто, казалось, не могло сломить железной воли непобедимого чемпиона.

Игра Ласкера производила неизгладимое впечатление на современников. Особенно изумляли его исключительная выдержка, умение «неправильной» игрой спасать самые тяжелые позиции.

Ласкер был исключительно одаренной личностью. Гениальный шахматист, талантливый математик, философ и писатель, он поражал современников размахом своего удивительного интеллекта, остротой ума. Великий ученый Альберт Эйнштейн писал, что Ласкер был одним из интереснейших людей, с которыми он встречался в свои поздние годы.

К этому следует добавить, что Ласкер был очень жизнерадостным, остроумным и находчивым человеком. Однажды один американский миллионер, большой любитель шахмат, пригласил в гости Ласкера и Мароци. Перед обедом он попросил своих знаменитых гос-

тей сыграть партию. Шахматистов ожидал сюрприз: все фигуры, выполненные в виде стеклянных сосудов различной формы, были заполнены коньяком. «У меня есть только одно условие,— сказал радушный хозяин.— Выигравший фигуру должен выпить все ее содержимое». Игравший белыми Ласкер решительно двинул вперед королевскую пешку: 1. e2—e4. Мароци ответил 1. ... e7—e5. Дальнейшая борьба была недолгой: 2. Фd1—h5 Кb8—c6 3. Фh5 : f7+. Здесь следует поставить два восклицательных знака, так как жертва ферзя, содержавшего пол-литра французского коньяка, решила исход поединка в пользу Ласкера.

Последние слова рассказчика потонули в дружном хохоте.

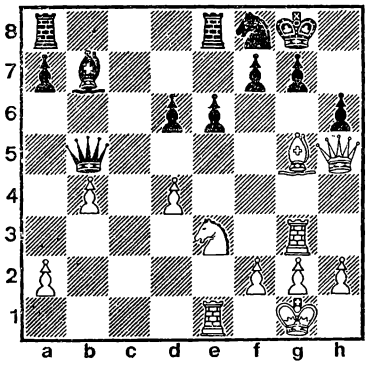
— Хочу заметить,— все еще смеясь, произнес Нейштадт,— что эта партия отнюдь не самая короткая в истории шахмат. Самую короткую сыграл много лет спустя Арчил Эбралидзе. Грузинский мастер всегда являл собой образец корректности, пунктуальности, аккуратности и очень страдал от отсутствия этих качеств у окружающих. Однажды, выступая в одном из республиканских соревнований, Эбралидзе после того, как его соперник сделал первый ход, горестно вздохнул, остановил часы и... сдал партию. На вопрос, что с ним случилось, он невозмутимо ответил: «Со мной-то ничего, а вот мой противник явился на игру... небритым!»

— Вернемся, однако, к Ласкеру,— продолжил Зноско-Боровский.— Как-то гроссмейстер Бернштейн пожаловался Ласкеру, что в партии с довольно слабым противником он одним неосторожным ходом упустил победу. «Я крупнейший олух среди шахматистов!» — воскликнул Бернштейн. «Это интересная мысль»,— улыбнулся Ласкер. «Вы действительно так думаете? — возмутился Бернштейн.— Тогда письменно подтвердите это!» Ласкер взял лист бумаги и невозмутимо написал: «Справка. По просьбе доктора Бернштейна удостоверяю, что он на самом деле является крупнейшим олухом среди шахматистов».

Беседка вновь огласилась безудержным смехом.

— А что вы скажете по поводу этой позиции? — проворно расставив фигуры, спросил Бахман.

— В эту тяжелую позицию Ласкер попал в партии с 21-летним мексиканским мастером Карлосом Торре на московском международном турнире 1925 года. Тут уж не спасет даже самая «неправильная» игра. Торре сыграл: 25. Cg5—f6!! Далее последовало: 25. Фb5 : h5

26. Лg3 : g7+ Крg8—h8 27. Лg7 : f7+ Крh8—g8 28. Лf7—g7+ Крg8—h8 29. Лg7 : b7+ Крh8—g8 30. Лb7—g7+ Крg8—h8 31. Лg7—g5+ Крh8—h7 32. Лg5 : h5 — и белые, осуществив эту классическую «мельницу», вскоре одержали заслуженную победу. Партия эта обошла шахматную печать всего мира.

— В конце концов Ласкер хоть и гений, но все-таки человек, и ничто человеческое ему не чуждо, в том числе и ошибки,— философски заметил Петров.

— Ну а кроме того, когда он понял, что попался на «мельницу», то даже в роли потерпевшего не смог устоять против очарования этой комбинации и дал возможность Торре провести ее до конца. В этом, если хотите, благородство Ласкера, который по логике событий должен был сдать партию сразу же после 25-го хода белых,— продолжил свой рассказ Зноско-Боровский.— Сокрушив в течение четырех лет всех реальных конкурентов, Ласкер, по всеобщему мнению, надолго оградил свой престол от новых посягательств.

Однако не прошло и года, как 23-летний кубинец Хосе Рауль Капабланка-и-Граупера, блестяще победив на турнире в Сан-Себастьяне, решительно бросил перчатку непобедимому чемпиону. Ласкер в принципе принял вызов, но поставил перед претендентом такие условия, что их поединок в ближайшие годы стал практически невозможным. Так, например, Ласкер требовал, чтобы звание чемпиона мира было сохранено за ним, если кубинец не сумеет победить с перевесом в два очка.

Переговоры надолго затянулись и в конце концов привели к непримиримой ссоре соперников. Поклонники кубинского шахматиста обвинили Ласкера в уклонении от борьбы, и чемпион мира, не выдержав оскорбительных нападок, заявил, что официально отказывается от своего титула в пользу Капабланки.

И все же спустя 10 лет матч шахматных гигантов состоялся в Гаване. После 14 партий при счете 4 : 0 в пользу Капабланки Ласкер по настоянию врачей сдал

матч. Так завершилось продолжавшееся 27 лет царствование великого Ласкера.

Казалось, эпоха Ласкера безвозвратно миновала. Однако неувядающий исполин яркими победами в Остраве Моравской и Нью-Йорке решительно опроверг подобные утверждения. Особенно примечателен его блестящий успех в Нью-Йорке, где Ласкер опередил Капабланку, Алехина, Маршалла, Рети, Мароци, Боголюбова, Тартаковера и других корифеев.

И все же время неумолимо брало свое. Правда, в 1935 году «шестидесятисемилетний рыцарь шестидесяти четырех полей», как назвал Ласкера поэт Безыменский, вновь удивил шахматный мир, заняв 3-е место в исключительно сильном по составу московском международном турнире.

Вскоре после завершения московского турнира находившийся в непримиримом конфликте с пришедшим к власти в Германии фашизмом Ласкер решил остаться в Советском Союзе. Работая в Математическом институте им. В. А. Стеклова Академии наук СССР, он в свободное время охотно выступал с лекциями и сеансами одновременной игры перед шахматными коллективами предприятий и колхозов, вел активную литературную работу.

Осенью 1937 года Ласкер по настоянию верной спутницы его жизни фрау Марты уехал погостить к ее дочери в Соединенные Штаты Америки. Супруги рассчитывали в феврале вновь вернуться в Москву. Но в Нью-Йорке фрау Марта тяжело заболела, и врачи категорически заявили, что обратное путешествие в Москву может стоить ей жизни. Так они и остались доживать свои дни в Нью-Йорке.

24 декабря 1940 года Ласкер скромно отметил 72-летие. Несмотря на болезнь, он, как всегда, был весел, общителен, остроумен. А спустя несколько дней болезнь окончательно приковала его к постели. 13 января 1941 года Ласкера навестили гроссмейстер Файн с супругой. Он уже не мог говорить и лишь слабым движением руки приветствовал гостей. А когда гости удалились, проводившая их фрау Марта услышала слабый голос мужа. «Король шахмат...» — собрав остаток сил, прошептал он. Это были последние слова величайшего шахматного гения.

Зноско-Боровский умолк.

Французский маэстро нервно теребил пуговицы своего камзола, его коллега из России сосредоточенно ба-

рабанил пальцами по еще не совсем высохшему от росы столику. Чувствовалось, что личность Ласкера произвела на обоих неизгладимое впечатление.

Наконец Филидор, подняв большие и грустные глаза, проронил:

— Ласкер — это великая эпоха шахмат!

— И эпоха эта могла быть более продолжительной, если бы он не последовал за своей супругой в Америку,— поддержал его Петров.

— Наверно, это так,— задумчиво произнес Греков,— если бы не одно существенное «но». Фрау Марта была женщиной высокой культуры и интеллекта, талантливой журналисткой, писательницей и поэтессой. И все это она принесла в жертву тому, кто стал гордостью и смыслом всей ее жизни. Еще перед матчем с Таррашем Ласкер просил Марту Кон поехать с ним в Дюссельдорф, но та была неколебима: «Мой отъезд лишь ускорит кончину тяжелобольного мужа». Победно начав состязание, тяжело страдавший от разлуки с любимой женщиной, Ласкер стал допускать несвойственные ему ошибки, а проиграв 10-ю и 12-ю партии, буквально засыпал возлюбленную телеграммами: «Умоляю, приезжай, спаси своего несчастного сумасшедшего, который тебя любит и не может больше обойтись без тебя...» Рыдающая Марта положила телеграммы Ласкера перед умирающим мужем, и Ганс Кон благородно решил: «Сейчас ему ты необходима больше, чем мне». С приездом Марты окрыленный Ласкер заиграл с присущей ему выдумкой и силой, и возлелеявший было надежды Тарраш вынужден был капитулировать. Вскоре после этого матча Ганс Кон умер, а спустя еще несколько месяцев Марта стала женой Ласкера. И с тех пор на протяжении более чем 30 лет они были неразлучны. Вместе с мужем фрау Марта объездила весь мир. Неизменно сидящая с вязаньем в руках в первом ряду турнирных залов, в которых играл Ласкер, она была для него источником сил и вдохновения, главным стимулом в борьбе с сильнейшими шахматистами земного шара. Недаром сам Ласкер в одном из писем к ней писал: «Рядом с тобой я никогда не теряю равновесия. Даже на краю света я чувствую себя, как дома...» А когда великий шахматист скончался, ненамного пережившая его фрау Марта горько проронила: «Шахматный мир потерял много,— я потеряла все!» Вот и судите сами, мог ли Ласкер не последовать за любимой женой в Америку?

— Ну что ж, кажется, настал черед рассказать об одном из самых непримиримых антиподов Ласкера — докторе Тарраше,— подвел черту Бахман.

Глава 12. ХУДОЖНИК ПРОТИВ ДОГМАТИКА

В начале 80-х годов XIX столетия в шахматном мире царили Стейниц, Цукерторт, Блэкберн, Винавер, Чигорин. Именно в этот период раскрылось яркое шахматное дарование студента-медика Берлинского университета Зигберта Тарраша.

Первый крупный успех к необычайно талантливому шахматисту пришел в 1885 году в Гамбурге, где он вместе с Блэкберном, Вейссом, Мэзоном и Энглишем разделил 2—6-е места.

Стиль Тарраша в то время характеризовали стремительные атаки, яркие комбинации и... недостаточно зрелая позиционная игра. Относительная неудача в 1887 году во Франкфурте — дележ 5—6-го мест с Бергером — заставила Тарраша подвергнуть свою игру тщательному анализу. Взяв за основу позиционные принципы Стейница, он не только привел их в стройную систему, но и внес в стратегию игры много новых оригинальных идей.

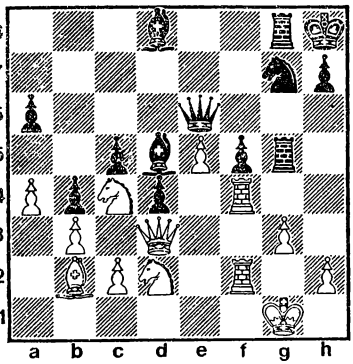
Проделанная работа принесла Тарташу в период с 1889 по 1894 год впечатляющие победы в Бреславле, Манчестере, Дрездене и Лейпциге. Однако, твердо уверовав в свою исключительность, он, по существу, пытался утвердить незыблемость открытых им принципов, игнорируя тот бесспорный факт, что шахматы гораздо многообразнее и шире его прямолинейных теоретических воззрений, что практика зачастую выдвигает исключения из сформулированных им правил.

Одним из наиболее непримиримых критиков вождя «новой школы» был Чигорин, который считал, что применение на практике верных в своей основе принципов Тарраша должно диктоваться только требованиями конкретной позиции.

Ничего не изменил и матч апологетов двух направлений, состоявшийся в 1893 году в Петербурге. Равный счет — 9 : 9 — оставил открытым принципиальный спор шахматных школ.

Если вне шахмат Тарраш выглядел этаким преуспевающим самодовольным человеком, то за доской он преображался. К счастью для шахмат, великий художник в нем неизменно брал верх над самонадеянным догма-

тиком. Это и позволило Таррашу создать ряд блистательных шедевров, к числу которых относится и его партия с известным мастером Вальбродтом, сыгранная в 1895 году в Гастингсе. Белыми играл Тарраш. В этой позиции последовало: 32. Кc4—d6! Фe6 : e5 33. Кd6:f5 Кg7—h5 34. Лf4:d4! Кh5 : g3 35. Кf5 : g3 Лg5 : g3+ 36. h2 : g3 Лg8 : g3+ 37. Крg1—f1! Лg3 : d3 38. Лd4—g4! Блестящий удар! Если теперь 38. ... Фe5 : b2, то 39. Лf2—f8x, поэтому черные сдались.

Самонадеянность Тарраша не раз оказывала ему медвежью услугу. Так, в 1892 году высокомерно отклонив вызов молодого Ласкера, он впоследствии уже сам упорно добивался права на единоборство с ним. Итог их состязания вам известен. Тяжелое поражение от Ласкера настолько деморализовало Тарраша, что он почти три года не выступал в крупных соревнованиях. А появившись в 1911 году в Сан-Себастьяне, сумел лишь разделить 5—7-е места с Нимцовичем и Шлехтером. Безуспешными были и все последующие его попытки восстановить былую репутацию.

Выдающийся шахматист скончался в 1934 году, оставив после себя огромное творческое наследие — блистательные партии, а также актуальные и по сей день теоретические исследования.

— Сложная натура,— едва Бахман закончил свой рассказ, покачал головой Филидор.— С одной стороны, замечательный шахматист и теоретик, с другой...

— Единство противоположностей, — резюмировал Петров.

— Странно то,— заметил Греков,— что, часто попадая в неловкое положение, Тарраш тем не менее продолжал демонстрировать свое высокомерие к окружающим. Так, перед началом турнира в Гамбурге в 1911 году Тарраш высказался против участия в нем англичанина Ейтса, так как считал его весьма слабым шахматистом. Ейтс и в самом деле оказался слабейшим участником этого турнира, но, по иронии судьбы, единственную свою победу одержал над... Таррашем.

— Как бы то ни было, Тарраш по праву занял видное место в многовековой истории шахмат,— заключил Бахман.— О его беззаветной любви к шахматам говорят такие высокие слова: «Я испытываю сожаление к людям, не знающим шахмат, как бывает жаль человека, не изведавшего чувства любви. Как любовь, как музыка, шахматы обладают способностью делать человека счастливым».

Глава 13. СВЕРКНУВШИЙ МЕТЕОРИТ

— Мы уже не раз упоминали о гастингсском турнире 1895 года,— начал свой новый рассказ немецкий историк.— И он, несомненно, достоин того. Этого события шахматный мир ждал с особым нетерпением. Ведь именно в Гастингсе впервые должны были сойтись лицом к лицу не признанный в то время шахматный король Ласкер, поверженный им первый чемпион Стейниц, главные претенденты на шахматный престол Чигорин и Тарраш, выдающиеся мастера древней игры Блэкберн, Мэзон, Гунсберг, Берн, Мизес, Яновский, Барделебен, Шлехтер, Тейхман и другие. Мнение специалистов было единым: победитель «битвы при Гастингсе» с полным правом может считаться сильнейшим в мире.

В турнире участвовали и несколько новичков, которым заранее отводилась незавидная роль аутсайдеров. Однако любителей шахмат ждал поразительный сюрприз. Сокрушив всю шахматную элиту, первый приз завоевал 23-летний дебютант международных соревнований Гарри Нельсон Пильсбери.

Познакомившись с замечательной игрой в возрасте 16 лет, юноша был очарован ее неисчерпаемой глубиной. С тех пор шахматы стали делом всей его жизни. Уже через пять лет Пильсбери вышел победителем турнира сильнейших американских мастеров, а спустя еще два года в Гастингсе стал виновником едва ли не самой громкой сенсации в истории шахмат. И хотя впоследствии он неоднократно занимал высокие места на авторитетнейших форумах, успех в Гастингсе был наиболее значительным достижением гениального шахматиста.

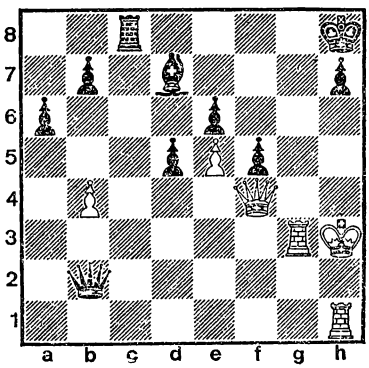
В конце того же 1895 года в Петербурге был организован матч-турнир четырех сильнейших шахматистов мира — Ласкера, Стейница, Пильсбери и Чигорина (Тарраш отказался от участия). Первая половина соревнования стала продолжением гастингсского триумфа Пиль-

сбери. Увы, затем случилось невероятное — в девяти последующих партиях Пильсбери набрал лишь полтора очка и в итоге пропустил вперед Ласкера и Стейница.

Петербургская трагедия произошла из-за начавшейся у него страшной болезни — прогрессирующего паралича. Но еще печальнее было то, что в последующие годы гениальный шахматист совершенно не щадил своего подорванного здоровья — он по-прежнему много играл, часто давал изнурительные сеансы вслепую, непрерывно курил. Нередко Пильсбери демонстрировал феноменальную память в различных экзотических аттракционах — одновременных сеансах вслепую в шахматы и шашки, сочетавшихся с игрой в вист и беседами с окружающими. А в 1902 году в Москве он установил мировой рекорд, дав сеанс вслепую на 22 досках.

Неудивительно, что огромное напряжение, колоссальные перегрузки привели к полному расстройству его нервной системы. В 1905 году Пильсбери пытался покончить жизнь самоубийством, а спустя год, не достигнув и 34-летнего возраста, скончался на Бермудских островах.

Будучи выдающимся мастером позиционной игры, Пильсбери зарекомендовал себя и превосходным тактиком. А после партии с Гезой Мароци, сыгранной в 1900 году в Париже, Георг Марко остроумно заметил, что «Пильсбери и королем может дать мат». Вот окончание этой замечательной партии, в которой Пильсбери играл белыми: 44. Фf4—h6 Фb2 : e5. Мароци полагал, что этим ходом он отразил все угрозы. Однако последовало ошеломляющее 45. Фh6 : h7+!! Крh8 : h7. И здесь Пильсбери «скромно» увел своего короля с вертикали «h». 46. Крh3—g2. Мат!

— Сеанс вслепую на 22 досках! — воскликнул Филидор.— Когда в 1742 году в кафе «Режанс» я сыграл, не глядя на доску, лишь две партии, это вызвало бурный восторг окружающих. А когда спустя несколько лет в Лондоне число моих соперников возросло до трех, это было воспринято современниками как чудо XVIII столетия.

— Ну, с тех пор слишком много воды утекло,— улыбнулся Нейштадт.— В 1858 году гениальный Пол Морфи изумил шахматный Париж, дважды сыграв вслепую по 8 партий, а спустя 18 лет в Лондоне блистательный Иоганн Цукерторт довел число досок до 16. В 20—30-е годы нашего столетия мировое достижение в игре не глядя на доску обновлялось еще 6 раз. В 1921 году в Кашау венгерский шахматист Дьюла Брейер провел сеанс на 25 досках.

— Любопытно, что в 1925 году из Испании пришло сообщение о том, что местный мастер Юнкозе побил мировой рекорд Брейера, проведя сеанс вслепую на 33 досках,— вступил в беседу Зноско-Боровский.— Вскоре, однако, выяснилось, что цифра эта завышена ни больше ни меньше чем в 11 раз. Оказалось, что Юнкозе, объявив о своем сеансе на 33 досках, застал на поле боя лишь трех участников. Не мудрствуя лукаво, он тут же засчитал поражения 30 мифическим соперникам за неявки, а на оставшихся трех досках две партии выиграл и одну проиграл. Спустя год в Нью-Йорке Алехин сыграл 25 «слепых» партий, из которых 16 выиграл и лишь 5 проиграл. В том же году в Сан-Паулу чехословацкий гроссмейстер Рихард Рети довел потолок рекорда до 29 партий. Впечатляющее достижение!

— Но и оно в 1931 году в Антверпене было побито американцем Джорджем Колтановским, который провел без поражений сеанс на 30 досках,— продолжил Зноско-Боровский. — Успешно играли вслепую такие известные гроссмейстеры, как Тарраш, Рубинштейн, Земиш и другие. Любопытно, что во время одного из «слепых» сеансов Земиша некая пожилая дама долго всматривалась в лицо сеансера, а затем, обратившись к участникам, взволнованно воскликнула: «Это чистое жульничество! Он вовсе не слепой!»

— В послевоенные годы рекордная гонка была продолжена,— принял своеобразную эстафету Белица.— В 1946 году в Сан-Паулу аргентинский гроссмейстер Мигель Найдорф провел сеанс вслепую на 45 досках, а в октябре 1960 года в Будапеште венгерский мастер Янош Флеш довел потолок рекорда до фантастической цифры — 52 партии! 31 из них Флеш выиграл и лишь 3 проиграл. К этому следует добавить, что 27-летний мастер страдал в то время неизлечимой болезнью и по его настоятельной просьбе врач открыл ему горькую правду: жить талантливому шахматисту осталось несколько месяцев. И тогда Флеш решил определить че-

ловеческие возможности в игре вслепую, которую медики единодушно признали чрезвычайно вредной для здоровья. Со своей задачей он справился блестяще, а обследовавшие его после рекордного сеанса врачи с изумлением констатировали, что огромные перегрузки включили какие-то новые, неизвестные силы организма и заставили болезнь отступить. Так шахматы победили даже неизлечимый недуг. К сожалению, спустя 24 года после своего уникального достижения Янош Флеш трагически погиб в автомобильной катастрофе.

Рекорд Флеша просуществовал всего лишь один год — в 1961 году в Сан-Франциско его побил неутомимый Джордж Колтановский, проведя без поражений сеанс вслепую на 56 досках.

Глава 14. ШАХМАТНЫЙ МУШКЕТЕР

— Все это, конечно, интересно,— рассудительно заметил Греков,— но мы вновь отвлеклись. Герой следующего моего рассказа появился в шахматных кругах Парижа в конце 80-х годов прошлого столетия. Этот щеголеватый юноша с лихо закрученными усиками, подобно легендарному д'Артаньяну, был одержим мечтой покорить великий город. Звали его Давид Яновский.

Окружающих особенно поражали в этом выходце из России удивительный темперамент, неистощимая фантазия, изящество, смелость замыслов, неутомимая жажда победы. О его импульсивности, азарте, склонности заключать рискованные пари слагались легенды. Так, получив за победу на турнире в Монте-Карло 5 тысяч долларов, Яновский в ту же ночь проиграл их в казино и вынужден был занять деньги на обратную дорогу. Его необузданная артистическая натура постоянно жаждала успехов, почитания, славы.

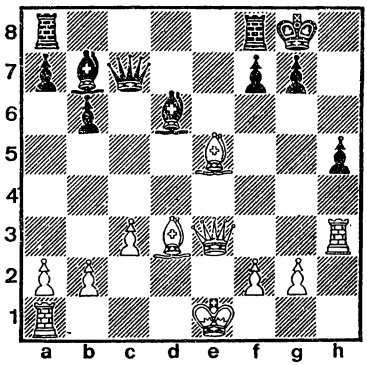
Уже первые международные выступления молодого шахматиста принесли ему мировую известность, а блистательные победы в Вене, Монте-Карло, Париже и Бармене, где им были повержены Стейниц, Ласкер, Пильсбери, Тарраш и другие корифеи, выдвинули его в число главных соискателей шахматной короны.

В 1899 году после своего триумфа в Лондоне Яновский вызвал Ласкера на матч, однако из-за финансовых неувязок их поединки за шахматную корону состоялись лишь спустя 10 лет. К тому времени главные успехи претендента были уже позади. Обе аудиенции у шахматного короля, организованные на средства бо-

гатого покровителя Яновского Пьера Нардю, принесли ему одно горькое разочарование.

Исследователи творчества Яновского не раз отмечали, что шахматного таланта у него было не меньше, чем у Ласкера, а вот выдержки, силы воли, трудолюбия — неизмеримо меньше.

Уступив в борьбе за шахматную корону, Яновский не отступил от своих творческих принципов. Он завоевал столько призов за красоту сыгранных им партий, что публикация их составила бы объемистый том. Даже на закате блистательной карьеры великий шахматист создал целый ряд неувядаемых шедевров. Один из них — партия с Земишем, сыгранная в 1925 году в Мариенбаде. Игравший белыми Яновский своим 20-м ходом буквально ошеломил соперника: 20. Фе3—h6!! Черные немедленно сдались, так как на 20. ... f6 последует 21. Лg3.

В конце 1926 года Яновский приехал в небольшой французский городок Иер для участия в очередном турнире, но серьезная болезнь надолго уложила его в постель. Средств на лечение у него не было, и 15 января 1927 года великого мастера не стало. Так закатилась еще одна шахматная звезда...

— Еще одна печальная судьба,— тихо проронил первый шахматный мастер России.

— Вновь острая нужда и безвременная кончина. Неужели же это удел всех шахматных гениев? — воскликнул Филидор.

— Разумеется, не всех, но очень многих,— развел руками Греков.— И все же они были счастливыми людьми. Разве обогатить своими творениями мировую сокровищницу шахмат и тем самым обессмертить свое имя — не высшее счастье? Прославиться ведь можно по-разному.

В 1903 году в Монте-Карло состоялся международный турнир. Один из его участников — некий полковник Моро — отличился тем, что проиграл все 26 турнирных партий. Ноль очков из 26 возможных! Местные шутники буквально засыпали бедного полковника очень

своеобразными подарками, причем все дары, доставлявшиеся в его номер, состояли из 26 экземпляров — 26 бубликов, 26 яиц, 26 картофелин и тому подобное.

— Это что,— небрежно бросил Бахман.— Была еще более яркая, в кавычках конечно, знаменитость. В конце 20-х годов нашего столетия в Манхэттенском шахматном клубе появился новичок — Малькольм Малли. Несмотря на очень слабую игру, Малли отличался крайним самомнением. Именно поэтому сильнейшие игроки клуба как-то решили разыграть самонадеянного новичка и проиграли ему все до единой партии. Когда шутка эта повторилась во второй, а затем и в третий раз, ничего не подозревавший Малли настолько вознесся, что послал вызов на матч одновременно Ласкеру, Капабланке и Алехину. Не получив ответа, он решил бросить шахматы ввиду отсутствия достойных соперников.

— Ну, каково?! — воскликнул немецкий историк. И, не дожидаясь ответа, объявил: — А теперь я расскажу о подлинной знаменитости.

Глава 15. КОРОЛЬ НИЧЬИХ

Однажды Эмануила Ласкера спросили, кого он считает для себя наиболее трудным соперником. Великий шахматист, не колеблясь, назвал выдающегося австрийского гроссмейстера Карла Шлехтера.

Это имя впервые прозвучало в 1894 году в Лейпциге, где 20-летний шахматист дебютировал в турнире мастеров. Скромное 11-е место не произвело большого впечатления на современников, но молодой шахматист продолжал упорно совершенствоваться, твердо веря в свою звезду. Его результаты росли от турнира к турниру, и в начале XX столетия Шлехтер по праву вошел в когорту самых знаменитых шахматистов планеты.

Добродушный, всегда корректный и приветливый гроссмейстер неизменно вызывал симпатии и уважение коллег по шахматному искусству.

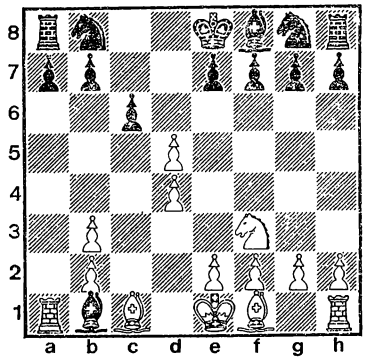
«Королем ничьих» называли его шахматисты, причем многие из них не без оснований были убеждены, что выдающийся мастер никогда не возражает против мирных переговоров лишь потому, что это не причиняет страданий ни одной из сторон. В самом деле, из 10 сыгранных Шлехтером матчей 8 завершились вничью. О его благородстве слагались легенды. Так, при сильном цейтноте противника Шлехтер часто не переводил

часы, дабы фактор времени не омрачал радость творчества. Однажды Ласкер опоздал на турнирную партию с ним на 45 минут. Принеся свои извинения, он сделал первый ход. К его удивлению, Шлехтер встал и, также извинившись, покинул зал. Появившись ровно через 45 минут австрийский гроссмейстер как ни в чем не бывало сделал ответный ход. Позже, отвечая на многочисленные вопросы коллег, Шлехтер объяснил, что он не пожелал иметь фору даже в борьбе с таким могучим соперником, как Ласкер.

Излишнее миролюбие не помешало замечательному художнику в период 1900—1915 годов выйти победителем крупнейших соревнований в Мюнхене, Монте-Карло, Кобурге, Остенде, Стокгольме, Праге, Гамбурге, Будапеште. В своей родной Вене он выиграл все 7 турниров этого периода. В одном из них в 1911 году в партии с известным мастером Перлисом Шлехтер, игравший белыми, создал следующую миниатюру. К этой позиции соперники пришли после 6 ходов.

Бахман быстро воспроизвел начальные ходы...

— Далее последовало: 7. d5:c6 Cb1—e4? Явная ошибка черных — следовало играть 7. К:c6. Теперь Шлехтер наносит красивый решающий удар: 8. Ла1:a7!! Ла8:a7 9. c6—c7! — и черные сдались. Трудно припомнить, когда бы в партии шахматистов столь высокого класса борьба завершалась уже на 9-м ходу!

Кульминационным событием всей шахматной карьеры Шлехтера был его матч на первенство мира с Ласкером в 1910 году. Из намеченных 30 партий удалось обеспечить финансирование только 10, причем по регламенту претендент, чтобы завоевать шахматную корону, должен был победить с перевесом не менее чем в два очка. Помня, с какой легкостью Ласкер сокрушил Тарраша, Яновского и Маршалла, специалисты считали задачу Шлехтера невыполнимой.

Ход борьбы, однако, опроверг безрадостные для претендента прогнозы. После 9 партий Шлехтер вел 1:0 (при 8 ничьих). И в заключительной 10-й партии авст-

рийский гроссмейстер добился подавляющего перевеса. Казалось, непобедимый Ласкер сломлен. Но, когда синяя птица счастья была уже почти в руках, Шлехтер вдруг стал нервничать, и Ласкер, умело использовав возбужденное состояние противника, свел матч вничью. И все же итог этого поединка шахматный мир оценил как бесспорное достижение Шлехтера.

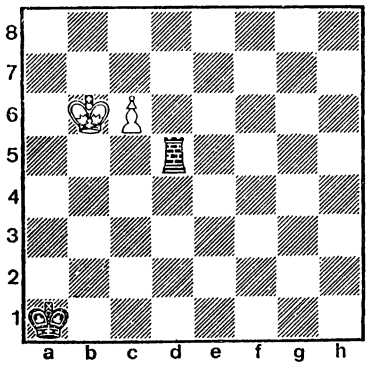
Тяжелые будни шахматного профессионала, большие перегрузки, вызванные напряженным трудом и систематическим недоеданием, слишком рано подорвали здоровье замечательного мастера. Карл Шлехтер побеждал сильнейших гроссмейстеров своего времени, но победить тяготы жизни ему так и не удалось. В 1918 году выдающийся шахматист умер, не достигнув и 45-летнего возраста.

— Комбинация, проведенная Шлехтером, действительно красивая,— первым нарушил молчание Петров.— Хотя ситуация, когда пешка оказывается сильнее беспомощных фигур неприятеля, не редкость. Особенно в произведениях шахматных композиторов.

— Совершенно верно,— живо подхватил Зноско-Боровский.

Он быстро освободил доску от фигур и расставил довольно простую на первый взгляд позицию.

В 1895 году в одной из шотландских газет был опубликован этюд преподавателя французского языка Барбье. Задание гласило: белые начинают, а черные добиваются ничьей. Здесь автор использовал оригинальную патовую идею. 1. c6—c7 Лd5—d6+ 2. Крb6—b5 Лd6—d5+ 3. Крb5—b4 Лd5—d4+ 4. Крb4—b3 Лd4—d3+ 5. Крb3—c2 Лd3—d4! 6. c7—c8Ф Лd4—c4+ 7. Фc8 : c4 — пат!

К сожалению, вместо сладкого бремени славы автора ожидало горькое разочарование. Один из читателей, некий аббат Фернандо Сааведра, легко справившись с заданием, обнаружил, что у белых есть дьявольской силы ход, приводящий их к победе. И этот ход...— Рассказчик лукаво посмотрел на обоих маэстро.

— Пешка c7—c8, но не ферзь, а ладья! — одновременно воскликнули оба великих шахматиста.

— Правильно! Я не сомневался, что вы сразу найдете этот потрясающий ход. Оказывается, ферзь приносит лишь ничью, а ладья — победу! И он опровергает все наши представления о сравнительной силе фигур, раскрывает подлинное величие шахмат, их неисчерпаемость и бессмертие! Теперь черным грозит мат — 7. Лc8—a8x. Поэтому им ничего не остается, кроме 6. Лd4—a4, однако у белых находится еще один убийственный ход 7. Крc2—b3, после которого черные либо получают мат — 8. Лc8—c1x, либо теряют ладью.

— Этюд и в самом деле замечательный,— поглаживая бороду, -проронил Петров.— Странно только, что сам Барбье не увидел превращения пешки в ладью.

— Зато это увидел аббат Сааведра, ставший не только подлинным автором этой жемчужины, но и навеки вписавший свое имя в анналы шахматной истории,— заключил Зноско-Боровский.— Ну а теперь обратимся к одному из самых замечательных романтиков XX века.

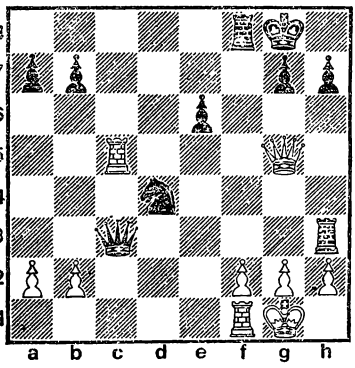
Глава 16. РЫЦАРЬ КОМБИНАЦИИ

Летом 1899 года Бруклинский шахматный клуб делегировал своего чемпиона Фрэнка Джеймса Маршалла в Лондон. Выступая в побочном турнире, среди участников которого были Мизес, Марко и другие известные мастера, 22-летний американец ошеломил именитых соперников каскадом комбинаций, фейерверком жертв и уверенно занял 1-е место.

Много ярких побед одержал впоследствии Маршалл. Однако венцом его шахматной карьеры стал состоявшийся в 1904 году турнир в Кембридж-Спрингсе. Проведя турнирное соревнование без единого поражения, замечательный шахматист на два очка опередил финишировавших вслед за ним Ласкера и Яновского. Эта победа сразу сделала его одним из главных претендентов на матч с чемпионом мира.

Как и многие его предшественники, Маршалл понимал, что комбинационная игра не в состоянии обеспечить постоянство высоких результатов, но, несмотря на это, он всегда предпочитал свой собственный стиль игры. Именно этим можно объяснить тяжелые поражения Маршалла от Тарраша и Капабланки и в матче на первенство мира от Ласкера. Но именно в этом и величие Маршалла, одержавшего немало впечатляющих побед.

Для специалистов и любителей шахмат присуждение Маршаллу специальных призов за красоту стало обычным явлением, а его фантастическая комбинация в партии с Левитским, сыгранной в 1912 году в Бреславле, и поныне считается одной из самых блистательных жемчужин в истории шахмат.

Предводительствовавший черными фигурами Маршалл сыграл: 23. Фc3—g3!!! Мое глубокое убеждение, что комментаторы должны к этому сногсшибательному ходу ставить три восклицательных знака!

Очевидцы утверждали, что после этого хода Левитский даже вздрогнул и некоторое время не мог оправиться от шока, а когда пришел в себя, немедленно сдался. Действительно, ни одно из продолжений не спасает белых. Если 24. Ф : g3, то 24. ... Кe2+ 25. Крh1 К : g3+ 26. Крg1 К : f1 и так далее. Если же 24. fg, то 24. Кe2+ 25. Крh1 Л : f1x. А в случае 24. hg черные сразу же объявляют мат 24. Кe2x.

Сокрушительные поражения от Тарраша, Ласкера и Капабланки заставили замечательного художника слегка приглушить романтические страсти. Это несколько обезличило его игру, но результаты тем не менее выравнялись.

И все же до высот Кембридж-Спрингса, Нюрнберга, Дюссельдорфа и других своих лучших достижений ему уже не удалось подняться, и на рубеже 20—30-х годов великий шахматист решил покинуть международную арену. Правда, он по-прежнему являлся лидером команды США, четырежды побеждавшей на шахматных олимпиадах.

9 ноября 1944 года во время прогулки гениальный гроссмейстер скоропостижно скончался. С глубокой скорбью любители шахмат всего мира встретили эту горькую весть. Лидер советских шахматистов Михаил Ботвинник писал: «...утонченный шахматный мастер и славный спортсмен Фрэнк Джеймс Маршалл навсегда вошел в историю шахмат».

— Еще бы! — восхищенно воскликнул Филидор.—

Такой комбинации позавидовали бы даже Андерсен и Морфи.

— Только за один ход Фg3 Маршалла смело можно величать гением,— поддержал коллегу Петров.

— Действительно,— разделяя общий восторг, промолвил Греков,— этот шедевр способен доставить подлинное счастье истинному ценителю красоты.— И вдруг, лукаво улыбнувшись, добавил: — А ведь я, пожалуй, могу показать еще более красивый ход, причем для демонстрации его нам даже не потребуются доска и фигуры.

Югославский гроссмейстер Милан Видмар в одном из международных турниров отложил партию против Хосе Рауля Капабланки в безнадежном положении. В день доигрывания он явился, чтобы после бесплодного анализа сдать партию и поздравить соперника с победой. Время, однако, шло, а Капабланка не появлялся. Случайно взглянув на часы, Видмар вдруг обнаружил, что флажок на часах его соперника вот-вот упадет. Гроссмейстер бросился к столику и в тот момент, когда судья собирался зафиксировать просрочку времени у Капабланки, в знак сдачи партии опрокинул своего короля. Английская печать назвала этот ход «самым красивым из всех когда-либо сделанных на шахматной доске».

— Вернемся, однако, к Маршаллу,— заметил Нейштадт.— Этот замечательный шахматист обладал еще и необычайно мягким юмором. Вот как он описал свою победу над Берном в парижском международном турнире 1900 года: «1. d4 d5 2. c4 e6 3. Кc3 Кf6 4. Cg5 Ce7. Берн, страстный курильщик, достал из кармана трубку и стал разыскивать пачку табаку. 5. e3 0—0 6. Кf3 b6 7. Cd3 Cb7 8. cd ed. Берн начал набивать трубку — я ускорил темп игры. 9. С : f6 С : f6 10. h4. Теперь надо было немного подумать. На какое-то время трубка была забыта... Приходилось считаться с угрозами С : h7+ и Кg5+. 10. g6 11. h5 Ле8 12. hg hg. Берн приступил к поискам спичек в кармане. 13. Фc2 Cg7 14. С : g6 fg. Берн чиркает спичкой. Обжигает пальцы. Спичка гаснет. 15. Ф : g6 Кd7. Берн чиркает второй спичкой. 16. Кg5 Фf6. Наконец трубка задымила. 17. Лh8+. Черные сдались. Бедный Берн! Возможно, партия закончилась бы другим результатом, если бы ему удалось сразу раскурить проклятую трубку. Впрочем, свое поражение он воспринял с юмором и сердечно пожал мне руку. В этот момент трубка погасла...»

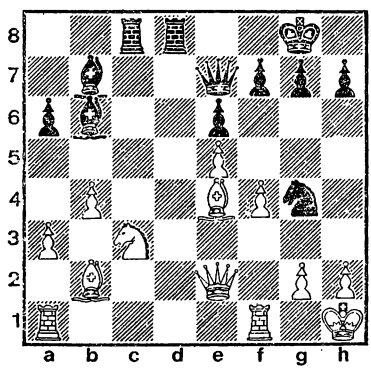
— Я рад, что мне удалось немного вас позабавить,— воскликнул Нейштадт, удовлетворенно глядя на хохочущих маэстро.— Ну а теперь, как говаривал редактор одного юмористического журнала, «продолжим наши игры».

Глава 17. НА СОВЕСТИ ШАХМАТНОГО МИРА

— В начале 1903 года в помещение Лодзинского шахматного клуба вошел молодой человек. Подойдя к столику, за которым сидел кумир местных шахматистов Георг Сальве, он робко сказал: «Маэстро, я прошу вас сыграть со мной партию». Вызов был принят, а через несколько часов Сальве под удивленные возгласы окружающих поздравлял смущенного юношу с победой. Тотчас был организован матч между знаменитым мастером и наделавшим шуму новичком. 14 партий не выявили победителя — счет оказался равным, и шахматное собрание Лодзи делегировало обоих на III Всероссийский турнир в Киев. Так началась удивительная карьера Акибы Рубинштейна.

В 1905 году молодой шахматист выигрывает побочное соревнование в Бармене, а спустя два года с блеском побеждает в Остенде, Карлсбаде и в V Всероссийском турнире в Лодзи. Игра 25-летнего мастера снискала ему всеобщее признание, а комбинация, проведенная им в партии с Ротлеви, обошла всю мировую печать.

В этой позиции черные, которыми играл Рубинштейн, после естественных ходов 21. Фе7—h4 22. g2—g3 наносят сокрушительный удар: 22. Лс8 : c3!! Жертву ферзя белые обязаны принять, так как в случае 23. С : c3 С : e4+ черные объявляют мат. Поэтому 23. g3 : h4 Лd8—d2!! Черные уже без ферзя, почти все их фигуры находятся под боем 24. Фе2 : d2 Сb7 : e4+ 25. Фd2—g2 Лc3—h3! И белые сдались.

Теперь уже в Рубинштейне шахматный мир видит бесспорного претендента на мировое первенство. Последующие выступления выдающегося мастера — дележ в

1909 году 1-го места с Ласкером в Петербурге и особенно блистательная серия побед 1912 года в Сан-Себастьяне, Пиштьяне, Бреслау и Вильно, где позади него остались Тарраш, Маршалл, Шлехтер, Тейхман, Нимцович, Шпильман, Дурас и другие корифеи,— еще более упрочили его права на матч с чемпионом мира. Не отрицал этого и сам Ласкер, который явно избегал поединка с Рубинштейном. И то, что матч Ласкер — Рубинштейн так и не состоялся, осталось мрачным пятном на совести шахматного мира.

Увы, 1914 год оказался роковым для гениального гроссмейстера. Неудача в Петербурге — дележ 6—7-го мест с Бернштейном — склонила общественное мнение к идее организации матча Ласкера с занявшим 2-е место Капабланкой.

Начавшаяся вскоре мировая война не только уничтожила все сбережения Рубинштейна, но и пагубно отразилась на его легкоранимой душе. И хотя мастерство замечательного художника по-прежнему поражало современников, былой стабильности в его выступлениях уже не было.

После победы Капабланки над Ласкером Рубинштейн направил вызов новому чемпиону, однако непомерные финансовые требования кубинца развеяли его последние надежды.

В 20-е годы, несмотря на победы в Триберге, Вене, Марианске-Лазне, Рогатска-Слатине, на первой доске Всемирной шахматной олимпиады в Гамбурге Рубинштейну все чаще приходится довольствоваться скромными результатами, а московский международный турнир 1925 года принес самое горькое разочарование за всю его блистательную карьеру. Но даже и в эти далеко не лучшие для Рубинштейна годы современники высоко оценивают его творчество.

В 1926 году Рубинштейн переселился в бельгийский город Антверпен, а спустя несколько лет врачи категорически запретили ему участвовать в соревнованиях. Вскоре забытый всеми гроссмейстер оказался в лечебнице для душевнобольных.

В середине 50-х годов один из сыновей Рубинштейна устроил отца в дом для престарелых. Целыми днями шахматный гений безмолвно просиживал за столиком, на котором лежала шахматная доска без фигур. Страстный почитатель творчества Рубинштейна австрийский мастер Ганс Кмох написал книгу «Рубинштейн побеждает!», доходы от издания которой он передал в фонд

обеспечения одинокой старости своего кумира. А 14 марта 1961 года шахматные издания всего мира с глубоким прискорбием сообщили о кончине Акибы Кивелевича Рубинштейна.

Едва Нейштадт окончил рассказ, оба маэстро молча переглянулись.

— Ну вот, еще один «счастливчик», обессмертивший свое имя,— мрачно заметил Филидор.— Нет, в самом деле, неужели путь шахматного профессионала обязательно сопряжен с нуждой и забвением?

— Почему же? — отозвался Зноско-Боровский.— Многие известные шахматисты вполне преуспевали в жизни. Тот же барон Игнаций Колиш, шекспировед Говард Стаунтон, преподаватель математики Адольф Андерсен, действительный статский советник Илья Шумов и другие. Ну а теперь пойдем дальше. Мой новый рассказ о гениальном кубинце Хосе Рауле Капабланке.

Глава 18. ИЗ ВУНДЕРКИНДОВ — В ЧЕМПИОНЫ

«Ты ошибся, падре. Конь так не ходит»,— робко обратился к отцу 4-летний Хосе. Отец оторопело взглянул на мальчика, перевел взгляд на партнера, на доску и... сделал правильный ход. «Может быть, ты сыграешь со мной, падре?» — предложил воодушевленный первым шахматным успехом Хосе. Изумленный отец кивнул головой, а про себя подумал: «С мальчиком творится что-то неладное. Надо будет вызвать врача». Дальнейшие события были еще более удивительными. Малыш оказался искуснее родителя и выиграл свою первую партию. Так начал путь в удивительный мир шахмат Хосе Рауль Капабланка-и-Граупера.

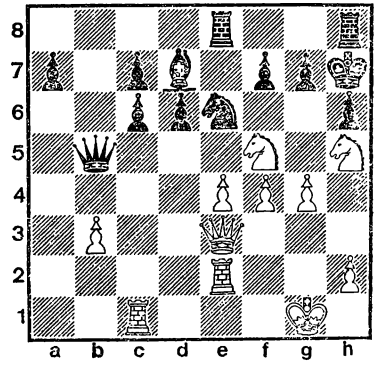
В 1902 году 14-летний Капабланка выиграл матч у чемпиона Кубы мастера Корсо, а спустя 7 лет со счетом 8 : 1 разгромил чемпиона США Фрэнка Маршалла. Победа над одним из сильнейших шахматистов земного шара сразу же привлекла к молодому кубинцу огромное внимание. Неудивительно, что в 1911 году он был приглашен к участию в крупном международном турнире в Сан-Себастьяне. Несмотря на резкие возражения гроссмейстеров Бернштейна и Нимцовича, 23-летнего кубинца все же включили в число участников этого соревнования.

С обоими своими «обидчиками» Капабланка легко расправился в ходе турнира, получив за победу над

Бернштейном специальный приз «за самую красивую партию». Вот окончание этого поединка, в котором Капабланка играл белыми.

Зноско-Боровский расставил фигуры.

— Далее последовало: 28. Kf5 : g7 Ke6—c5? Ошибка, которую Капабланка блестяще использовал. 29. Kg7 : e8 Cd7 : e8 30. Фe3—c3 f7—f6. 31. Kh5 : f6+ Kph7—g6 32. Kf6—h5 Лh8—g8 33. f4—f5+ Kpg6—g5 34. Фc3—e3+ Kpg5—h4 35. Фe3—g3+ Kph4—g5 36. h2—h4x.

Остается лишь добавить, что Бернштейн разделил в этом соревновании 8—9-е места, Нимцович — 5—7-е, а «зеленый новичок», как оба они называли кубинца, стал победителем турнира.

После триумфа Капабланки в Сан-Себастьяне шахматный мир с нетерпением ожидал его дуэли с Ласкером. Первая их встреча состоялась в апреле 1914 года на международном турнире в Петербурге.

Первый этап этого соревнования завершился победой Капабланки, на полтора очка опередившего Ласкера и Тарраша и на два — Алехина и Маршалла. Однако в заключительном двухкруговом состязании пятерки сильнейших Ласкер, одержав шесть полновесных побед, в том числе и над своим главным соперником, завоевал первый приз. Капабланка был вторым, а 3-е место неожиданно занял москвич Александр Алехин.

Вскоре Капабланка направил официальный вызов Ласкеру. Вы уже знаете о поставленных Ласкером условиях, надолго поссоривших двух выдающихся шахматистов. И все же матч между ними состоялся. Весной 1921 года Ласкер прибыл в Гавану, где Капабланка с блеском победил своего грозного соперника. Воздавая должное победителю, Ласкер тем не менее не признал за кубинцем права называться гением.

Став чемпионом мира, Капабланка сразу же оградил свой престол от частых посягательств «долларовым валом». Навязанное им шахматному миру так называемое «лондонское соглашение» предписывало претендентам на шахматную корону обеспечение финансовой сто-

роны состязания, составлявшей весьма кругленькую сумму. Именно по этой причине не сумел побороться за чемпионский титул Акиба Рубинштейн, а позже и Арон Нимцович.

И все же нашелся шахматист, не только удовлетворивший финансовые требования чемпиона, но и обыгравший «непобедимого» Капабланку. Это был Александр Алехин, который жил в то время во Франции.

Потеряв шахматную корону, Капабланка всерьез рассчитывал на матч-реванш, но осуществить это намерение ему так и не удалось.

— Даже по этому короткому фрагменту из творчества Капабланки угадывается его высочайшая техника,— едва рассказчик умолк, заключил Филидор.— Чувствуется, что играл он легко, быстро, безошибочно.

— Совершенно верно! — воскликнул Греков.— Его поражения за многие годы даже в отдельных партиях можно пересчитать по пальцам. «Непогрешимая машина», «непобедимый» — эти и многие другие подобные эпитеты неизменно сопровождали отчеты о блестящих выступлениях замечательного шахматиста.

— Вот почему я позволю себе не согласиться с великим Ласкером, отказывавшим Капабланке в праве называться шахматным гением. Ведь на оценки Ласкера, безусловно, наложила свой отпечаток горечь тяжелого поражения в матче на первенство мира,— твердо произнес Петров.

— Между прочим, Капабланка был во всех отношениях весьма преуспевающим человеком,— повернувшись к Филидору, заметил Бахман.— Красивый, статный, с великолепными манерами, всегда одетый по последней моде, он был кумиром женщин. Во многих странах, где играл Капабланка, они засыпали его цветами, коробками конфет, открытками с предложениями руки и сердца. Он был в полном смысле слова баловнем судьбы. Так что, как видите, далеко не все шахматисты были обречены на нищету и забвение.

— Любопытен и такой факт,— улыбнулся Зноско-Боровский.— Известный французский мастер Таубенгауз дал 8-летнему Капабланке вперед ферзя и, конечно, проиграл. Впоследствии, когда кубинец стал чемпионом мира, Таубенгауз хвастливо всем заявлял: «Я единственный в мире шахматист, который осмелился дать вперед ферзя самому Капабланке!»

— Многие сильнейшие шахматисты мира безуспешно бились над проблемой, как победить этого непроби-

ваемого шахматного аса,— продолжал Зноско-Боровский.— А вот один незатейливый любитель открыл довольно-таки простой способ. Явившись однажды к Эмануилу Ласкеру, он заявил, что его малолетний сын — шахматный вундеркинд. Незнакомец добавил, что хотел бы проверить подлинную шахматную силу сына в партии с великим маэстро. Однако, понимая, что маэстро очень занят, он согласен, чтобы партия игралась по переписке, и если сын проиграет, то Ласкер получит по почте 500 долларов, а если произойдет чудо и победит вундеркинд, то тогда маэстро самому придется уплатить 2500 долларов. Не видя возможности отделаться от назойливого посетителя, Ласкер согласился.

Поначалу он не придавал этой партии особого значения, однако вскоре убедился, что вундеркинд — шахматист редкой силы. Лишь ценой огромного напряжения Ласкеру удалось добиться победы. Через некоторое время отец поверженного вундеркинда прислал обещанные 500 долларов.

Вскоре Ласкер в беседе с Капабланкой поведал ему эту историю. Каково же было изумление кубинца, заявившего, что отец вундеркинда и с ним заключил аналогичную сделку. Выяснилось, что вундеркинд, игравший в одной партии белыми, а в другой черными, на обеих досках в точности повторял ходы великих шахматистов. Другими словами, сами того не ведая, Ласкер и Капабланка играли... друг против друга. За победу Ласкер получил 500 долларов, а проигравший Капабланка вынужден был уплатить 2500. Таким образом, «гениальный» отец мнимого вундеркинда не только «победил» самого Капабланку, но и «честно» заработал 2 тысячи долларов.

Беседка вновь наполнилась безудержным смехом.

Глава 19. ЧЕТВЕРТЫЙ ЧЕМПИОН МИРА

— Когда в 1908 году в Люблине скончался Михаил Чигорин,— начал очередной рассказ Греков,— один из членов петербургского шахматного собрания горько проронил: «Он был единственным, кто мог завоевать для России мировую шахматную корону». Мог ли тогда автор этой печальной тирады предположить, что в том же году начнет свой 20-летний путь к вершине славы другой гениальный представитель шахматной России — Александр Александрович Алехин.

Путь этот начался со скромного выступления в турнире любителей в Дюссельдорфе. Но уже тогда специалисты обратили внимание на необычайно талантливого юношу, сумевшего вскоре уверенно победить известных мастеров Барделебена и Блюменфельда.

Затем последовали победные выступления в Стокгольме, Схевенингене и Петербурге, принесшие Алехину международное признание и приглашение на петербургский турнир 1914 года. Итоги этого выдающегося форума вам уже известны. Блестящий успех Алехина, а иначе его 3-е место после Ласкера и Капабланки не назовешь, сразу выдвинул его в число сильнейших шахматистов планеты и определил цель всей его дальнейшей жизни — завоевание мировой шахматной короны.

Грозные годы революции и гражданской войны растоптали еле тлевшие угольки шахматной жизни страны. Правда, в октябре 1920 года удалось провести Всероссийскую олимпиаду в Москве. Но из-за голода и разрухи это соревнование проходило в исключительно тяжелых условиях. Участники олимпиады страдали от холода и недоедания. 1-е место и звание чемпиона Советской России завоевал Алехин. Однако удовлетворения эта победа ему не принесла. Ему, находившемуся в расцвете сил и поставившему перед собой высокую цель, за 6 лет — с 1915 по 1920 год — довелось сыграть в нескольких небольших соревнованиях всего 43 партии, а для завоевания права на матч с чемпионом мира нужны были яркие победы в крупных международных турнирах. И в начале 1921 года Алехин выехал за границу.

Шахматная жизнь Европы в те годы била ключом. И Алехин целиком погрузился в пучину шахматной борьбы. В 22 турнирах сыграл он в период с 1921 по 1927 год. В 15 из них он выходил победителем, в 6 был вторым и один раз — третьим.

Казалось бы, достигнутые результаты — весомая заявка на матч с чемпионом мира, но единственная осечка — 3-е место в нью-йоркском турнире 1924 года, позади Ласкера и Капабланки,— чуть было не поставила под сомнение его право оспаривать корону у Капабланки, вызов которому он направил еще в ноябре 1923 года.

Что ж, относительная неудача в Нью-Йорке раскрыла шахматному миру новые достоинства Алехина — объективность, самокритичность и поразительное трудолюбие. Выпущенный им вскоре сборник партий нью-

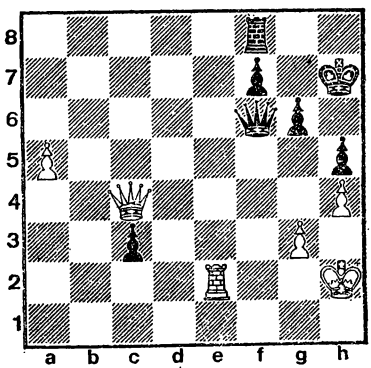
йоркского турнира сразу принес ему славу блестящего аналитика и комментатора.

В 1925 году после замечательного успеха в Баден-Бадене Алехин восстановил свои права на единоборство с Капабланкой. 16 сентября 1927 года в Буэнос-Айресе начался матч, который и поныне считается одним из наиболее напряженных и значительных поединков в истории борьбы за мировую шахматную корону.

Алехин уверенно начал состязание, но вскоре из-за сильного воспаления надкостницы растерял завоеванное на старте преимущество. Капабланка, однако, недолго вел в счете. С 11-й партии Алехин снова взял бразды правления в свои руки и выиграл труднейший поединок со счетом 6 : 3 при 25 ничьих. Вот как эффектно завершил он, играя черными, 11-ю партию этого матча.

Греков очистил доску от фигур и быстро расставил позицию.

— Последовало 60. ... Лf8—d8! 61. a5—a6 Фf6—f1! 62. Фc4—e4 Лd8—d2 63. Лe2 : d2 c3 : d2 64. a6—a7 d2—d1Ф 65. a7—a8Ф. У соперников уже по два ферзя, но следует 65. ... Фf1—g1+ 66. Крh2—h3 Фd1—f1+, и белые во избежание мата (67. Фe4—g2 Фg1—h1x) сдались.

Шахматный мир горячо приветствовал замечательную победу Алехина. В честь нового чемпиона мира в Русском клубе в Париже состоялся банкет, на котором виновник торжества выступил с речью. Мог ли Алехин думать, что назавтра эмигрантская газета «Возрождение» превратит его речь в антисоветский пасквиль, чтобы окончательно закрыть ему путь на родину? А фальшивка сработала безотказно. «После речи в Русском клубе с гражданином Алехиным у нас покончено. Он наш враг, и только как врага мы отныне должны его трактовать...» — заявил председатель Всесоюзной шахматной организации Николай Крыленко.

В 1929 году Алехин без труда отстоял шахматную корону в борьбе с выдвинувшимся в ряды сильнейших гроссмейстеров мира Ефимом Боголюбовым. В после-

дующие годы он добился новых блестящих достижений, венцом которых были победы в Сан-Ремо и Бледе.

В 1934 году Алехин без труда отразил новую попытку Боголюбова завладеть шахматной короной.

Увы, личная жизнь гениального шахматиста в эти годы не была столь яркой и безоблачной. Окруженный врагами и завистниками, не имея рядом людей, близких ему по духу, он все чаще обращает взор к покинутой им родине. Тяжелый душевный кризис поверг его в глубокую апатию, приведшую к злоупотреблению алкоголем, снижению спортивной формы. Чувствуя острую необходимость примирения с родиной, Алехин во время матча на первенство мира с голландцем Максом Эйве в октябре 1935 года отправил в редакцию советской шахматной газеты «64» следующее послание: «Не только как долголетний шахматный работник, но и как человек, понявший громадное значение того, что достигнуто в СССР во всех областях культурной жизни, шлю искренний привет шахматистам СССР по случаю 18-й годовщины Октябрьской революции».

Но напрасно чемпион мира ждал ответа. С каждым днем его надежды таяли, таяло и его преимущество над Эйве, который сумел не только сравнять счет, но и вырвать желанную победу, а вместе с ней и шахматную корону.

Вскоре после окончания поединка с Эйве начались переговоры о матче-реванше, и спустя два года в той же Голландии соперники вновь вступили в борьбу. На этот раз решительно порвавший с пагубным увлечением алкоголем Алехин не оставил своему противнику никаких шансов. 10 : 4 при 11 ничьих — с таким более чем убедительным результатом победил он Эйве, вернув себе чемпионский титул, который, по ироническому замечанию самого Алехина, он «просто дал взаймы Эйве на два года».

В ноябре 1937 года в газетах «Известия» и «64» было напечатано следующее приветствие: «От души поздравляю шахматистов СССР с двадцатилетием Великого Октября. Александр Алехин». Публикация этого поздравления в центральной советской печати произвела на чемпиона мира неизгладимое впечатление. Значит, родина все-таки помнила о нем и оставляла ему надежду на возвращение. И Алехин начал усиленно готовиться к предстоящим соревнованиям, чтобы вернуться на родину в блеске прежней силы и славы.

В 1938 году, после окончания амстердамского тур-

нира, 27-летний советский гроссмейстер Михаил Ботвинник официально вызвал чемпиона мира на матч. Алехин, не колеблясь, принял вызов, поставив условие, чтобы их единоборство проходило в его родном городе — Москве, куда он хотел бы прибыть за три месяца до начала состязания. Условие это было принято, и соперники начали подготовку к матчу.

Но планы обоих гроссмейстеров разрушила развязанная фашистской Германией мировая война, которая застала Алехина в Аргентине, где он возглавлял команду Франции на Всемирной шахматной олимпиаде. В знак протеста Алехин не допустил французских шахматистов к игре с командой Германии. Олимпиада в Буэнос-Айресе стала последним крупным соревнованием для Алехина, показавшего лучший результат на первой доске.

Последние дни своей жизни чемпион мира провел в Португалии. Здоровье его все ухудшалось. Последней надеждой к возвращению на родину был матч с Ботвинником, к которому он усиленно готовился. Но этому матчу так и не суждено было состояться: 25 марта 1946 года великий шахматист скончался. Вошедшая в его гостиничный номер горничная обнаружила мертвого Алехина в кресле, а на столике перед ним была шахматная доска с фигурами. Лишь несколько любителей шахмат провожали чемпиона мира в его последний путь.

В 1956 году шахматные федерации СССР и Франции договорились о перенесении останков Алехина на кладбище Монпарнас в Париже. На его могиле воздвигнут монумент в виде шахматной доски и бюст из мрамора. Надпись на плите гласит: «Александр Алехин — шахматный гений России и Франции. 1 сентября 1892 — 25 марта 1946. Чемпион мира по шахматам с 1927 года по 1935 год и с 1937 года до кончины».

Рассказчик обвел собеседников усталым взглядом.

Филидор сосредоточенно смотрел на доску, где два алехинских ферзя эффектно заматовали короля Капабланки.

Первый шахматный мастер России некоторое время сидел с закрытыми глазами, словно мысленно восстанавливал главные вехи жизненного пути Алехина. Открыв глаза и встретившись взглядом с Грековым, он тихо произнес:

— Я счастлив, что после великого Чигорина Россия дала шахматному миру гениального Алехина.

— Уважаемый Александр Дмитриевич, после каждого рассказа о советских шахматистах вы будете вновь и вновь испытывать это радостное чувство,— улыбнулся Нейштадт. И, переведя взгляд на Филидора, добавил: — Мне искренне жаль, но я не могу сказать это же вам, достопочтенный маэстро. Ведь последними из шахматных могикан Франции были Лабурдоне и Сент-Аман. И с тех пор на протяжении вот уже почти полутора столетий Франция не выдвинула ни одного крупного шахматиста, претендента на шахматный престол.

— Однако Алехин почти двадцать лет жил во Франции,— осторожно заметил Филидор.

— Это действительно так,— спокойно ответил Нейштадт.— Но как уроженца России, как мастера, сформировавшегося в России и мечтавшего вернуться в Россию, шахматная история считает Алехина только русским шахматистом, и в предстоящем матче он может быть включен в состав команды России.

— Да, чуть не забыл сообщить вам весьма любопытную деталь,— прервал их полемику Греков.— Свой путь в большие шахматы Алехин начал, будучи еще юношей, с игры по переписке. Правда, в те годы Международной шахматной федерации игры по переписке — ИКФЧ — еще не было и потому не проводились официальные соревнования на первенство мира и Европы, заочные олимпиады.

Годом рождения заочных соревнований считается 1824-й, когда состоялся первый в истории матч по переписке между Лондоном и Эдинбургом. Команду Лондона возглавляли знаменитые мастера того времени Уильям Льюис и Джон Кохрен. Тем не менее состязание, продолжавшееся более четырех лет, со счетом 3 : 2 выиграли шотландцы.

С легкой руки англичан игра по переписке быстро завоевала умы и сердца любителей шахмат. Большую популярность получила она и в России. Уже в 1837 году была сыграна первая партия по переписке между Петровым и тремя консультировавшимися между собой любителями. Эта встреча... Впрочем, уважаемый нами Александр Дмитриевич сам расскажет об этом увлекательном поединке.

— Партия началась 27 апреля 1837 года,— откашлявшись, повел свой рассказ первый русский мастер.— Союзникам по жребию достались черные фигуры. «Шахматная игра по санкт-петербургской почте» — так называлась заметка об этой партии в «Литературных при-

бавлениях к „Русскому инвалиду"» от 1 мая 1837 года. Мои противники избрали начало, которое я сам охотно и весьма успешно применял за черных. 1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 Kg8—f6 3. d2—d4 Kf6:e4. Так появился новый дебют, именуемый «русской партией». Я не буду приводить партию, поскольку не считаю ее достойной вашего внимания. Скажу лишь, что в дальнейшем мне удалось завладеть инициативой, выиграть фигуру за пешку, что и решило исход поединка.

— Скромность Александра Дмитриевича общеизвестна,— улыбнулся Нейштадт.— Ну что ж, придется продолжить мне. Много играли по переписке Чигорин и Шифферс. Но основоположником заочных шахмат в России, бесспорно, является Петров, который неустанно подчеркивал, что «игра по переписке — это самая истинная шахматная игра».

— Я и сейчас так считаю,— невозмутимо заметил Петров.

— Кстати,— продолжал Нейштадт,— «русскую партию» на Западе до сих пор называют «защитой Петрова». В течение многих лет соревнования заочников проводились стихийно. Но в 1927 году в Берлине была основана ИКЧФ, объединяющая сейчас более 50 стран мира и организующая все крупнейшие международные форумы, включая чемпионаты мира и Европы. Первым чемпионом мира в игре по переписке в 1953 году стал австралийский мастер Пурди. Однако более острая борьба за чемпионский титул разгорелась после вступления в ИКФЧ шахматной федерации СССР. Не случайно, что чемпионами мира в последующие годы становились советские шахматисты Вячеслав Рагозин, Владимир Загоровский, Яков Эстрин, Тыну Ыйм. Не случайно также и то, что сборная СССР явно доминировала и продолжает доминировать на командных чемпионатах мира и Европы.

— Как видите, уважаемый Александр Дмитриевич, ваш почин нашел достойный отклик у потомков,— улыбнулся Греков. И, помолчав, добавил: — А теперь я расскажу о гроссмейстере Ароне Нимцовиче.

Глава 20. «ВЕЧНЫЙ КАНДИДАТ»

В конце XIX столетия любители шахмат старой Риги часто собирались в кафе Крепша. Сильнейшим среди них считался лесопромышленник Исай Нимцович.

Вскоре, однако, вниманием посетителей кафе завладел 8-летний сын Нимцовича Арон. А когда мальчик продемонстрировал все, что он умеет, стало ясно: в Риге восходит новая шахматная звезда.

Мастерство юного шахматиста росло, как на дрожжах. Первое боевое крещение Арона Нимцовича состоялось в 1904 году на побочном турнире в Кобурге, где 18-летний шахматист занял весьма почетное 6-е место.

Спустя два года, победив в двухкруговом турнире в Мюнхене, Нимцович удостоился звания маэстро. Этот успех не вскружил ему голову, и в последующие годы талантливый шахматист, анализируя сыгранные им партии, приходит к выводу, что в его игре еще немало изъянов. Так был сделан первый шаг в направлении трудоемкой аналитической работы, приведшей к открытию новых идей в развитии шахматной теории. Тщательно исследуя партии нюрнбергского турнира, прокомментированные главой новой шахматной школы Таррашем, Нимцович убедительно доказал ошибочность и общую поверхностность его взглядов.

Эта кропотливая работа быстро принесла свои плоды. В период с 1907 по 1912 год последовали успешные выступления в Остенде, Карлсбаде, Гамбурге и Сан-Себастьяне, снискавшие Нимцовичу весьма высокую репутацию в шахматном мире.

В 1913 году Нимцович, взяв за основу воззрения Стейница и Чигорина, бросил вызов Таррашу, чьи суждения и обобщения воспринимались шахматистами как законы, не подлежащие обсуждению. Так возник принципиальный многолетний спор между педантичными воззрениями Тарраша и новаторским подходом к игре Нимцовича.

Увы, петербургский международный турнир 1914 года рассудил этот спор не в пользу Нимцовича. В то время как Тарраш уверенно вошел в пятерку победителей, Нимцович вынужден был довольствоваться скромным 8-м местом, проиграв Таррашу весьма принципиальную личную встречу. Именно по этой причине новаторские взгляды 28-летнего мастера не получили признания.

Впервые Нимцович так остро ощутил свое одиночество. Он ожесточился против окружающих, считая чуть ли не каждого недоброжелателем и воспринимая подчас даже самые безобидные слова как преднамеренное

оскорбление, стал нервным, раздражительным, мнительным. Так, играя однажды с Видмаром, он увидел, что его соперник достал сигару и вознамерился закурить. Не переносивший табачного дыма Нимцович испуганно замахал руками. Видмар отложил сигару на край столика, показав жестами, что курить во время партии он не собирается. Но и это не развеяло опасений Нимцовича, который то и дело бросал ужасные взгляды на мирно лежавший «источник возможного дыма». В конце концов он не выдержал и заявил судье, что не может играть из-за... дыма. «Позвольте,— удивился тот,— но ведь Видмар не курит!» — «Ну и что,— возразил Нимцович.— Он ведь может закурить, а угроза, по словам Тарраша, гораздо опаснее ее исполнения».

За Нимцовичем прочно закрепилась репутация чудака, шахматисты начали частенько над ним посмеиваться.

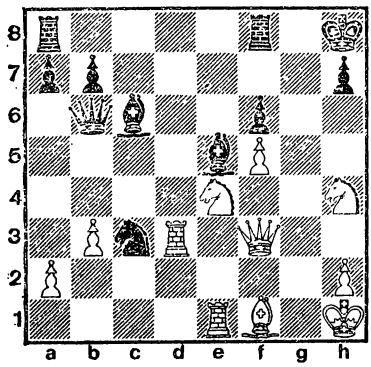
В последующие годы Нимцович и теоретически, и яркими турнирными успехами доказал правоту своих идей, став основоположником «неоромантизма» — учения, подхваченного целой плеядой мастеров во главе с Рети и Тартаковером.

В 20-х годах Нимцович изложил свое учение в книгах «Блокада», «Моя система» и «Моя система на практике», в которых он раскрыл и обобщил законы шахматной стратегии, определив сущность позиционной игры.

20-е годы стали периодом и наиболее выдающихся спортивных достижений Нимцовича. Одна за другой следуют его блистательные победы в Копенгагене, Мариенбаде, Дрездене, Ганновере, Ниендорфе, Лондоне, Берлине, Карлсбаде. Даже в менее удачных выступлениях этих лет он оставил шахматному миру яркие образцы своего удивительного таланта. Так, в 1926 году в Земмеринге, где замечательный мастер довольствовался дележом 4—5-го мест, он в блестящем стиле победил Алехина.

Греков расставил фигуры.

— В этой позиции предводительствовавший белыми фигурами Нимцович смело пожертвовал коня: 33. Кh4—g6+! h7:g6 34. Фf3—g4!! Только так! 34. ... Лf8—f7? 35. Лd3—h3+ Крh8—g7 36. Сf1—c4! Сc6—d5 37. f5:g6 Кc3:e4 38. g6:f7+ Крg7—f8 39. Лe1:e4 Cd5:e4+ 40. Фg4:e4 Крf8—e7 41. f7—f8Ф+! Лa8:f8

42. Фе4—d5 Фb6—d6 43. Фd5 : b7+ Крe7—d8 44. Лh3—d3 Се5—d4 45. Фb7—e4 Лf8—e8 46. Лd3 : d4, и черные сдались.

Самым выдающимся успехом всей шахматной карьеры Нимцовича была его победа в Карлсбаде, где он опередил Капабланку, Шпильмана, Рубинштейна, Видмара, Эйве, Боголюбова, Мароци, Тартаковера и других знаменитостей. Карлсбадский триумф Нимцовича был воспринят как наиболее достойная заявка на матч за мировую шахматную корону с Алехиным. «Шахматный мир должен организовать матч между чемпионом мира и победителем Карлсбадского турнира 1929 года — это его моральная обязанность. И если он окажется глух к этой своей обязанности, это будет ничем не оправданным упущением, которое ляжет на шахматный мир тяжким укором»,— с горечью писал Нимцович. К сожалению, шахматный мир не откликнулся на призывы выдающегося гроссмейстера, для которого взнос в 10 тысяч долларов оказался непреодолимым барьером на пути к шахматному трону. Горьким утешением для Нимцовича явилась отпечатанная в одной из типографий Копенгагена визитная карточка: «Арон Нимцович — вечный кандидат на звание чемпиона мира».

Вновь, как и 15 лет назад, Нимцовичем овладели чувство одиночества, апатия, раздражительность. И хотя он еще продолжал успешно выступать в турнирах, здоровье его оказалось подорванным. 16 марта 1935 года он скончался в Копенгагене.

— Вот что значит опереться на учения Стейница и Чигорина,— заключил Петров.

— И не просто опереться, а блестяще развить и обобщить их идеи,— мягко уточнил Зноско-Боровский.— Ведь «Моя система» — это, по существу, свод общих закономерностей шахматной игры, книга, пропитанная эликсиром вечной шахматной молодости.

— Сам Нимцович в предисловии написал, что в этой книге он лишь привел хаос к определенному количеству соподчиненных правил,— заметил Нейштадт.

— Определенному количеству правил...— покачал головой Зноско-Боровский,— сказано, пожалуй, слишком скромно. Ведь книга охватывает множество разделов шахматной теории — центр, развитие сил, открытие линии, проходные пешки, пешечные цепи, блокада, размены, связки...

— Все это красноречиво говорит о шахматном величии Нимцовича,— воскликнул Филидор.— И все же, сдается мне, в матче с Алехиным шансы его были бы невелики.

— Сегодня об этом можно только гадать,— развел руками Бахман.— А раз так, то, наверно, самое время перейти к рассказу о Рихарде Рети.

Глава 21. НЕПРАКТИЧНЫЙ ГРОССМЕЙСТЕР

В апреле 1908 года ведущие шахматные издания Европы оживленно комментировали итоги крупного международного турнира, завершившегося в Вене. Специалисты наперебой восторгались игрой победителей — Дураса, Мароци и Шлехтера, обильно расточали комплименты Рубинштейну, Тейхману, Шпильману, Тартаковеру, Маршаллу и другим знаменитостям.

И лишь один Савелий Тартаковер с присущей ему оригинальностью и проницательностью отметил игру шахматиста, занявшего... последнее место. «Рети станет когда-нибудь лучшим в мире шахматистом,— писал он,— хотя и не будет чемпионом мира. Он ищущий художник, которого больше занимает причина вещей, чем их природа».

Что ж, последующие выступления талантливого чехословацкого мастера убедительно доказали справедливость слов Тартаковера. В 1918 году Рети с большим преимуществом первенствовал в Кашау, опередив Брейера, Шлехтера, Грюнфельда, Мизеса и других признанных мастеров. А еще через два года замечательный гроссмейстер выиграл турниры в Гетеборге, Вене и Амстердаме, а также серию матчей у Брейера, Олланда и Эйве. Этот выдающийся успех сразу же поставил Рети в ряд сильнейших шахматистов земного шара.

К сожалению, частые выступления в соревнованиях, постоянные переезды из одного города в другой и особенно увлечение сеансами вслепую, в которых Рети достиг мировых вершин, подорвали его и без того хрупкое здоровье. Вот почему, успешно сыграв в каком-нибудь

турнире, в следующем замечательный шахматист занимал место, явно не соответствовавшее его яркому дарованию. Как, скажем, на первом московском международном турнире. Впрочем, это соревнование всегда вызывало у Рети добрые воспоминания: именно в дни турнира он познакомился с дочерью поэта Сергея Городецкого Рогнедой, ставшей вскоре верной спутницей его жизни.

1928 год принес Рети серию новых блестящих достижений, к которым прежде всего следует отнести победы в Вене, Гиссене и Брно.

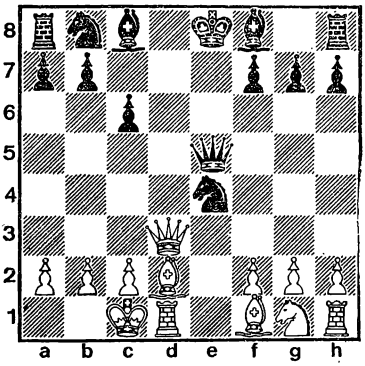
Однако, творя чудеса за шахматной доской, в обыденной жизни Рети был удивительно беспомощным и непрактичным человеком. Участвуя однажды в международном турнире, он был близок к завоеванию крупного по тем временам денежного приза. Для этого в последнем туре ему достаточно было сыграть вничью с одним из аутсайдеров. Рети прекрасно вел партию, но, когда его победа ни у кого уже не вызывала сомнений, он вдруг поднялся из-за столика и куда-то ушел. Один из друзей Рети после долгих поисков обнаружил гроссмейстера в... парке. Он сидел на скамейке и на карманных шахматах увлеченно составлял какой-то новый этюд. С большим трудом удалось убедить его вернуться в турнирный зал. Однако Рети уже потерял всякий интерес к своей партии. Быстро проиграв, он облегченно вздохнул и с наслаждением вновь окунулся в мир целиком захватившего его этюда. Остается добавить, что поражение в упомянутой партии лишило весьма нуждавшегося гроссмейстера денежного приза в 500 марок, а опубликованный вскоре этюд принес ему гонорар в размере... 10 марок.

В каких бы областях шахматного искусства ни пробовал свои силы Рети, везде он достигал подлинного совершенства. Недаром в историю шахмат Рети вошел как замечательный практик, мыслитель и теоретик, выдающийся композитор. Всему миру известно его яркое литературное наследие, и прежде всего книга «Новые идеи в шахматной игре», удивительные, полные эстетики и фантазии этюды, сверкающие неповторимым блеском партии.

Не случайно, что даже такой гений шахматных комбинаций, как Алехин, считал Рети единственным шахматистом, способным ошеломить его неожиданностью замыслов. Таковы его партии с Тартаковером, Рубинштейном, Брейером, Капабланкой, Боголюбовым и мно-

гими другими. Вот одна из них, сыгранная в 1910 году в Вене с Тартаковером.

В ответ на излюбленный первый ход Рети 1. e2—e4 Тартаковер сыграл 1. ... c7—c6. Далее последовало: 2. d2—d4 d7—d5 3. Кb1—c3 d5 : e4 4. Кc3 : e4 Кg8—f6 5. Фd1—d3 e7—e5 6. d4 : e5 Фd8—a5+ 7. Cc1—d2 Фa5 : e5, и после 8. 0—0—0 черные беспечно побили коня 8. Кf6 : e4?? Теперь Рети наносит ошеломляющий удар. 9. Фd3—d8+!! Крe8 : d8 10. Cd2—g5+ +— и черные сдались, так как на любое отступление короля они получают мат. Если 10. Крe8, то 11. Лd8x, а в случае 10. Крc7 следует 11. Cd8x.

Увы, обретя наконец личное счастье, став одним из главных претендентов на шахматную корону, полный творческих замыслов, в расцвете своего ярчайшего дарования 40-летний гроссмейстер заболел скарлатиной. Ослабленный организм не смог побороть эту, можно сказать, детскую болезнь, и 6 июня 1929 года шахматный мир был потрясен сообщением из Праги о безвременной кончине Рихарда Рети.

Немецкий историк умолк.

— Всем известно, что Рети был на редкость рассеянным человеком,— первым нарушил молчание Белица.— Он постоянно терял портфели, зонты, трости, шляпы, перчатки. Как-то, блестяще проведя сеанс вслепую на 20 досках, Рети, уходя, «по обыкновению» оставил свой портфель. Когда гроссмейстера догнали и вручили забытый портфель, он рассыпался в благодарностях, а затем с досадой воскликнул: «У меня совершенно нет памяти!» Дело даже дошло до того, что один из друзей сформулировал «правило»: «Там, где находится портфель Рети, самого гроссмейстера давно нет!»

— Видимо, рассеянность — «привилегия» шахматистов,— рассмеялся Петров.

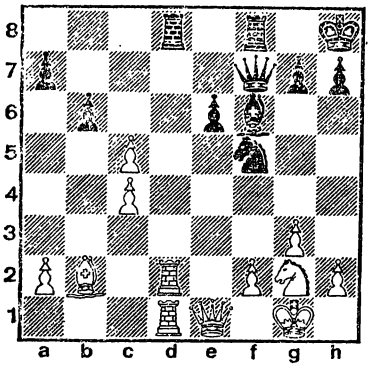
— Наверное,— улыбнулся Бахман.— Под стать Рети был и американский мастер Колтановский. Выйдя однажды из дома с женой, он навестил многих своих знакомых, а когда решил вернуться домой, обнаружил, что супруги рядом нет. Пришлось снова обходить всех дру-

зей, досаждая им одним и тем же вопросом: «Вы случайно не знаете, где я забыл свою жену?»

— И все же рекорд рассеянности, причем за шахматной доской, принадлежит польскому мастеру Пшепюрке,— провозгласил Белица.— Играя однажды с немецким шахматистом Ауэсом, Пшепюрка в миттельшпиле начал творить настоящие чудеса.

Рассказчик проворно расставил фигуры.

— В этой позиции,— продолжил он,— игравший черными Ауэс решил разменять ладьи и сыграл 1. Лd8 : d2. Польский мастер после длительного раздумья взялся за черную ладью, но, вместо того чтобы побить ее своей (что он, вообще говоря, намеревался сделать), к величайшему изумлению соперника, сыграл: 2. Лd2 : b2!!?? Не сразу пришедший в себя после этого беспримерного в истории шахмат хода Ауэс решил подшутить над своим сверхрассеянным противником и ответил: 2. Лb2 : a2. Только в этот момент Пшепюрка заметил, что на доске творится что-то неладное. «Черт побери! — гневно воскликнул он.— Куда подевались все мои фигуры!» Вызвали главного арбитра Гезу Мароци. С трудом сдерживая смех, арбитр восстановил позицию до сногсшибательного хода Пшепюрки, и игра продолжалась по обычным правилам.

Последние слова рассказчика потонули в дружном хохоте. Долго еще смеялись оба выдающихся шахматиста. От души вместе с ними хохотали и их собеседники. Мало-помалу все успокоились, и Белица звучно провозгласил:

— Мой следующий рассказ о неоднократно упоминавшемся нами гроссмейстере Савелии Тартаковере.

Глава 22. ГРОССМЕЙСТЕР ИГРЫ И ПЕРА

«Шахматы — борьба, но главным образом против собственных ошибок».

«Уметь играть в шахматы — это значит стараться играть еще лучше!»

«Восточная мудрость гласит: есть шахматисты, играющие слабо и не знающие, что играют слабо: это невежды — избегай их! Есть шахматисты, играющие слабо и знающие, что играют слабо: это разумные — помоги им! Есть шахматисты, играющие сильно и не знающие, что играют сильно: это скромные — уважай их! Есть шахматисты, играющие сильно и знающие, что играют сильно: это шахматные мудрецы — следуй им!»

Если спросить, кто автор этих и многих других столь же ярких и остроумных афоризмов, то большинство любителей шахмат, не задумываясь, ответят: «Савелий Тартаковер!» Тот самый Тартаковер, которого великий шахматный мудрец Ласкер назвал «Гомером шахматной игры», которого боготворили и знаменитые гроссмейстеры, и простые любители шахмат, которого по праву считали и всегда будут считать классиком шахматной литературы.

Савелий Григорьевич Тартаковер родился в 1887 году в Ростове-на-Дону. Отец его был подданным Австрии, мать — полька.

В 1899 году семья Тартаковера выехала за границу, где будущий гроссмейстер получил университетское образование, а затем и ученую степень доктора права.

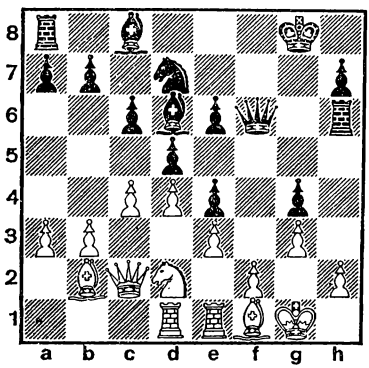
Еще в студенческие годы увлекся Тартаковер шахматами, а начиная с 18 лет избрал нелегкий путь шахматного профессионала. За свою почти полувековую шахматную карьеру он сыграл примерно в 200 турнирах. Были и срывы, и блестящие победы — такие, например, как в Бардиове, Генте, Гастингсе, Ниендорфе, Лондоне, Льеже, Ницце, Лодзи.

Безоговорочная победа Тартаковера в Льеже поставила на повестку дня вопрос о его поединке за мировую шахматную корону с Алехиным. Но матч этот так и не состоялся — то Тартаковер играл в каком-нибудь турнире, то срочно писал новую книгу, чтобы рассчитаться с долгами после проигрыша в рулетку, то снова мчался на очередной турнир.

«Тартаковер слишком любит шахматы, чтобы стать чемпионом мира»,— сказал как-то английский мастер Гарри Голомбек. Действительно, ему были чужды дух шахматного практицизма, методичное накапливание турнирных очков. Играя в шахматы, он прежде всего стремился к постижению их вечной и таинственной истины. Нередко замечательный мастер приоткрывал плот-

ную завесу этой таинственности, как, например, в партии с Мароци, сыгранной в 1922 году.

— Будучи истинным шахматным романтиком, Тартаковер боготворил комбинацию,— расставив позицию, продолжал свой рассказ Белица.— «Комбинация есть возможная невозможность! Это божественная искра, освещающая шахматную партию...» — утверждал он.

Игравший черными Тартаковер высек эту божественную искру, сыграв: 17. Лh6 : h2!!

— Все ясно,— понимающе протянул Филидор.— Даже при неразвитом ферзевом фланге жертва своевременна благодаря возможности тонкого маневра коня d7—f6—h5—g3.

— Самое печальное для белых, что они не могут отклонить эту жертву ввиду 18. ... Фh6 с серьезными матовыми угрозами,— заметил Петров.

— Совершенно верно,— подтвердил Белица.— Далее последовало 18. Крg1 : h2 Фf6 : f2+ 19. Крh2—h1 Кd7—f6!

— Только так! — воскликнул Филидор.— В этом весь смысл жертвы ладьи.

— Конечно, нельзя брать ферзем пешку g3, иначе белые ходом Кb1 подключили бы ферзя к защите второй горизонтали,— согласился Петров.— Теперь же это приходится делать значительно менее маневренной ладье.

— Вот это анализ! — восторженно воскликнул Белица.— Так что мне остается лишь передвигать фигуры. Далее соперники продолжали: 20. Ле1—e2 Фf2 : g3 21. Кd2—b1 Кf6—h5 22. Фc2—d2 Сc8—d7 23. Ле2—f2 Фg3—h4+ 24. Крh1—g1 Сd6—g3 25. Сb2—c3 Сg3 : f2+ 26. Фd2 : f2 g4—g3 27. Фf2—g2 Ла8—f8 28. Сc3—e1.

Едва рассказчик воспроизвел 28-й ход белых, как Филидор схватил черную ладью и со стуком побил ею слона на f1.

— Нелогично сейчас было бы отыгрывать фигуру,— пояснил он.— После 28. ... Фh2+ 29. Ф : h2 gh+ 30. Кр : h2 Л : f1 31. Кd2 Лf8 32. Сh4 белые не только осво-

бодились бы от давления, но и захватили бы инициативу.

— Наверное, так же рассуждал и Тартаковер, который сделал именно этот ход: 28. ... Лf8 : f1 +,— ответил Белица.— Далее последовало: 29. Крg1 : f1 e6—e5 30. Крf1—g1 Cd7—g4 31. Ce1 : g3 Кh5 : g3 32. Лd1—e1 Кg3—f5 33. Фg2—f2 Фh4—g5 34. d4 : e5.

— А это уже называется «умирать, так с музыкой!» — рассмеялся Петров.

— Ну, до смерти-то, то бишь мата, дело не дошло,— расплылся в улыбке Белица,— так как после 34. Cg4—f3+ 35. Крg1—f1 Кf5—g3+ ввиду потери ферзя Мароци сдался.

— Много замечательных побед одержал Тартаковер,— продолжил свой рассказ Белица,— и все же самую громкую славу ему принесли удивительный талант шахматного писателя и журналиста и блистательное остроумие. Книги его мгновенно становились библиографической редкостью, а афоризмы с восхищением передавались из уст в уста.

«Капитуляцией еще не была спасена ни одна партия»,— любил повторять Тартаковер. Однажды в одном из турниров Алехин отложил партию с ним в совершенно безнадежной позиции. Все участники не сомневались, что он сдаст ее без игры. Но Алехин все же явился на доигрывание и после того, как судья вскрыл конверт с записанным ходом, сразу же сдался.

«Алехин совершенно прав,— объяснил Тартаковер изумленным коллегам.— Прежде чем сдать партию, он убедился, что я не умер, не заболел и никуда не уехал».

Однажды Тартаковер узнал от журналистов, что чемпион мира Макс Эйве, готовясь к повторному матчу с Алехиным, пригласил на роль тренера восходящую шахматную звезду Америки Ройбна Файна. Тартаковер, и сам не без оснований рассчитывавший на эту роль, с горечью заявил, что напишет во всех газетах, что Эйве проиграл матч из-за Файна. «Позвольте,— возразили ему коллеги,— но ведь может случиться, что Эйве вновь выйдет победителем. Как тогда вы выйдете из столь щекотливого положения?» — «Тогда в тех же газетах я напишу, что Эйве выиграл матч, даже несмотря на то, что его тренером был Файн»,— не задумываясь ответил Тартаковер.

Выдающийся гроссмейстер так и не обзавелся семьей. Шахматы были единственной любовью в его жизни. Даже в тяжелые военные годы — а он участвовал в обе-

их мировых войнах, причем во второй под именем лейтенанта Картье храбро сражался против фашистов в рядах организации «Свободная Франция» — не забывал Тартаковер о шахматах. Он неустанно пропагандировал свое любимое искусство среди товарищей по оружию, а в 1942 году победно выступил в турнире союзнических войск.

В послевоенные годы Тартаковер — вновь неизменный участник различных международных соревнований. Однако шахматная сила его заметно снизилась. Все реже и реже садился он за шахматный столик. А 5 февраля 1956 года шахматный мир с глубокой горечью узнал о кончине Савелия Григорьевича Тартаковера.

Белица помолчал, затем тихо добавил:

— К этому человеку я всегда испытывал самые нежные чувства.

— А каким он был дружелюбным и добрым человеком! — воскликнул Зноско-Боровский.— В 1948 году в Гааге гроссмейстер Андрэ Лилиенталь, беседуя с Тартаковером, обратил внимание на золотую цепочку, свисавшую из маленького брючного карманчика собеседника. Поиграв ее мягкими звеньями, Лилиенталь неосторожно обронил: «Какая замечательная вещь!» Тартаковер немедленно вынул цепочку и протянул собеседнику: «Я дарю ее вам!» Как ни отказывался знавший о постоянной материальной нужде коллеги Лилиенталь, все было тщетно. Пришлось принять этот весьма дорогой презент. А вечером вся советская делегация обсуждала, как возместить остро нуждавшемуся гроссмейстеру этот подарок, да так, чтобы не обидеть этого замечательного человека.

— А если соперники позволяли себе хоть малейшую некорректность, то он реагировал на это с присущим ему юмором,— улыбаясь, вставил Греков.— Однажды Тартаковер играл турнирную партию с Нимцовичем. В середине игры Нимцович заказал стакан чая, который он тут же начал усердно помешивать. При этом ложечка всякий раз ударялась о стенки стакана, издавая звон. Полагая, что соперник таким способом желает вывести его из равновесия, Тартаковер заказал... пустой стакан и ложечку и немедленно принялся «музицировать», уравняв шансы и на этом поприще. А спустя минуту оба гроссмейстера рассмеялись и согласились на ничью.

— Тартаковер,— заключил первый шахматный мастер России,— эталон шахматиста, писателя, журнали-

ста, человека. Не сомневаюсь, он всегда будет образцом дружелюбия, корректности, человечности для шахматистов всех последующих поколений.

— Я бы даже сказал,— промолвил Белица,— что Тартаковер — это совесть шахматного мира. Ну что же, пора переходить к последнему рассказу сегодняшнего дня.

Глава 23. «ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ»

В начале 20-х годов шахматная Европа обращает свой взор на талантливого голландца Макса Эйве.

Рано научившись играть в шахматы, Эйве горячо полюбил эту замечательную игру. Однако его совершенно не увлекал заманчивый и тернистый путь шахматного профессионала. Вот почему, окончив в 1921 году Амстердамский университет, 20-летний Эйве стал преподавателем математики в одном из женских лицеев этого крупнейшего научного и культурного центра страны. В том же году он впервые завоевал титул чемпиона Голландии по шахматам. С тех пор они шли рядом почти на протяжении всей его жизни — шахматы и математика, математика и шахматы...

Голландия с восхищением следила за успехами своего чемпиона. После уверенной победы в 1924 году в Гастингсе, где Эйве опередил Мароци, последовали блестящие выступления в Уэстоне и Висбадене.

Новые победы голландского чемпиона в Гааге и Гастингсе, где он опередил Капабланку, Ботвинника и ряд других известных шахматистов, классифицировали его как одного из сильнейших гроссмейстеров мира. И Эйве решил бросить перчатку чемпиону мира. Алехин с готовностью принял вызов претендента, считая, что без труда одержит победу. Впрочем, так считали и большинство шахматных авторитетов. Алехин настолько был уверен в своей победе, что без колебаний согласился играть в Голландии, а одному из помощников Эйве — чехословацкому гроссмейстеру Сало Флору — он иронически посочувствовал: «Кому ты взялся помогать? Твоя помощь ему что мертвому припарки».

Алехин уверенно начал состязание: после 9 партий счет был 6 : 3 в его пользу. «Это будет не матч, а игра кошки с мышью»,— убежденно заявил он. Голландского шахматиста, однако, никак не устраивала роль «мыши», и после 14-й партии он, к удивлению многих, восстановил равновесие. Новый рывок Алехина вновь не

застал претендента врасплох. А затем, после 3 ничьих, Эйве вырвал инициативу и, к неописуемому восторгу своих соотечественников, вышел вперед. Отчаянное финишное усилие чемпиона мира позволило ему лишь сократить разрыв в счете. Выиграв со счетом 15,5 : 14,5, Макс Эйве стал пятым в истории шахмат чемпионом мира. Голландия ликовала. Эйве стал ее национальным героем. Во всех уголках страны опьяненные выдающимся взлетом своего кумира голландцы с гордостью распевали популярную в то время песенку «Наш Эйве победил!».

Имя Эйве было у всех на устах. Где бы ни появлялся он, его тут же узнавали, просили автографы, желали новых успехов. Впрочем, случались и курьезы. Однажды Эйве ехал в поезде, и сосед по купе, не узнав своего знаменитого соотечественника, предложил сразиться в шахматы. «Только имейте в виду,— предупредил общительный попутчик,— что я очень сильный шахматист. Три года подряд я побеждаю в чемпионатах нашего клуба».

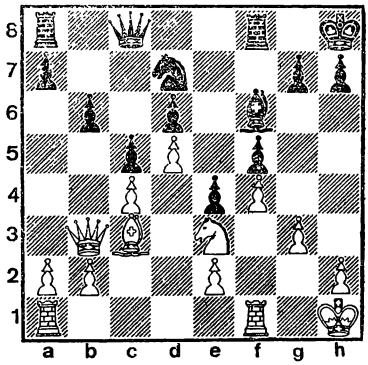
Эйве обреченно вздохнул и сказал, что все же хочет попытать счастья. Пока они доехали до своей станции, чемпион клуба успел проиграть 3 партии. Прощаясь с Эйве, он воскликнул: «Это просто поразительно! Какой-то случайный попутчик в поезде выиграл у меня три партии подряд! У меня, кого вот уже три года называют „Эйве нашего клуба"!»

Долго еще любители шахмат смаковали эффектные партии Эйве и особенно ставшую решающей победу, одержанную им над Алехиным в 26-й партии в небольшом городке Зандворт и получившую название «зандвортской жемчужины». Впрочем, сам триумфатор в приводимых им к этой партии комментариях, которые я вам сейчас прочитаю, скромно писал, что эта партия «не была свободна от ошибок и сравнения с жемчужиной не заслуживает».

Белица расставил фигуры.

— Игравший белыми Эйве,— продолжил он,— приступил к решающим действиям. Последовало: « ... 21. Кe3 : f5! Cf6 : c3 22. Кf5 : d6 Фc8—b8 23. Кd6 : e4 Cc3—f6 24. Кe4—d2. Освобождает путь пешке «e». Связанные центральные пешки эквивалентны пожертвованной фигуре. 24. g7—g5! Единственная защита: 25. e2—e4 g5 : f4 26. g3 : f4 Cf6—d4 27. e4—e5 Фb8—e8 28. e5—e6 Лf8—g8! Черные отлично защищаются. 29. Кd2—f3? Мимо цели. (Играя 29. Фh3, белые могли консолидиро-

вать свое положение.) 29. ... Фе8—g6 30. Лf1—g1 Cd4 : g1 31. Лa1 : g1 Фg6—f6 (черные «реваншируются». Правильно было 31. ... Фf5) 32. Кf3—g5 Лg8—g7 33. e6 : d7 Лg7 : d7 34. Фb3—e3 Лd7—e7 35. Кg5—e6 Лa8—f8 36. Фe3—e5 Фf6 : e5 37. f4 : e5 Лf8—f5 (относительно лучше было 37. Л : e6) 38. Лg1—e1 (еще лучше было бы 38. Лg5) 38. h7—h6 (все еще можно и нужно было играть 38. Л : e6) 39. Кe6—d8. Теперь выигрыш уже не является проблемой. 39. ... Лf5—f2 40. e5—e6 Лf2—d2 41. Кd8—c6 Лe7—e8 42. e6—e7 b6—b5 43. Кc6—d8 Крh8—g7 44. Кd8—b7 Крg7—f6 45. Лe1—e6+ Крf6—g5 46. Кb7—d6 Лe8 : e7 47. Кd6—e4+. Черные сдались. Белый конь честно заработал свой мешок овса».

И все же новый шахматный король весьма трезво оценивал свои шансы в предстоящем в 1937 году матче-реванше с Алехиным. Уступив шахматную корону, Эйве воскликнул: «Алехин играл изумительно, и я не стыжусь, что был побежден таким противником!»

Дважды еще пытался Эйве подняться на вершину шахматного Олимпа, но, увы, обе попытки принесли ему лишь горькое разочарование: в 1948 году в матч-турнире пяти соискателей шахматной короны он финишировал последним, а спустя пять лет в соревновании претендентов в Швейцарии вынужден был довольствоваться предпоследним 14-м местом.

Постепенно Эйве отходит от активных выступлений, лишь изредка участвуя в состязаниях ветеранов.

В 1970 году на конгрессе Международной шахматной федерации Эйве был единогласно избран ее президентом. Свое избрание он ознаменовал проведением в Белграде матча «СССР — остальной мир» — соревнования, которое его предшественники не могли организовать на протяжении нескольких десятков лет. Эйве, пожалуй, был самым энергичным руководителем ФИДЕ: за 8 лет своей деятельности на этом высоком посту он посетил десятки стран Европы, Америки, Азии, Африки, Австралии, внеся огромный вклад в дело популяризации шахмат.

«Летучим голландцем» называли его любители шахмат всего мира, питая к этому всегда добродушно улыбающемуся человеку самые добрые чувства. Недаром гроссмейстер Флор как-то остроумно заметил: «...единственное, что еще не успел Эйве за 80 лет жизни, так это... нажить себе врагов».

В знак признания огромных заслуг Эйве в Амстердаме в честь его 80-летия был организован крупный международный турнир, который, к великой радости голландцев и самого юбиляра, завершился победой их соотечественника Яна Тиммана, опередившего чемпиона мира Анатолия Карпова и других выдающихся гроссмейстеров. А спустя полгода любители шахмат всего мира узнали о кончине блистательного шахматиста, ученого и шахматного организатора Макса Эйве.

— Ну вот,— после некоторой паузы промолвил Белица,— как сейчас любят выражаться, программа сегодняшнего дня исчерпана. Мы прощаемся с вами до завтра — утро вечера мудренее.

Глава 24. ПОЛПРЕД СОВЕТСКОЙ ШАХМАТНОЙ ШКОЛЫ

Наутро все были на своих местах.

— Прежде чем приступить к рассказу о жизни и творчестве шестого чемпиона мира, я хочу сообщить вам, что созданная в 1924 году Международная шахматная федерация — ФИДЕ — объединяет 5 миллионов зарегистрированных шахматистов земного шара, из которых более 4 миллионов проживает в СССР. Как видите, бесстрастные цифры красноречиво свидетельствуют о том, что Советский Союз — величайшая шахматная держава мира. Вот почему я с удовольствием начинаю свой рассказ о ее первом и, несомненно, самом ярком представителе.

Это произошло в один из ноябрьских дней 1925 года. В Малом зале Ленинградской филармонии завершался сеанс одновременной игры чемпиона мира Капабланки. Знаменитый гость выглядел явно растерянным. Ему, легко и непринужденно побеждавшему и в более крупных состязаниях подобного рода, на этот раз приходилось нелегко. Особенно беспокоила его партия с худощавым юношей в косоворотке, изредка поправлявшим съезжавшие с переносицы очки. Переходя от одной доски к другой, чемпион мира все время думал об этой

партии, мучительно ища выход из железных тисков, которыми противник сковал его фигуры. Подойдя в очередной раз к этой злополучной доске, Капабланка удивленно взглянул на своего юного оппонента, покачал головой и под гром аплодисментов торжественно поздравил юношу с победой.

«Кто был этот темноволосый мальчик, который планомерно победил меня в ладейном эндшпиле?» — спросил чемпион мира у сопровождавшего его мастера Рохлина. «Синьор, это Миша Ботвинник,— ответил Рохлин.— Ему 14 лет, он шахматист первой категории».— «Первой категории? — улыбнулся Капабланка.— Вы, вероятно, шутите? У нас на Кубе он мог бы сейчас получить степень маэстро. Думаю, что ему предстоит большое будущее».

Чемпион мира не ошибся. Спустя девять лет они уже на равных встретились в Гастингсе... Впрочем, не все было так гладко. Еще в юности Ботвинник поражал всех глубиной и безошибочностью своей игры, построенной на строгой позиционной основе и напрочь лишенной какого бы то ни было риска. Именно это и ставили ему в вину недоброжелатели. Так, с чьей-то легкой руки появился ярлык «сухарь».

Что оставалось Ботвиннику? Доказывать и доказывать недоброжелателям их необъективность. Сами того не подозревая, «вешатели ярлыков» лишь способствовали становлению его железного характера и самостоятельности. Лучшим ответом им явились убедительные победы молодого ленинградца в чемпионатах СССР 1931 и 1933 годов.

Казалось, теперь-то справедливость восторжествует. Но не тут-то было. В шахматной печати стали появляться статьи, в которых Ботвинника обвиняли в том, что в свои 20 лет он «по-стариковски» отверг открытые дебюты, применяя исключительно закрытые начала. Что ж, пришлось снова сжать зубы и опять доказывать свою правоту.

В ноябре 1933 года в Москве начался матч между Ботвинником и одним из претендентов на мировую шахматную корону Соломоном Флором. Чехословацкий гроссмейстер не сомневался в своей победе и рассматривал предстоящий поединок как один из этапов подготовки к единоборству с Алехиным. Начало матча и в самом деле ничего хорошего Ботвиннику не предвещало. В первой партии в жестком цейтноте он попал в ловушку и проиграл. Тогда из Ленинграда был срочно вы-

зван один из лучших аналитиков мастер Абрам Модель. Свою помощь Ботвиннику Модель начал с того, что... сочинил стихи.

Флор доволен, как дитя, ходит именинником,
В первом туре он шутя справился с Ботвинником.
Вариант Панова навек разбит,
И мой Мишутка вздыхает жутко:
«Ужели снова я буду бит?»
Дрожат колени, потерян сон:
«Ужель он гений, а я пижон?»

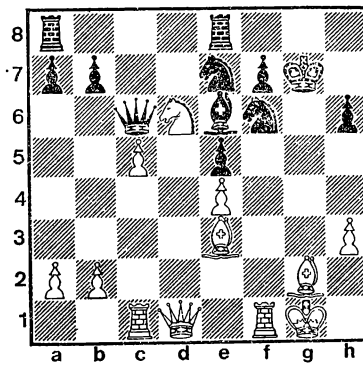
Следующие 4 партии завершились вничью, а в 6-й «именниником» вновь оказался Флор.

Вторая половина состязания проходила в Ленинграде. Здесь дела советского чемпиона пошли значительно лучше. После 2 спокойных ничьих Ботвинник нанес «убаюканному» сопернику два чувствительных укола, и счет стал равным. В предпоследней партии Флор чудом унес ноги, а в последней оба соперника предпочли не рисковать. В итоге боевая ничья — 6 : 6. Покидая Ленинград, Флор подарил Ботвиннику свою фотографию с надписью: «Новому гроссмейстеру с пожеланиями дальнейших успехов».

Итог этого матча специалисты единодушно расценили как большой успех лучшего представителя советской шахматной школы. Зато в аспирантуре Политехнического института, где в те годы готовился к научной деятельности Ботвинник, профессор Толчинский, подводя итоги года, заявил: «Все аспиранты успешно выполнили свои планы, кроме двоих: один был болен, а другой был отозван для общественной... забавы!»

Вслед за успешным поединком с Флором последовали победные международные выступления в Ленинграде, Москве и Ноттингеме, где позади Ботвинника остались Алехин, Эйве, Ласкер, Флор, Решевский, Файн, Тартаковер, Видмар и другие знаменитости. В Ноттингеме партии Ботвинника с Тартаковером и Видмаром были отмечены специальными призами как самые красивые в турнире. Посмотрите окончание его партии с Тартаковером.

В этой позиции игравший белыми Ботвинник смело пожертвовал ладью за коня. 22. Лf1 : f6! Крg7 : f6 23. Фd1—h5 Ке7—g6 24. Кd6—f5! Ле8—g8 25. Фh5 : h6 Се6 : a2 26. Лc1—d1 Ла8—d8 27. Фh6—g5+ Крf6—e6 28. Лd1 : d8 f7—f6 29. Лd8 : g8 Кg6—f4 30. Фg5—g7. Черные сдались. Вот вам и «сухарь»!

В 1938 году в Амстердаме состоялся двухкруговой турнир восьми сильнейших шахматистов того времени во главе с чемпионом мира Алехиным. 1—2-е места разделили Керес и Файн. 3-е место Ботвинника, опередившего Алехина, Решевского, Эйве, Капабланку и Флора, с учетом предыдущих успехов, дало ему моральное право вызвать на поединок за шахматную корону чемпиона мира. Тем паче, что он выиграл личные дуэли у обоих шахматных гениев — Капабланки и Алехина.

Алехин с радостью принял вызов Ботвинника, и оба гроссмейстера начали подготовку к своему единоборству. Однако вскоре началась вторая мировая война, и планы покорения шахматного Олимпа пришлось отложить на неопределенный срок.

После окончания войны Ботвинник вновь направил вызов Алехину, который тот с готовностью принял. Увы, неожиданная смерть чемпиона мира значительно осложнила задачу советского шахматиста. Ряд шахматных деятелей Запада тут же выдвинули идею объявить чемпионом мира Эйве или «в крайнем случае» организовать его матч на первенство мира с Решевским. Однако твердая позиция Федерации шахмат СССР помешала осуществлению этих явно дискриминационных планов.

Вскоре XVIII конгресс ФИДЕ принял решение о проведении в Гааге и Москве матча-турнира на первенство мира с участием Ботвинника, Эйве, Кереса, Файна, Решевского и Смыслова. Файн отказался от участия в этом форуме, и весной 1948 года великолепная пятерка вступила в борьбу. Захватив лидерство с первых же туров, Ботвинник не уступил его никому до конца соревнования. Поистине победным для «примадонны советской тройки», как окрестила Ботвинника голландская печать, оказался день 9 мая, когда ничья с Эйве сделала его недосягаемым для конкурентов. Переполненный Колонный зал Дома союзов в Москве устроил первому советскому чемпиону мира грандиозную овацию!

Завоевав шахматную корону, Ботвинник принял са-

мое активное участие в создании четкого демократичного регламента мирового первенства, который затем был утвержден конгрессом ФИДЕ. Теперь обладатель шахматной короны обязан был раз в три года защищать свой титул в поединке с победителем трехступенчатого отборочного цикла.

В последующие годы Ботвинник редко выступал в соревнованиях. Длительное отсутствие шахматной практики позволило ведущим советским шахматистам вплотную приблизиться к нему по классу игры. Не случайно, что два следующих поединка на первенство мира — в 1951 году с Давидом Бронштейном и в 1954 году с Василием Смысловым — Ботвинник завершил вничью, с трудом удержав шахматную корону, а матчи с тем же Смысловым в 1957 году, Михаилом Талем в 1960-м и Тиграном Петросяном в 1963 году «патриарх» советских шахмат проиграл, уступив соперникам шахматный трон.

Впрочем, дважды после утраты шахматной короны Ботвинник убедительно брал реванш у своих «обидчиков» — Смыслова и Таля, вновь и вновь демонстрируя железный характер и несгибаемую волю к победе. И лишь после того как ФИДЕ упразднила матч-реванш, не вняв личной просьбе Ботвинника о предоставлении ему последней попытки, замечательный шахматист решил отказаться от борьбы на высшем уровне. Вскоре он завершил свою блистательную шахматную карьеру, целиком посвятив себя научной и литературной деятельности, а также работе с наиболее талантливыми молодыми мастерами.

И на этом поприще Ботвинник остался верен себе. Его изобретения в области исследования асинхронизированых синхронных машин запатентованы в США, Японии, ФРГ, Англии, Швеции и других странах, а разработанная им шахматная программа «Пионер», которую он продолжает совершенствовать, завоевала всеобщее признание. Достаточно сказать, что «Пионер», к великому изумлению специалистов, нашел красивейший и далеко не очевидный ход — 30. Са3!! — в его знаменитой партии с Капабланкой. Ботвинник во многом содействовал становлению мастерства Анатолия Карпова, Гарри Каспарова, Александра Белявского, Артура Юсупова и других известных шахматистов. Многие его книги, ставшие библиографической редкостью, с интересом читают и специалисты, и простые любители шахмат.

Нейштадт замолчал, а затем неожиданно спросил:

— Ну а каково мнение о Ботвиннике его далеких шахматных предков?

— Я думаю, что Чигорин, Алехин и Ботвинник — главные вехи в становлении отечественной шахматной школы в России,— лаконично ответил русский мастер.

— Могу ли я считать, месье Петров, что вы уже назвали трех участников своей команды? — улыбаясь, спросил Филидор.

Петров утвердительно кивнул головой.

— В таком случае позвольте и мне назвать ведущее трио моей дружины. Это — Морфи, Стейниц и Ласкер,— грациозно склонил голову французский маэстро. И вдруг, рассмеявшись, процитировал: — «Ужель он гений, а я пижон?» Надо же так написать!

— Да, Модель был горазд на стихи, пародии, всевозможные каламбуры и розыгрыши,— отозвался Греков. С этими словами он вынул из кармана сложенную пополам пожелтевшую газетную вырезку.— В 1929 году в одном из декабрьских номеров ленинградской газеты «Смена» появилось загадочное письмо, автор которого пожелал остаться неизвестным. «Уважаемый товарищ редактор,— писал он,— уже более двух лет я работаю над шахматной теорией, и, кажется, мой упорный труд не пропал даром. Моя система нуждается в проверке на практике. Я предлагаю вам организовать мой матч по телефону на десяти досках с ленинградскими мастерами и сильнейшими шахматистами первой категории. Жду ответа на мой вызов. В случае проигрыша трех партий я назову свое имя... С шахприветом шахматный Икс».

Ленинградские шахматисты были единодушны: «Принять вызов Икса и жестоко разгромить его!»

21 декабря 1929 года началось это необычное состязание. Несмотря на боевой настрой, соперники Икса вынуждены были капитулировать один за другим. Лишь ничьи Леонида Куббеля, Ботвинника и Рохлина в какой-то мере скрасили этот жуткий разгром.

Весьма любопытен финал этой уникальной истории. Проиграв Иксу, ленинградские шахматисты решили во что бы то ни стало раскрыть его инкогнито. Это нелегкое дело было поручено Моделю, который вскоре сообщил в одном из номеров «Шахматного листка»: «Еще раз проанализировав все возможные варианты, я уже окончательно пришел к выводу, что Икс — это... я. Может возникнуть вопрос: зачем я выбрал такую загадочную форму борьбы? Но разве десять столь высококва-

лифицированных шахматистов согласились бы играть со мной одновременно в обычных условиях?! Достигнутым результатом — 8,5 из 10 — я не могу не гордиться. Считаю этот успех самым значительным в моей жизни».

— Что и говорить, весьма оригинальный способ проверки своих идей,— смеясь, промолвил Петров.

— Да, почти детективная история,— поддержал коллегу Филидор.

— А сколько замечательных замыслов Моделя остались нереализованными,— заметил Белица.— Мне, например, известно, что еще задолго до проведения «матча века» «СССР — остальной мир» эту оригинальную идею первым высказал именно Модель. А сейчас я расскажу вам о замечательном эстонском гроссмейстере.

Глава 25. НЕВЕЗУЧИЙ «ВЕЗУНЧИК»

В 1928 году в эстонском городе Пярну проводил сеанс одновременной игры мастер из Литвы Владас Микенас. В ходе игры сеансер обратил внимание на темноволосого мальчика с застенчивой улыбкой, который раз за разом ставил перед мастером весьма сложные задачи и в конце концов заставил его сложить оружие. Каково же было удивление Микенаса, узнавшего, что его 12-летний соперник уже успел достойно зарекомендовать себя в довольно серьезных турнирах по переписке и шахматной композиции. Так же, как и Капабланка после аналогичного знакомства с Ботвинником, Микенас покидал Пярну с твердым убеждением, что на шахматном небосклоне вскоре появится новая ярчайшая звезда.

Что ж, и в этом случае прорицатель не ошибся. В последующие годы Пауль Керес — так звали необычайно одаренного мальчика — трижды подряд выигрывал юношеские чемпионаты Эстонии. Вслед за этим пришли более громкие успехи. В 1935 году 19-летний Керес впервые победил во взрослом чемпионате, после чего возглавил эстонскую команду на Всемирной шахматной олимпиаде в Варшаве. Его результат — 12,5 очка из 19, достигнутый в борьбе с такими шахматными асами, как Алехин, Маршалл, Флор, Тартаковер, Видмар, Шпильман, Файн, Найдорф, возвестил шахматному миру о появлении еще одного достойного претендента на мировое первенство. Дальнейшие успехи молодого шахматиста — победы в исключительно сильных по составу

турнирах в Земмеринге-Бадене и особенно в АВРО, турнире в Голландии, собравшем весь цвет мировых шахмат во главе с чемпионом мира Алехиным,— лишь укрепили это мнение.

Игра эстонского шахматиста производила неизгладимое впечатление. Его стремление с первых же ходов к инициативе независимо от цвета фигур, высокое искусство в позиционной игре, острое тактическое зрение, нешаблонность решений снискали ему репутацию блестящего шахматного художника. «...Керес теперь самая интересная фигура в шахматном мире. Матч его с Алехиным почти необходим»,— заявил гроссмейстер Флор, который незадолго до этого сам подписал с Алехиным контракт о матче на первенство мира.

Впрочем, не все специалисты считали, что шахматный путь Кереса будет сплошь усыпан розами. Савелий Тартаковер после победы эстонского гроссмейстера в АВРО-турнире писал: «Совсем не ясно, что именно Керес станет избранным судьбой преемником Алехина, так как это зависит не только от шахматных способностей, но и от тайных ресурсов характера... Керес, безусловно, шахматный гений, но и раньше бывали настоящие гении (Мак-Доннель, Цукерторт, Чигорин, Тарраш, Пильсбери), которые должны были довольствоваться скромной ролью „блестящего второго"».

Тартаковер словно в воду глядел... В матче-турнире на первенство мира, проходившем в 1948 году в Гааге и Москве, Керес долгое время успешно преследовал захватившего лидерство Ботвинника. Однако неудачи в личных встречах с будущим чемпионом мира перечеркнули его радужные мечты. И хотя в последующие годы Керес одержал великое множество впечатляющих побед — семь раз в составе сборной СССР на всемирных шахматных олимпиадах, трижды — в командных чемпионатах Европы, трижды — в чемпионатах Советского Союза, более чем в трех десятках международных турниров,— в борьбе за мировую шахматную корону он неизменно останавливался в двух шагах от заветной цели.

«Вечно вторым» называли замечательного шахматиста его коллеги. И действительно, легко побеждая на самых авторитетных форумах, в соревнованиях соискателей шахматной короны Керес неизменно оставался вторым. В 1953 и 1956 годах он пропустил «на аудиенцию» к Ботвиннику Василия Смыслова, в 1959-м — Михаила Таля и в 1962-м — Тиграна Петросяна.

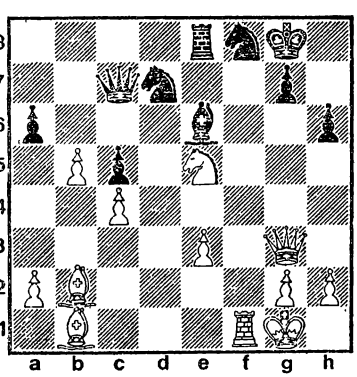
И хотя в последующие годы выдающийся шахматист не раз демонстрировал свой высокий класс, сам он прекрасно понимал, что синюю птицу счастья ему уже не поймать. Какой грустью овеяны его слова в письме к мастеру Беку: «В нашем возрасте следует меньше играть и больше писать. Какая польза, что по знаниям превосходишь молодых, если у тебя нет сил это доказать. В книге же можно спокойно разъяснить, как на самом деле надо играть».

В 1975 году Керес в блестящем стиле выиграл международный турнир в Таллинне, опередив Спасского, Бронштейна, Горта, Олафссона, Тайманова и других гроссмейстеров. Вслед за этим последовала уверенная победа на открытом чемпионате Канады в Ванкувере. Увы, это было последнее выступление замечательного художника. Возвращаясь домой, он умер от сердечного приступа в одной из больниц Хельсинки.

В память о выдающемся гроссмейстере на его родине ежегодно проводятся шахматные фестивали, венцом которых являются турниры с участием ведущих советских и зарубежных мастеров.

Много прекрасных произведений создал на шахматной доске Пауль Керес. Посмотрите, как красиво завершил он партию с Борисом Спасским на межзональном турнире в Гетеборге в 1955 году.

— В этой позиции,— расставив фигуры, продолжал Белица,— игравший белыми Керес эффектно пожертвовал ферзя. 30. Фg3:g7+!! — и черные сдались, так как на 30. ... Кр:g7 следует 31. К:d7+ Крg8 32. Кf6+ Крf7 33. Кd5+ с последующим 34. К:c7, оставаясь с лишней фигурой.

— Вот уж, действительно, король невезения,— покачал головой Филидор.

— Да, в этом смысле Керес даже превзошел Чигорина, — поддержал его Петров.

— Самое удивительное,— улыбнулся Белица,— что друзья называли эстонского гроссмейстера «везунчиком», имея в виду его поразительную способность вытаскивать счастливые лотерейные билеты, точно пред-

сказывать результаты футбольных матчей и тому подобное. Будучи однажды в Сантьяго, Керес по просьбе чилийского мастера Адера вытащил для него несколько лотерейных билетов, принесших их обладателю изрядную сумму денег. Прощаясь с Кересом, Адер попросил его назвать целую серию номеров лотерейных билетов на... ближайший год. Свою репутацию «везунчика» Керес не раз подтверждал даже в самых необычных обстоятельствах. Как-то в часы отдыха на берегу небольшой подмосковной речушки он с интересом наблюдал за рыболовными «страданиями» гроссмейстера Владимира Симагина. Прошло около часа, и отчаявшийся рыбак со словами: «Нет тут никакой рыбы!» — бросил удочку. «Уметь надо!» — невозмутимо заметил никогда ранее не занимавшийся подобным делом Керес. Взяв брошенную удочку, он неловко размахнулся, неумело закинул леску в воду и спустя минуту, к неописуемому изумлению поднаторевшего на рыбалках Симагина, вытащил... небольшого карася.

Все дружно рассмеялись.

— И все же жаль, что матч Ботвинник — Керес так и не состоялся,— уже серьезно произнес Петров.

— Конечно, жаль,— согласился Нейштадт.— А сколько таких увлекательных шахматных дуэлей не состоялось? Вспомните хотя бы планировавшиеся матчи Ласкера с Рубинштейном и Алехина с Ботвинником. А много лет спустя из-за отказа Роберта Фишера не состоялось с таким интересом ожидавшееся его единоборство с Анатолием Карповым. Ничего не поделаешь!

Глава 26. «ХИТРЫЙ ДЭВИК»

— Когда Давида Бронштейна спрашивают, как надо играть в шахматы, он неизменно рассказывает один эпизод,— начал очередной рассказ Нейштадт.— Было это в Ленинграде, где гроссмейстер выступал в крупном международном соревновании. Перед началом очередного тура к нему в номер зашел знаменитый скрипач Давид Ойстрах. Подтянутый, в элегантном костюме, он излучал неиссякаемую энергию, бодрость духа. Сказав, что к десяти часам вечера он зайдет снова, великий музыкант удалился.

В назначенное время Ойстрах вновь появился в номере. Приглашая гостя сесть, Бронштейн от изумления осекся на полуслове: скрипач был необычайно бледен,

лицо его осунулось, даже постарело: «Что с вами?» — невольно вырвалось у гроссмейстера. «Ничего особенного, голубчик,— услышал он в ответ.— Просто отыграл концерт для настоящих ценителей музыки. Для них вполсилы не сыграешь».

Вот так и в шахматах, любил повторять Бронштейн, настоящий художник должен отдавать всего себя в каждой партии, независимо от турнирного положения. И в этом весь Бронштейн. Не случайно, что он — ярый враг механического зазубривания вариантов, шаблонного мышления, превращающих даже самых талантливых шахматистов в посредственных ремесленников.

Его Величеству Очку Бронштейн предпочитает Ее Величество Красоту. Это — его шахматное кредо, которое он исповедует с первых шагов своего почти полувекового служения замечательной игре.

Заняв в 1940 году 2-е место в чемпионате Украины, 16-летний Бронштейн становится самым молодым шахматным мастером в СССР. Спустя четыре года он дебютирует во всесоюзном первенстве. Несмотря на скромное 15-е место, о нем заговорили как о восходящей звезде. И не только потому, что от его руки «пал» сам Ботвинник, а скорее потому, что его игра была полна фантазии, импровизации, от нее веяло какой-то неповторимой свежестью.

Молодой мастер быстро оправдал выданные ему авансы, заняв в следующем чемпионате 3-е место. Подлинной «болдинской осенью» Бронштейна был период с 1948 по 1951 год, когда он, дебютируя на высшем мировом уровне, вопреки ожиданиям одержал блестящие победы в межзональном турнире и соревновании претендентов, завоевав почетное право оспаривать шахматную корону у Ботвинника. Мало того, в это же время Бронштейну удалось дважды подряд стать чемпионом СССР: в 1948 году вместе с Александром Котовым, а год спустя — с Василием Смысловым.

Матч на первенство мира с Ботвинником стал апогеем шахматного пути Давида Бронштейна. 27-летний претендент смело бросил перчатку признанному лидеру шахматного мира.

После 20 партий счет был 10,5 : 9,5 в пользу чемпиона мира. Мобилизовав всю волю, Бронштейн в отличном стиле выиграл два следующих поединка, и теперь уже Ботвиннику предстояло решать трудную задачу — как спасти матч и шахматную корону.

И здесь произошло то, что, вероятно, должно было

произойти. Предвкушая близость желанной цели, молодой претендент не сумел обуздать свои чувства и почти без борьбы уступил победу в следующем поединке. Последняя партия и весь матч завершились вничью, и Ботвинник сохранил шахматную корону.

В последующие годы Бронштейн вновь демонстрирует свой высокий класс. Победы в Гастингсе, Гетеборге, Белграде, лучшие индивидуальные результаты на двух шахматных олимпиадах и других соревнованиях красноречиво говорят сами за себя. И все же подняться до прежних блистательных высот ему уже не удается.

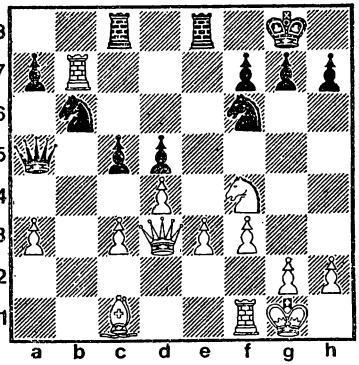
Впрочем, это только спортивная сторона шахматной борьбы. А есть ведь еще и творческая. В этом смысле годы не властны над неувядаемым шахматным волшебником. Он по-прежнему полон глубоких, подчас даже самых невероятных идей (как иначе назвать рокировку ферзя!). Появление во всесоюзном первенстве шахматных лиг, розыгрышей Кубка СССР (а Бронштейн в 1970 году был его первым обладателем), турниров с укороченным лимитом времени, хронометраж шахматных партий — все это воплощенные в жизнь идеи Бронштейна. А сколько замечательных замыслов этого неутомимого пропагандиста шахматного искусства до сих пор осталось нереализованными! Скажем, предложение играть партии без доигрывания, что теперь довольно часто превращается в своеобразное аналитическое состязание... коллективов.

Какие только звучные прозвища не присваивали Бронштейну! «Ровесник ФИДЕ», «гроссмейстер XXI века», «хитрый Дэвик» — всех не счесть. Последнее, пожалуй, наиболее точно выражает любовь и уважение коллег к этому замечательному рыцарю шахмат. «Хитрость» Бронштейна — в его тонком чувстве юмора, неукротимом желании играть свежо, ярко, оригинально. Оригинальность Бронштейна — не ради оригинальности, она — от его беспредельной любви к шахматам. «Каким ходом ты собираешься сегодня начать партию против Найдорфа?» — спросили товарищи перед началом матча СССР — Аргентина. Ответ Дэвика поверг всех в изумление. «Я могу, конечно, сыграть e4 и быстро выиграть, но это очень... скучно». И все же, несмотря на предстоящую «скуку», команда уговорила его начать партию именно ходом королевской пешки. Бронштейн так и поступил и быстро добился победы. А его раздумья над... первым ходом? Они уже стали притчей во языцех.

Бронштейн — не только замечательный шахматист, он еще прекрасный аналитик и литератор. Он написал много книг. Лучшая из них — «Международный турнир гроссмейстеров» — является одним из блестящих образцов мировой шахматной литературы.

Партии Бронштейна полны фантазии, оптимизма. Такие, как, например, с Зитой, сыгранная в 1947 году, Кересом — в 1955-м, Геллером — в 1961-м и многие, многие другие. Вот окончание его партии с Ефимом Геллером, сыгранной в 28-м чемпионате СССР.

— В этом положении,— расставив фигуры, произнес Нейштадт,— игравший белыми Бронштейн предпринял наступление на королевском фланге. 16. g2—g4 h7—h6 17. h2—h4 c5:d4 18. g4—g5 d4 : e3 19. g5 : f6 Лc8 : c3. Пожертвовав коня, Геллер полагал, что перехватил инициативу. Однако последовало изящное 20. Фd3—g6!! — и черные сдались, так как на единственный их ответ 20. fg следует 21. f7+, и угроза мата неотвратима.

— Что ж, остается только искренне сожалеть, что Бронштейн не стал чемпионом мира,— произнес Петров.

— Неужели не нашлось никого, кто бы помог ему сбросить психологический груз ответственности перед двумя решающими партиями? — воскликнул Филидор.

— Почему же? — пожал плечами Нейштадт.— У Бронштейна были помощники. Но ведь они не имели права во время игры общаться с ним. А нервное напряжение достигает своего пика именно в самые критические моменты борьбы.

— А кто был помощником Бронштейна за долгие годы его выступлений? — спросил Филидор.

— Их было несколько, в том числе и его первый наставник Александр Константинопольский. Но постоянно в творческом содружестве с ним находится его давний друг и единомышленник Борис Вайнштейн,— ответил рассказчик.

— Он что, тоже известный мастер? — спросил Петров.

— Как раз наоборот,— улыбнулся Нейштадт.— Во время турнира претендентов 1956 года в номер к Бронштейну как-то зашел аргентинский гроссмейстер Найдорф. Не застав его, он предложил Вайнштейну сыграть несколько блицпартий. Вскоре появился Бронштейн. «Не понимаю, чем вам может помочь такой секундант? — оставшись наедине с ним, воскликнул Найдорф.— Ведь он в игре зевает фигуры. У других секунданты — Толуш, Симагин, Авербах, а ваш — даже не мастер...» — «Все другие секунданты,— улыбаясь, ответил «хитрый Дэвик»,— в глубине души уверены, что играют лучше своего гроссмейстера, и жалеют, что сами не попали в турнир. Мой секундант — единственный из всех, кто на это не рассчитывает...» — «Мой Болбочан тоже считает, что играет лучше меня»,— рассмеялся Найдорф.

— Он действительно оригинален во всем,— произнес Филидор.

— А что за блицпартии играли Найдорф и Вайнштейн? — поинтересовался Петров.

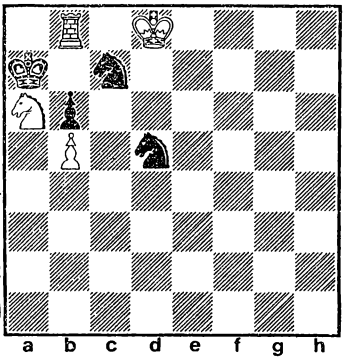
— О, это совсем другие шахматы,— живо отозвался Белица.— Когда шахматисты находятся в цейтноте, то есть на последние 10—15 ходов у них остаются считанные минуты, а подчас даже и секунды, они, как правило, бросают записывать партию и оставшиеся ходы делают в молниеносном темпе — так, что только мелькают руки и фигуры. Это и есть блиц, но блиц, так сказать, стихийный. А есть и организованный блиц, когда каждому сопернику отводится по пять минут на всю партию. Здесь все решают знание теории, тактическое зрение, быстрота реакции. В блиц играют уже не одно десятилетие, но особенно широкое распространение он получил лишь в 50-е годы этого столетия, когда более или менее регулярно стали проводиться соревнования в СССР, Югославии, Англии, ФРГ и других странах.

По-разному относились и относятся к блицу ведущие шахматисты планеты. Охотно играли «пятиминутки» Ласкер, Капабланка, Флор, Петросян, Фишер, а из современных корифеев — Бронштейн, Таль, Каспаров. А вот Ботвинник неизменно отказывается от участия в блицтурнирах, считая «пятиминутки» делом несерьезным.

Тем не менее и в блице не раз создавались подлинные шедевры. Об одном из них — партии Эдуарда Ласкера с Томасом, где, правда, лимит времени был несколько иным,— вы уже знаете. А вот еще одна жемчужина.

Белица быстро расставил на первый взгляд довольно несложную позицию.

— Это положение возникло в одной из партий блицматча между Капабланкой и Эмануилом Ласкером,— с воодушевлением продолжал он.— Игравший белыми Капабланка решил разменять коней. 1. Ка6 : с7 Kd5 : c7. Казалось, ничья не за горами. Но вдруг последовало невероятное: 2. Ла8—bg+!! Кс7 : a8 3. Крd8—c8! — и черные сдались. Остается лишь добавить, что матч этот, состоявшийся в 1914 году в Берлине, со счетом 6,5 : 3,5 выиграл Капабланка.

Великолепные образцы шахматного искусства в блице не раз создавали Бронштейн, Фишер, Таль. Таль, пожалуй, самый страстный почитатель блица. Он с удовольствием играет в любом блицтурнире. На его счету свыше трех десятков побед в крупнейших соревнованиях такого рода, состоявшихся в Москве, Ленинграде, Риге и других городах. А в начале 1988 года в канадском городе Сент-Джоне он вышел победителем неофициального чемпионата мира по блицу.

— В последние годы очень популярны состязания с получасовым контролем,— подхватил Нейштадт.— Сколько копий в свое время было сломано вокруг «быстрых», или, как их еще называют, «активных» шахмат! Ведущие гроссмейстеры мира решительно возражали против «быстрых» чемпионатов, званий и рейтингов, утверждая, что все это лишь обескровит классические шахматы. А чемпион мира Гарри Каспаров даже «пригрозил» дать сеанс одновременной игры трем первым «быстрым» чемпионам... Однако мы с вами снова отвлеклись.

Глава 27. «СОВРЕМЕННЫЙ КАПАБЛАНКА»

— Если помощник Бронштейна, как выразился Найдорф, даже не был мастером, то что же тогда говорить моему следующему герою — Василию Смыслову? — после небольшой паузы вновь заговорил Нейштадт.

В самом деле, на решающую партию чемпионата Москвы 1938 года со знаменитым Андрэ Лилиенталем 17-летний Смыслов явился в сопровождении... отца, не имевшего в то время никакой квалификации. Тем не менее, играя впервые в жизни с гроссмейстером, юный шахматист, по признанию его маститого соперника, преподал ему предметный урок по стратегии, с мастерством зрелого музыканта исполнив «чернопольную симфонию».

Сравнение со зрелым музыкантом — это не просто звучное словосочетание: еще в детстве Смыслов под влиянием отца увлекся вокалом, достигнув и на этом поприще немалых успехов. Его не раз приглашали на конкурсы в Большой театр. И хотя Смыслов-шахматист взял верх над Смысловым-певцом, музыка навсегда осталась добрым спутником его жизни. В этой связи вспоминается такой забавный эпизод. В один из выходных дней на межзональном турнире в Порторожe тренер гроссмейстера Таля Александр Кобленц в узком кругу исполнял арии из опер на русском и итальянском языках. Благодарные зрители всякий раз награждали обладателя приятного тенора дружескими аплодисментами. После очередной арии к певцу неожиданно подошла элегантно одетая дама. «Благодарю вас за удовольствие! — воскликнула она.— Ваше пение напоминает мне пение большого художника».— «Энрико Карузо?» — спросил польщенный Кобленц. «Нет, Василия Смыслова»,— ответила дама. Вокальные данные Смыслова по достоинству оценила и голландская фирма «Филипс», выпустившая пластинку с записью русских народных песен и романсов в его исполнении. Жаль, что этого до сих пор не сделала советская фирма грамзаписи «Мелодия».

Специалисты не раз с удивлением отмечали, что молодой шахматист, прекрасно разбираясь в комбинационных осложнениях, вместе с тем охотно вступает в позиционную борьбу, отдавая ей явное предпочтение. При этом юноша почти не допускал ошибок, что позволило опытнейшему московскому мастеру Абраму Рабиновичу убежденно заявить: «Смыслов будет чемпионом мира. Он совершенно «не зевает», даже пешек!»

В 1940 году Смыслов дебютировал в высшем форуме советских шахматистов и уверенно занял 3-е место, опередив Кереса, Ботвинника, Болеславского, Котова, Рагозина, Левенфиша и других признанных мастеров. А еще через год в соревновании на звание абсолютного

чемпиона СССР он вновь завоевал третий приз и вместе с ним — звание гроссмейстера.

Теперь уже 20-летний гроссмейстер ставит перед собой самую высокую цель. Убедительно доказав свое право на участие в матче-турнире на первенство мира. Смыслов занял в нем 2-е место, принесшее ему неофициальный титул вице-чемпиона мира.

В 1949 году Смыслов к своим многочисленным шахматным титулам добавляет еще один — чемпиона Советского Союза. Но главной его целью по-прежнему оставалась мировая шахматная корона.

Если в соревновании претендентов 1950 года в Будапеште Смыслов не сумел выдержать конкуренции с Бронштейном и Болеславским, то спустя три года в Нейхаузене он с первых же туров не оставил никаких надежд конкурентам. Победа Смыслова в этом состязании открыла пятилетку великого противостояния двух сильнейших шахматистов земного шара.

Матч с Ботвинником в 1954 году завершился вничью, и чемпион мира продлил свои полномочия на три года. Итог этого поединка убедил Смыслова, что победить Ботвинника — задача хотя и чрезвычайно сложная, но вместе с тем и вполне достижимая. Однако для повторной аудиенции у шахматного короля необходим был новый претендентский мандат. И Смыслов — что называется, засучив рукава — вновь устремился в бой. Соревнование в Амстердаме проходило в исключительно напряженной борьбе. И на сей раз, несмотря на острую конкуренцию со стороны Кереса, Бронштейна, Геллера, Петросяна, Сабо, Спасского и других выдающихся гроссмейстеров, Смыслов был недосягаем.

Новый поединок с Ботвинником весной 1957 года претендент провел превосходно. Уверенно победив грозного соперника, Смыслов стал седьмым чемпионом мира. Эта блестящая победа явилась вершиной спортивного пути замечательного шахматиста.

Впрочем, в летопись «великого противостояния» была вписана еще одна глава. Ботвинник использовал свое право на матч-реванш и спустя год вернул себе лавры первого шахматиста планеты.

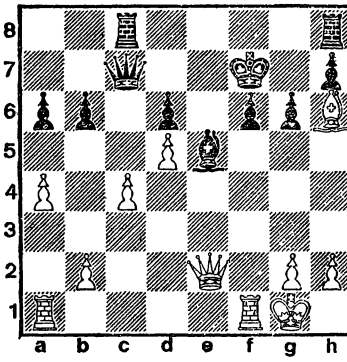
Утрата шахматной короны — чувствительный удар для любого шахматиста. Тяжело переживал свое поражение и Смыслов. Не случайно его спортивные результаты долгое время явно не соответствовали его высокому мастерству. В последующие годы Смыслов не раз становился победителем крупнейших соревнований, но

в отборочных состязаниях соискателей шахматной короны он, как правило, уступал дорогу молодым.

Смыслов — шахматист строгого классического направления, наделенный ярчайшим талантом и глубочайшей интуицией. Все это позволило коллегам окрестить его «современным Капабланкой». Свое шахматное кредо Смыслов ясно изложил в книге «В поисках гармонии». «Если шахматист интуитивно оценивает ситуацию,— пишет он,— быстро находит правильный план, наиболее логично и четко выражающий идею, значит, он обладает чувством гармонии». Словом, шахматы, по Смыслову,— это вечный поиск гармонии.

«Даже комбинационный взрыв у Смыслова,— сказал как-то Лилиенталь,— не экспромт, а логическое следствие солидной позиционной артподготовки». Примеров тому немало. Приведу хотя бы его партию с Кареном Григоряном, сыгранную в 44-м чемпионате СССР

— После добротной «артподготовки»,— продолжал рассказчик,— игравший белыми Смыслов приступает к «взрывным работам». 21. Лf1 : f6+!! Крf7 : f6 (нельзя играть 21. ... С : f6 ввиду 22. Фе6х). 22. Фе2—g4! (угрожая 23. Фе6х). 22. ... Фс7—с5+ 23. Крg1—h1 Крf6—e7 24. Сh6—g5+,— и черные сдались ввиду неизбежного мата. Если 24. ... Сf6, то 25. Лe1+ Крd8 26. С : f6+ Крс7 27. С : h8 Л : h8 28. Лe7+ Крb8 29. Фd7 — и от мата нет защиты.

Как подлинный классик, Смыслов никогда не пытается «ловить рыбку в мутной воде». Впрочем, однажды он, вопреки своим правилам, отправился доигрывать безнадежную позицию против гроссмейстера Симагина. Правда, не по собственной инициативе, а по настоянию жены. «Ты взгляни на позицию,— пытался урезонить супругу Смыслов,— тут нечего уже доигрывать!» — «Не будь лентяем, сделай несколько ходов. Мало ли что бывает! — не проявляя никакого интереса к самой позиции, напутствовала гроссмейстера жена.— И позвони мне по телефону». Вскоре Смыслов позвонил домой. «Ты уже так быстро проиграл?» — спросила его супруга. «Нет, партия за-

кончилась вничью, и я даже чуть не выиграл»,— пробормотал Смыслов, явно удрученный тем, что жена «глубже оценила» отложенную позицию.

В середине 80-х годов многочисленные поклонники замечательного гроссмейстера с восторгом рукоплескали его второй шахматной молодости. Блестяще проведя межзональный турнир в Лас-Пальмасе и претендентские матчи с гроссмейстерами Хюбнером и Рибли, 63-летний Смыслов стал третьим шахматистом планеты. Что ж, остается только воскликнуть: «Браво, Смыслов!»

— От всей души присоединяюсь к этой оценке,— с чувством произнес Петров.— А то, что Смыслов владел шахматной короной лишь один год, ничуть не умаляет его величия.

— Несомненно,— подхватил Филидор.— Каждый великий шахматист ищет в шахматах истину, и Смыслов к ней, на мой взгляд, ближе других. Тонкое понимание сути древней игры и блестящее практическое воплощение своих глубоких идей — главный вклад Смыслова в сокровищницу шахматного искусства.

— Так значит, маэстро Филидор считает шахматы искусством? — улыбнулся Белица.

— Конечно! — с жаром воскликнул Филидор.

— С этим трудно спорить,— поддержал коллегу русский мастер.

— Оригинальную точку зрения по этому поводу высказал 16-летний канадский мастер Алекс Кузнецов,— вновь улыбнулся Белица.— Пытаясь получить материальную поддержку для поездки на юношеский турнир в Аргентину, он обратился в правительственное учреждение. В ответ федеральный министр заявил, что помощь ему будет оказана после точного установления, что такое шахматы: искусство, спорт или пустое времяпрепровождение. «Видите ли, сэр,— ответил юный мастер,— когда в шахматы играет Смыслов — это искусство, когда играю я — это спорт, а когда играете вы — это пустое времяпрепровождение. Боюсь, что такое объяснение свело к нулю мой и без того низкий шанс получить от вас правительственную субсидию».

— Устами младенца глаголет истина,— не удержался от смеха Петров.

— А вот мнения шахматных королей на этот счет разделились,— промолвил Нейштадт.— «Шахматы — это по форме игра, по содержанию — искусство, а по трудности овладения игрой — это наука»,— говорил Тигран

Петросян. Александр Алехин был более категоричен: «Для меня шахматы — не игра, а искусство. Да, я считаю шахматы искусством и беру на себя все те обязанности, которые оно налагает на своих приверженцев». Этой же точки зрения придерживается и Михаил Таль, считающий, что шахматы — это прежде всего искусство, оказывающее колоссальное эстетическое влияние на людей.

— Можно было бы привести изречения на эту тему и других чемпионов мира,— заметил Белица.— Но стоит ли, если лучше всех, на мой взгляд, эту проблему разрешил Василий Смыслов. «Шахматы — это искусство, рожденное в борьбе»,— провозгласил он. Вдумайтесь в глубокий смысл этих слов, и вы поймете, что Смыслов ближе всех к истине. Впрочем, чуть позже Михаил Ботвинник, давая мне автограф, написал: «Что такое шахматы? Этого никто не знает!» Если бы понадобилось препроводить эпиграфом мой следующий рассказ,— добавил Белица,— то лучше всего для этого подошли бы такие крылатые слова: «Безумству храбрых поем мы песню!»

Глава 28. КУДЕСНИК ИЗ РИГИ

Его не спутаешь ни с кем. Если на шахматной доске кипят страсти, вызванные каскадом невероятных жертв, и зрительный зал гудит, значит, это играет Михаил Таль. Густая черная шевелюра, возбужденно блестящие глаза, порывистые движения и неуемная жажда борьбы над самой пропастью — таким ворвался он в шахматную жизнь, сметая буквально все на своем пути — и общепринятые шахматные каноны, и рекомендации крупнейших теоретиков, и окруженных ореолом непобедимости чемпионов.

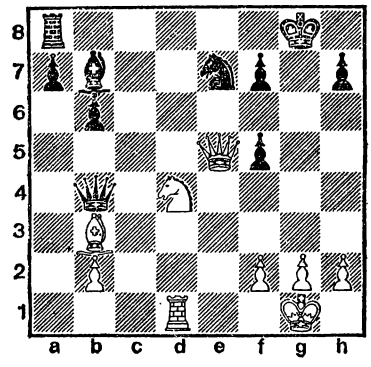
Обладая необузданным темпераментом и исключительным дарованием, Таль стремглав перескакивал через жизненные и шахматные ступеньки. В школе, как выразился он сам, его просто-напросто «лишили детства и приняли сразу в третий класс», а в возрасте 15 лет он был уже студентом филологического факультета Рижского университета.

В 1953 году, будучи уже чемпионом Латвии, Таль выступал на командном первенстве страны в Ленинграде. Его искрометная, полная фантазии игра сразу же привлекла всеобщее внимание, а известный мастер Вла-

дас Микенас тут же объявил, что готов заключить с любым желающим пари, что не пройдет и пяти лет, как этот мальчик станет гроссмейстером. Дебют молодого шахматиста в 23-м чемпионате СССР принес ему весьма высокое 5-е место, а спустя год он произвел подлинный фурор, став чемпионом Советского Союза и удостоившись гроссмейстерского сана.

Рига безудержно ликовала, а класс, в котором Таль преподавал литературу, весь день с увлечением разыгрывал его смелые комбинации. Дело дошло до того, что ученики стали сражаться в шахматы и во время уроков. Войдя однажды в класс, молодой педагог обнаружил на подоконнике шахматную доску. Одного беглого взгляда на позицию было достаточно, чтобы увидеть несложный мат в четыре хода. Спустя некоторое время, снова мельком взглянув на доску, Таль с изумлением обнаружил, что белые не только не объявили мат, но и доигрались до совершенно безнадежной позиции. И тут гнев педагога смешался в нем с яростью шахматиста. Однако, сдержав себя, Таль ограничился устным внушением. «Черные» обрадовались такому исходу, а «белые» попросили у чемпиона СССР автограф. В результате в дневнике «белых» появилась такая «строгая» запись: «Не нашел мат в 4 хода на уроке литературы. Таль».

Следующее всесоюзное первенство, состоявшееся в Риге и носившее отборочный характер, должно было назвать не только чемпиона страны, но и обладателей четырех путевок на межзональный турнир. Вновь обрушив на своих именитых противников водопад жертв, Таль, к неописуемому восторгу своих земляков, во второй раз стал чемпионом Советского Союза.

Посмотрите, как красиво выиграл он одну из ключевых партий этого чемпионата у ленинградского гроссмейстера Александра Толуша.

В этой позиции игравший белыми рижанин продолжал: 24. Фе5—f6! Сb7—d5 25. Кd4—c6!! Таль жертвует и коня, и слона! Дары эти, однако, оказываются «данайскими». 25. Фb4:b3 26.

Кс6 : е7+ Крg8—f8 27. Лd1—e1 Cd5—e6 28. Ке7 : f5, и черные сдались. Позже, когда стартовал очередной всесоюзный форум в Тбилиси, «вся шахматная рать» страны была озабочена лишь одной проблемой: как остановить Таля. А экспансивный ленинградский гроссмейстер Марк Тайманов даже воскликнул: «Если Таль станет чемпионом в третий раз, я брошу шахматы!» Этот эпизод Таль всегда вспоминает со смехом: «Представляете, какую добрую услугу оказал я советским шахматам, разделив в Тбилиси 2—3-е места!»

Свое первое межзональное сражение в югославском городе Порторожe Таль провел в присущем ему стиле и «по инерции» занял 1-е место. Его игра явно пришлась по вкусу искушенным в шахматах югославам. Они настолько привыкли к жертвам своего нового кумира, что однажды во время турнира в Белграде, видя, что в его партии все еще сохраняется материальное равенство, стали дружно скандировать: «Таль! По-жерт-вуй! Таль! По-жерт-вуй!» Вот почему гроссмейстер Бронштейн на вопрос, как побеждает Таль, лаконично ответил: «Очень просто! Он располагает свои фигуры в центре, а затем их где-нибудь жертвует...»

Многие известные шахматисты терзались вопросом, почему они, почти никогда ранее не допускавшие грубых просчетов, в борьбе с Талем часто совершают непостижимые ошибки. «Самое удивительное,— сокрушались они,— что комбинации Морфи и Алехина при последующих многократных анализах оказывались абсолютно корректными, а жертвы Таля позже в спокойной обстановке нередко опровергались». Но в том-то и дело — в спокойной обстановке, а не в разгар боя, когда позиция кипит, нервы напряжены до предела, а шахматные часы стремительно отсчитывают драгоценные минуты...

«Таль стреляет из кривого ружья!», «Таль пытается доказать, что дважды два — пять!» — посыпались обвинения. «Если я вижу красивый ход с жертвой, то мне ужасно не хочется, чтобы отыскался другой, объективно более сильный ход. Поэтому я его... не ищу»,— оправдывался Таль. Но такое объяснение не удовлетворяло оппонентов.

«Как победить этого шахматного бунтаря?» — вопрошали они. Что ж, шахматные статистики отыскали одно «сильное» средство: играть с Талем... в первом туре. В самом деле, сколько раз именно в стартовых поединках разящее копье Таля оказывалось не гото-

вым к бою! Поражение от Смыслова в первом туре соревнования претендентов в Югославии было шестой подряд (!) стартовой осечкой Таля. А потом все встало на свои места. Правда, гроссмейстер Бенко, «на всякий случай» обвинил рижанина в... гипнотическом воздействии на соперников и объявил, что на партию с ним явится в темных очках. «Ну, Миша,— с тревогой обратился к своему подопечному Кобленц,— если он в очках у тебя выиграет, его объявят пророком!» Но американца ожидала «домашняя заготовка» Таля. Увидев, что Бенко действительно в темных очках, Таль немедленно вытащил из кармана одолженные у Петросяна пляжные очки и торжественно водрузил их на нос. Что творилось в зале! Хохотали все — и участники, и судьи, и зрители. К 30-му ходу Бенко уже спокойно мог снять очки — позиция его была безнадежной. Проведя весь турнир с огромным подъемом, Таль уверенно завоевал 1-е место.

Теперь на пути молодого претендента монументально возвышался последний и самый могучий оплот апологетов «шахматной законности» — Михаил Ботвинник. Даже самые фанатичные болельщики Таля не могли представить себе, как их любимец сможет победить столь великого противника. Впрочем, и в главнейшем состязании своей жизни Таль не изменил себе, продолжив неистовый танец «на острие ножа». Получая при переходе в миттельшпиль хорошие позиции, Ботвинник никак не мог пожать плоды своего дебютного превосходства. Когда, казалось, вот-вот Таль рухнет, рижанин вовлекал грозного противника в трясину неимоверных осложнений, в которых тот из-за усталости и нехватки времени досконально разобраться не мог. Уже после 7 партий счет побед был 3 : 0 в пользу претендента, который в итоге одержал блестящую победу.

23-летний Михаил Таль стал самым молодым чемпионом мира в истории шахмат. После торжественной коронации новый шахматный король, смеясь, признался друзьям: «Никогда не думал, что лавровый венок такой тяжелый!»

Увы, лавровый венок оказался тяжелым для Таля не только в прямом, но и в переносном смысле. Убаюканный легкой победой, он не утруждал себя подготовкой к новому состязанию. К тому же и здоровье Таля оставляло желать лучшего. Ботвинник же, наоборот, тщательно проанализировав партии проигранного матча, с присущей ему методичностью выявил шахматные и чисто человеческие слабости нового чемпиона и бле-

стяще использовал их в матче-реванше. Из нескончаемого потока поздравлений патриарха советских шахмат особенно растрогала телеграмма от матери... Таля: «Вы остались верны себе. Восхищена, но не удивлена. Буду счастлива, если мой Миша-маленький пойдет по стопам Михаила-большого!»

Победа Ботвинника окрылила многих «павших» от руки Таля гроссмейстеров, показала им, как надо бороться с рижанином. Его перестали бояться, и в итоге Таль потерял былую уверенность в себе.

Именно в этот период в мажорную симфонию Таля все чаще стали вплетаться минорные напевы. Все чаще давал о себе знать старый недуг. Недуг, из-за которого замечательный шахматист не смог доиграть турнир претендентов на острове Кюрасао, который нередко приводил Таля на больничную койку. Начали поговаривать, что Таль очень плох, а в одной югославской газете даже появился... некролог о его кончине. Узнав об этом, находившийся в больнице Таль лишь ограничился словами Марка Твена: «Слухи о моей смерти сильно преувеличены!»

Но Таль нашел в себе силы дать решительный бой своему главному противнику. Избавившись от так мучившего его недуга, рижский гроссмейстер новыми яркими победами возвестил миру: «В здоровом Тале — здоровый дух!» Результаты его и впрямь были впечатляющими — с августа 1972 года по март 1973-го он выиграл пять крупнейших соревнований подряд, добившись при этом рекордной беспроигрышной серии из 83 партий.

И последующие годы были отмечены многими выдающимися победами прославленного гроссмейстера. Среди покоренных им вершин — всемирные шахматные олимпиады, командные первенства Европы, всесоюзные чемпионаты, крупные международные турниры. И только по какому-то странному капризу судьбы лишь в отборочных соревнованиях на первенство мира его неизменно поджидали неудачи. Может быть, потому, что изменился и стиль игры Таля: на смену лихим гусарским наскокам пришли солидная постановка партии и полное уважение к некогда отвергнутым им шахматным канонам. Сам Таль, объясняя причины этой метаморфозы, смеясь заметил: «Видимо, вся моя бесшабашность была в той удаленной левой почке». А на вопрос, так сколько же все-таки будет дважды два, улыбнувшись, ответил: «Только не четыре, хотя, кажется, уже и не

пять. Шахматная таблица умножения изучена досконально всеми, и теперь, если хочешь побеждать, надо играть еще «неправильнее», чем в годы моей шахматной юности».

Шахматная юность Таля... Он и сегодня нередко вспоминает ее за шахматной доской, вызывая гул оживления в зрительном зале. И как знать, может быть, мы еще станем свидетелями второй шахматной юности Таля?

— А почему бы и нет,— не то вопросительно, не то утвердительно произнес первый шахматный мастер России.— Сумел ведь Смыслов в 63 года стать третьим шахматистом земного шара. А Таль все-таки значительно моложе. Так что многое у него впереди: и новые победы, и новые эффектные комбинации, и, конечно же, жертвы.

— Что для Таля рисковать фигурами,— рассмеялся Белица,— если он в 1966 году в испанском городе Пальма де Мальорка не побоялся рискнуть жизнью, приняв участие в... корриде. К счастью все кончилось благополучно.

— Коллеги после этого, наверное, стали называть Таля тореадором? — смеясь, спросил Филидор.— Тем паче, что это полностью соответствует его шахматному стилю.

— Вот уж чего-чего, а всевозможных прозвищ у Таля предостаточно,— ответил Белица.— Судите сами: «шахматный кудесник», «Моцарт шахмат», «демон 64 полей», «балтийский пират», «рижский корсар», «шахматный Паганини»... Когда Таля однажды спросили, как он к этому относится, он улыбнулся и сказал: «Лучше называйте меня Мишей — это проще и как-то не позволяет стареть».

— Ну, я думаю, что старость и Таль — явления несовместимые,— убежденно произнес Петров.— Его неистощимость на шутки, юмор — гарантия вечной молодости духа.

— Интересно, как бы сыграл Таль с признанными гениями шахматной комбинации — Морфи, Андерсеном или Алехиным? — мечтательно спросил Филидор.

— С Андерсеном и Алехиным — не знаю, а вот у Морфи Таль выиграл три партии,— отозвался Нейштадт.

— Как так? — изумленно воскликнули оба великих шахматиста.

— Очень просто,— наслаждаясь произведенным эф-

фектом, ответил Нейштадт.— Однажды знакомый Талю врач, загипнотизировав пациента, внушил ему, что он.. гений шахмат Пол Морфи. После этого Таль сел играть с новоявленным «гением». Самое удивительное, что, «став Морфи», этот весьма посредственный шахматист заиграл намного сильнее, и Таль не без труда выиграл 3 партии.

А вот с Давидом Бронштейном в 1982 году Таль сыграл матч необычный — сразу на 8 досках. «Сначала мне было немного страшно,— рассказывал позже Таль.— Шутка ли, играть против восьми Бронштейнов сразу, но потом я подумал, что ведь и Бронштейн играет одновременно против восьми Талей. Это меня успокоило, и я сумел выиграть матч с результатом 4:2 при 2 ничьих».

— И все-таки, может быть, Талю лучше было бы вернуться к той игре, которая принесла ему шахматную корону? — неуверенно спросил Филидор.

— Не знаю,— живо отозвался Нейштадт.— Кстати, когда самому Талю задали такой вопрос, он без раздумий ответил: «Сегодняшний Таль прибил бы Таля образца 1960 года». В конце концов главное, что сам Таль верит в то, что он на правильном пути, а в этом — залог его новых побед.

Говорить о Тале можно бесконечно. А раз так, то пора переходить к очередному рассказу.

Глава 29. «ЖЕЛЕЗНЫЙ ТИГРАН»

Он — полный антипод Таля. Осторожность, благоразумие, готовность заключить мир с соперником лишь потому, что «синица в руке лучше журавля в небе»,— вот основные черты моего нового героя — Тиграна Вартановича Петросяна.

Как же дошел он до жизни такой? Спустя много лет сам Петросян объяснил это следующим образом: «Стиль — это человек. В моем шахматном стиле, как в зеркале, отразились черты моего характера».

И это действительно так. Петросян всегда был добродушным, скромным, даже застенчивым человеком. Огромное влияние на его шахматное мировоззрение оказало творчество Нимцовича и Капабланки — шахматистов классического позиционного стиля. Именно по их книгам будущий чемпион мира постигал премудрости древней игры.

Уже первое серьезное испытание — чемпионат Грузии 1945 года, где выступали многие известные мастера,— принес 16-летнему Петросяну 9-е место, что было несомненным успехом. В следующем году, победив во всесоюзном юношеском турнире и матче за звание чемпиона Армении среди взрослых Генриха Каспаряна, Петросян, выражаясь словами великого поэта, «уважать себя заставил».

В 1949 году Петросян переехал в Москву, где его тренером стал Андрэ Лилиенталь. Творческое содружество талантливого юноши и опытного гроссмейстера быстро дало удивительные всходы. Победы в чемпионате Москвы 1951 года, дележ 2—3-го мест в 19-м всесоюзном форуме, впереди Ботвинника, Смыслова, Бронштейна, Флора, Авербаха, Тайманова, Бондаревского, Котова и других, снискали ему репутацию одного из сильнейших шахматистов страны и дали право на участие в отборочных соревнованиях на первенство мира.

Дебютируя в межзональном турнире в Сальтшобадене, Петросян вновь подтвердил свой высокий класс, без всяких осложнений завоевав одну из претендентских путевок. Понимая, что конкурировать с Кересом, Смысловым и Бронштейном в турнире претендентов ему пока не под силу, Петросян поставил перед собой вполне достижимую задачу — закрепиться среди мировой шахматной элиты. Вот почему в большинстве партий он действовал по принципу «безопасность — прежде всего!». Неудивительно, что в турнирной графе Петросяна одна за другой стали появляться «половинки». Известный мастер Василий Панов назвал его игру «холодной, расчетливой, осторожной», а один весьма экспансивный любитель шахмат из Еревана в своем письме напрямик вопрошал: «Скажите, когда наконец кончатся эти ваши ничьи?»

Этим вопросом терзался и сам Петросян. Он-то знал, что есть два Петросяна — «Петросян для нас» и «Петросян в себе» — и что возможности второго неизмеримо шире. Но как доказать это?

В следующем турнире претендентов в Амстердаме он твердо решил выпустить наружу «второго» Петросяна и «просто поиграть в шахматы». Однако два поражения подряд — от Геллера и Бронштейна — вынудили его вернуться «на круги своя», что в конце концов обеспечило дележ 3—7-го мест.

В 24-м чемпионате СССР Петросян сделал новую попытку «сменить кожу» и начал «немного комбиниро-

вать». Невзирая на поражения от Банника и Холмова, он продолжал играть с открытым забралом. И хотя его результат (дележ 7—8-го мест) высоким не назовешь, он, по существу, впервые наслаждался упоением настоящего боя. Именно такая игра принесла ему великолепную победу во всесоюзном первенстве 1959 года в Тбилиси.

Так выработался новый стиль Петросяна, в котором непробиваемость в защите гармонично сочеталась с хорошо поставленным атакующим ударом. Это был уже другой Петросян, и этот «новый» Петросян радостно сознавал, что теперь можно ставить перед собой самую высокую цель.

Очередной турнир претендентов на острове Кюрасао в 1962 году Петросян провел превосходно. И хотя «половинок» в его турнирной графе было по-прежнему немало, они уже не были безликими «синицами в руке». Твердо взяв курс на гордого «журавля в небе», Петросян уверенно опередил своего главного конкурента Пауля Кереса.

Матч с Ботвинником стал главным состязанием всей шахматной карьеры Петросяна, прекрасно понимавшего, у кого предстоит ему оспаривать шахматную корону.

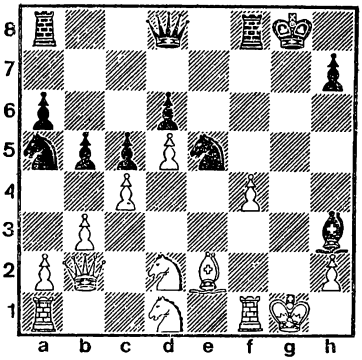
Накануне матча в журнале «Огонек» появилась статья Эйве, в которой он сравнивал Петросяна с Капабланкой, а Ботвинника — с Ласкером. Казалось, все настраивало на мажорный лад. Однако первый же блин у претендента, как говорится, вышел комом. Проиграв первую партию, он признался: «Никогда не думал, что на тебя так давит зал, когда играешь один на один».

В отличие от Таля, Петросян не бросился сразу же отыгрываться, а предпочел терпеливо ждать своего часа. Недаром же Эйве говорил: «Если Петросяна разозлить, он способен на чудо». И чудо свершилось: в 5-й и 7-й партиях чемпион мира вынужден был сложить оружие. С каждой новой партией все явственнее сказывалась разница в возрасте. И хотя Ботвиннику удалось одержать вторую победу, этот успех оказался последним. Начиная с 15-й партии «парадом» уверенно командовал претендент. Одержав еще три победы, Петросян установил окончательный итог матча — 12,5 : 9,5. Уверенность, с которой он победил Ботвинника, заставила многих специалистов заключить, что новый шахматный король не скоро уступит свой высокий титул.

«Железным Тиграном» называли Петросяна за его поистине мертвую позиционную хватку, удивительную выдержку и спокойствие. Как-то в разговоре с югославским гроссмейстером Глигоричем обычно сдержанный Петросян посетовал, что у него стали пошаливать нервы. «Как, у вас тоже есть нервы?!» — удивился его собеседник.

В 1966 году Петросян защитил чемпионский титул в напряженном поединке с Борисом Спасским. В 10-й партии этого единоборства игравший белыми чемпион мира создал подлинный шедевр шахматного искусства.

— Вот как это произошло,— расставив исходную позицию, продолжал рассказчик.— 21. Кd1—e3! Первая жертва качества! 21. ... Сh3 : f1 22. Ла1 : f1 Кe5—g6 23. Се2—g4! Кg6 : f4 24. Лf1 : f4! Вторая жертва качества! 24. ... Лf8 : f4 25. Сg4—e6+ Лf4—f7. 26. Кd2—e4! Фd8—h4 27. Кe4 : d6 Фh4—g5+ 28. Крg1—h1 Ла8—a7 29. Се6 : f7+ Ла7 f7. И Петросян завершает борьбу хотя и очевидной, но очень изящной жертвой ферзя. 30. Фb2—h8+!! Черные сдались, так как после 30. ... Крg8 : h8 последовало бы 31. Кe6 : f7+, отыгрывая ферзя и оставаясь с лишней фигурой. Нечасто в матчах на первенство мира можно встретить столь насыщенную эффектными тактическими ударами партию!

Спустя три года состоялось новое единоборство двух выдающихся гроссмейстеров на высшем уровне. Хорошо подготовившийся к нелегкой борьбе Спасский на этот раз оказался сильнее «железного Тиграна» и одержал заслуженную победу.

После нескольких неудачных попыток вернуться на шахматный олимп Петросян откровенно заявил, что не собирается больше претендовать на звание чемпиона мира. «Неужели вы не мечтаете о прежней славе?» — задали ему не очень тактичный вопрос. «Слава — как хорошая конфета. Есть — хорошо, нет — можно обойтись и без нее»,— улыбаясь, парировал экс-чемпион мира. «Я считаю себя счастливым человеком,— словно подводя итог своей жизни, говорил Петросян.— Играть,

творить рядом с такими исключительно глубокими, самобытными художниками шахмат, как Ботвинник, Керес, Бронштейн, Геллер, Смыслов, Таль, Глигорич, Портиш, Решевский, Найдорф, было подлинным счастьем для меня!»

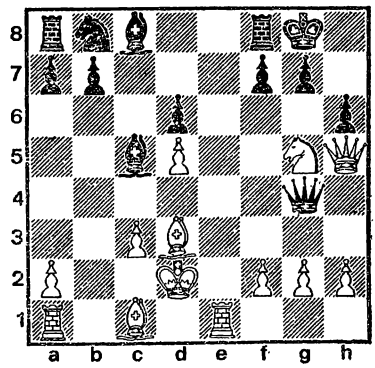
Жизнь замечательного шахматиста оборвалась слишком рано — в августе 1984 года, когда ему едва исполнилось 55 лет.

— Что ж, Петросян прав — в шахматах должна торжествовать логика,— убежденно произнес Филидор.— Ведь даже такой шахматный бунтарь, как Михаил Таль, в конце концов стал жрецом шахматной логики.

— И все же шахматные почерки Петросяна и «образумившегося» Таля имеют общего не более, чем, скажем, симфония и оперетта,— отозвался русский мастер.

— Маэстро, вы угодили в самую точку,— воскликнул Белица.— Как-то Михаил Таль, сравнивая выдающихся шахматистов с великими композиторами, заметил: «Ботвинник напоминает мне Баха: бездонная глубина, цельность, нет ни одной лишней ноты; Смыслов подобен Чайковскому: спокойствие, мелодичность, напевность и вместе с тем неожиданные кульминации; Петросян похож на Листа: абсолютная виртуозность».— «А с кем можно сравнить Таля?» — тут же спросили его. «Со мной все ясно,— улыбнулся Таль,— перед вами король оперетты Имре Кальман».

— Хотя Таль сравнил героя моего последнего рассказа с Листом,— продолжил Нейштадт,— сам Петросян отдавал предпочтение музыке Рихарда Вагнера. Друзья замечательного шахматиста утверждали, что если при анализе отложенной партии из его комнаты доносились «Идиллии Зигфрида», значит, его позиция выигранная, если хор из «Летучего голландца», значит, положение сложное с взаимными шансами, и, наконец, если вступление к «Тристану и Изольде», то дела его очень плохи.

— Кстати, Вагнер был большим любителем шахмат, — заметил Бахман.— Сохранилась даже одна из его партий, сыгранная с неким Цуккербеккером.

Немецкий историк не спеша расставил фигуры.

— В этой позиции игравший белыми великий композитор решительно пожертвовал ферзя. 14. Фh5 : f7+! Лf8 : f7 15. Ле1—e8+ Лf7—f8 16. Cd3—h7+ Крg8—h8 17. Ле8 : f8х.

— Безмерно любил шахматы и гениальный советский композитор Дмитрий Шостакович,— продолжил музыкальную тему Греков.— В начале 20-х годов он, будучи еще 16-летним юношей, перед началом сеанса в фойе одного из ленинградских кинотеатров сыграл в шахматы со случайным партнером. Не прошло и пятнадцати минут, как будущему композитору пришлось сложить оружие. Огорченно брел он в зрительный зал. В дверях его остановил недавний соперник и, протягивая руку, сказал: «Будем знакомы — Алехин Александр Александрович». С тех пор Шостакович стал страстным болельщиком своего случайного партнера.

— Много еще можно было бы рассказать об увлечении шахматами выдающихся представителей мировой культуры и науки — Пушкина, Тургенева, Толстого, Вольтера, Штрауса, Диккенса, Шумана, Эйнштейна, Менделеева, Прокофьева, Ойстраха и других,— заключил Белица,— а поскольку сделать это просто не позволяет время, я предложу вашему вниманию рассказ о весьма своеобразном шахматисте.

Глава 30. «СТРАШНЫЙ ВИКТОР»

Виктор Корчной — гроссмейстер с мировым именем, человек подчас импульсивный, со сложным, противоречивым характером. Сколько раз эта импульсивность оказывала ему медвежью услугу!

В 1946 году на чемпионате СССР среди юношей 15-летний Корчной, лидируя после первых пяти туров, проиграл очередную партию, расстроился и... покатился в низ турнирной таблицы. Спустя два года, потерпев поражение в первом туре аналогичного соревнования, он заявил своему тренеру Владимиру Григорьевичу Заку, что не хочет продолжать борьбу, так как не верит в свои силы... А чего стоит финал 22-го всесоюзного первенства, в котором ленинградец, потерпев в первом туре поражение от Симагина, весь турнир играл в состоянии какой-то обреченности и в итоге вынужден был довольствоваться предпоследним местом.

Но недаром говорят, что за одного битого двух не-

битых дают. Неудачи не только травмировали талантливого шахматиста, но и постепенно выковывали его самобытный, неповторимый стиль игры, его бойцовский характер. Тот самый, который помог ему впоследствии одержать много ярких побед в состязаниях самого высокого ранга.

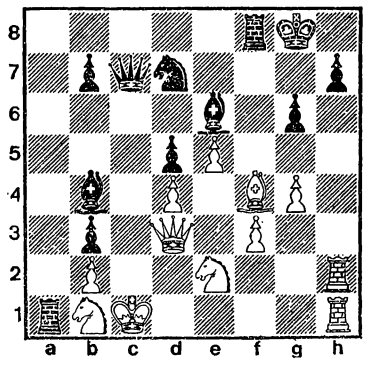
Достаточно вспомнить 27-й чемпионат Советского Союза в Ленинграде. Лидируя за четыре тура до финиша, Корчной, добившись выигранной позиции в поединке с Багировым, допустил вдруг непостижимую оплошность. Желая осуществить элементарный размен, он взялся за слона, но не за того, которым должен был побить фигуру противника, а за стоящего на соседней клетке. Корчной побледнел, водрузил злополучного слона на свое место и, прошептав роковое «сдаюсь», ни на кого не глядя, удалился. «Ну, теперь Корчной „поедет"!» — убежденно резюмировали специалисты. Каково же было изумление любителей шахмат и особенно главных конкурентов Корчного — Геллера и Петросяна,— когда ленинградский гроссмейстер, последовательно сокрушив Крогиуса, Геллера и Суэтина, сумел-таки вырваться вперед и впервые завоевал чемпионские лавры.

Давид Бронштейн как-то заметил: «Корчной не надеется на других. Ему хочется самому устранять конкурентов. С годами это пройдет». Однако на этот раз мудрый гроссмейстер ошибся. С годами Корчной стал еще более непримиримым, по-спортивному злым. В 1965 году на международном турнире в венгерском городке Дьюла Корчной, задолго до финиша обеспечив себе первый приз, продолжал играть так, словно от каждой последующей партии зависела его турнирная судьба. В итоге — 14,5 очка из 15 возможных и отрыв на 5,5 очка от ближайшего конкурента.

Для Корчного любое соревнование, в котором он играет,— самое главное, будь то первенство мира или чемпионат города. В каждой партии он с только ему присущим ожесточением, не признавая никаких компромиссов, борется за победу. Недаром на Западе этого беспощадного шахматного гладиатора прозвали «страшным Виктором». В чем же неповторимость шахматного стиля Виктора Корчного? В том, что, в отличие от подавляющего большинства своих коллег-гроссмейстеров, он всегда готов отдать сопернику инициативу, принять почти любую, даже «отравленную» жертву — лишь бы уйти с проторенных теоретических дорожек. Нередко

такая игра приводила его на край пропасти, но именно в самые критические моменты борьбы активная защита Корчного чаще всего торжествовала над яростной атакой соперников.

60-е и 70-е годы — пора спортивного и творческого расцвета Корчного. Шесть раз в составе сборной СССР он становился победителем всемирных шахматных олимпиад, пять раз — командных европейских форумов, четырежды поднимался на высшую ступень чемпионатов Советского Союза. Именно в эти годы он являлся наиболее реальным претендентом на мировую шахматную корону. Девять раз (включая и 80-е годы) неутомимый гроссмейстер участвовал в соревнованиях претендентов на шахматный престол. В 1968 году, уверенно победив Решевского и Таля, Корчной был близок к тому, чтобы бросить перчатку Тиграну Петросяну, однако в финальном матче претендентов в Киеве он уступил победу будущему чемпиону мира Борису Спасскому. В их поединке любителям шахмат особенно запомнилась небезошибочная 6-я партия, которая наглядно иллюстрирует шахматный почерк Корчного. В ферзевом гамбите игравший белыми Корчной первым свернул с проторенной во 2-й партии этого же матча тропинки. Неудачным 10-м ходом он по обыкновению вызвал огонь на себя. Серией точных ходов Спасский вскрыл слабости позиции соперника и ради атаки пожертвовал коня. Верный себе, Корчной принял этот «данайский» дар, и над его королем сразу же сгустились тучи. Однако стоило Спасскому чуть промедлить (19. ... b3?), как Корчной тут же создал встречные угрозы на королевском фланге черных. После 24 ходов возникла следующая позиция.

Корчной сыграл 25. Кe2—c3. Атака Спасского все еще сильна, но он, опасаясь жертвы белого ферзя на g6, надолго задумался и... позволил сопернику осуществить намеченную жертву. 25. Кd7—b6? Явная ошибка. Далее последовало: 26. Фd3 : g6 + ! h7 : g6 27. Лh2—h8 + Крg8—f7 28. Лh1—h7 + Крf7—e8 29. Лh8 : f8 + Крe8 : f8 30. Лh7 : c7 Кb6—c4 31. Лc7 : b7 Сb4 : c3

32. b2:c3 b3—b2+ 33. Крc1—c2 Крf8—e8 34. Cf4—g5 Ла1—a6 35. Кb1—d2 Се6—c8 36. Лb7—e7+ Кре8—f8 37. Кd2:c4 d5:c4 38. Крc2:b2 Ла6—b6+ 39. Крb2—c2 Сc8—b7 40. Ле7:b7 Лb6:b7 41. f3—f4 Лb7—h7 42. Крc2—b2! — и черные сдались.

Спустя шесть лет Корчной, нанеся чувствительные поражения Энрике Мекингу и Тиграну Петросяну, вновь стал участником претендентского финала. Теперь на пути к Фишеру стоял 23-летний дебютант подобных соревнований Анатолий Карпов. Матч Карпов — Корчной имел особое значение — ведь в шахматном мире не без оснований полагали, что чемпион мира откажется защищать свой титул, и поэтому московский поединок мог оказаться решающим.

«Как вы рассчитываете сыграть с Карповым?» — поинтересовался перед началом этого матча один из спортивных журналистов. Корчной улыбнулся и ответил: «Тайманов, Ларсен, Петросян и Спасский в свое время получили такие чувствительные удары от Фишера, что не могут от них оправиться до сих пор. Я постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы не отдать Толю на «растерзание» Фишеру». Мог ли маститый гроссмейстер тогда предположить, что он сам окажется растерзанным молодым претендентом,— ведь после 17 партий его соперник выигрывал со счетом 3:0. Отчаянный финишный рывок позволил Корчному спасти свое реноме, но не матч. А затем, разгоряченный неудачей, он дал интервью корреспонденту югославской газеты «Политика», в котором весьма скептически отозвался об игре и перспективах своего недавнего соперника. Сегодня подобные оценки не вызвали бы столь бурной реакции, но тогда... Немедленно последовали крутые «оргвыводы», и в 1976 году после завершения амстердамского турнира Корчной неожиданно решил остаться на Западе.

В следующем претендентском цикле Корчной все же добился права оспаривать шахматную корону у Анатолия Карпова. Я не буду расписывать щекотливые подробности их состязания в Багио — они достаточно хорошо известны всему шахматному миру. Скажу лишь, что и здесь проявился бойцовский характер Корчного. Проигрывая после 27 партий со счетом 2:5, он сумел в следующих четырех поединках уравнять шансы. Однако поражение в 32-й партии развеяло его честолюбивые надежды. Через три года непримиримые соперники встретились в итальянском городе Мерано. На этот раз

Карпов без труда отразил посягательства претендента на свой высокий титул.

Более четверти века Виктор Корчной без устали штурмует недоступную шахматную вершину. Годы неумолимо берут свое, и успехи выдающегося гроссмейстера постепенно идут на убыль. Тем не менее Корчной и сегодня входит в когорту сильнейших шахматистов земного шара.

— А теперь я хочу поделиться своими впечатлениями о Борисе Спасском,— без всякой паузы приступил к очередному рассказу Белица.

Глава 31. «ПОБЕДА ВСЕХ ПОБЕД»

В 1946 году, записавшись в шахматный кружок Ленинградского Дворца пионеров, 9-летний Боря Спасский сразу обратил на себя внимание своего первого наставника Владимира Григорьевича Зака. Конечно, не тем, что, измученный голодом и холодом блокадного лихолетья, он старался побить как можно больше фигур и пешек соперников и при этом ни за что не отдавать свои, а тем, что, проиграв партию, заливался горькими, безутешными слезами. Уже тогда Зак, разглядев удивительный талант этого редкого самородка, начал терпеливо шлифовать его грани. Благодаря огромному таланту Спасский преодолевал турнирные барьеры с завидной легкостью.

Одно лишь настораживало: слишком уж сухо и осмотрительно действовал за доской юный шахматист. Искусство позиционной игры Зак развил в нем до совершенства, и поэтому там, где победа могла быть достигнута эффектными тактическими средствами, Спасский предпочитал более надежные обходные пути.

Так продолжалось до 1953 года, когда его тренером стал Александр Казимирович Толуш. Только теперь юный мастер понял, как удивителен и прекрасен волшебный мир шахматных комбинаций. Толуш сразу же поставил перед своим учеником самую высокую цель — стать чемпионом мира. Шутка ли, чемпионом мира — ни больше ни меньше!

Первые выступления в новом «амплуа» показали, что наряду с высоким позиционным мастерством Спасский обладает и блестящим комбинационным дарованием. Удачный сплав двух столь необходимых шахматисту качеств позволил 18-летнему ленинградцу завое-

вать титул чемпиона мира среди юношей, а вслед за этим и путевку на соревнование претендентов на мировую корону. Разделив победу с Авербахом и Тайманом в 22-м чемпионате Советского Союза и 3—7-е места с Бронштейном, Геллером, Сабо и Петросяном на турнире претендентов в Амстердаме, молодой гроссмейстер во весь голос заявил о своих высоких, но вполне обоснованных амбициях.

Победы в крупнейших соревнованиях, казалось, падали к его ногам, как созревшие плоды. И в упоении всеобщего восхищения Спасский забыл о наставлениях тренера — о самоконтроле, выдержке, готовности вынести любые удары судьбы. Увы, удары эти не заставили себя долго ждать.

Первый такой удар он получил в Риге. Лидируя на протяжении почти всей дистанции 24-го чемпионата СССР, Спасский, уверовав в свою звезду, расслабился и потерпел на финише несколько поражений, значительно ухудшивших его турнирное положение. Теперь все решала партия последнего тура с Талем. Надо ли говорить, как были напряжены нервы обоих гроссмейстеров? Крепче они оказались у Таля. Добившись подавляющего перевеса, Спасский в самый критический момент дрогнул и, допустив грубую ошибку, потерпел поражение. Так он сам вычеркнул себя из числа соискателей шахматной короны.

Спустя три года ситуация повторилась с той лишь разницей, что «роль Таля» в последнем туре 27-го чемпионата Советского Союза исполнил Штейн, партию с которым Спасский отложил с весьма призрачными шансами на ничью, оставлявшую ему, в свою очередь, зыбкий шанс на участие в очередном межзональном турнире. Появилось даже расхожее утверждение, что Спасский — конкурент лишь до первого поражения. А поэт Евгений Ильин, перефразировав слова известной песни, с горечью писал:

Это же не сказки, это уже быль —
В восемнадцать Спасский претендентом был.
Сердце разрывает горестный куплет:
«В жизни раз бывает восемнадцать лет».

И все же у Спасского хватило мужества и объективности трезво оценить неудачи последних лет. Быть может, он вспомнил мудрые строки из поэзии немецкого барокко:

Да, бой с самим собой есть самый трудный бой,
Победа всех побед — победа над собой!

Как бы то ни было, но он понял, что корни этих неудач следует искать в себе, что прежде всего надо дать бой самому себе. Вот почему ленинградский гроссмейстер не стал хвататься за «спасительную соломинку» и без колебаний сдал партию Штейну. Так была одержана, пожалуй, главная победа — победа над собой.

Теперь Спасскому предстояла еще более трудная битва. И повел его в эту битву Игорь Захарович Бондаревский. Опытный гроссмейстер и педагог прекрасно понимал, что его подопечный — один из сильнейших и, наверное, даже сильнейший шахматист в мире. Значит, нужно доказать это. А чтобы доказать это, надо быть бойцом, рыцарем без страха и упрека, готовым выдержать и превозмочь любые превратности судьбы.

Чтобы вернуть Спасскому былую уверенность, Бондаревский как бы невзначай спросил его: «Как ты думаешь готовиться к очередному межзональному турниру?» — «Межзональному? — удивленно сдвинул брови Спасский.— До него ведь еще будут чемпионат СССР и зональный турнир».— «Ну, в них-то ты наверняка будешь первым, в этом я не сомневаюсь,— небрежно бросил тренер.— А вот в межзональном будет посложнее».

Нехитрый психологический прием сработал безотказно. Видели бы вы, как играл в этих турнирах Спасский! В каждой партии он неистово бился за победу, и заслуженной наградой ему стали блестящие победы в чемпионате СССР и зональном состязании семи советских гроссмейстеров.

Межзональный турнир в Амстердаме ленинградский шахматист начал с поражения от западногерманского гроссмейстера Клауса Дарги. Но это был уже другой Спасский, тот, для которого стартовая неудача — не начало конца, а дополнительный стимул в борьбе за победу. Так оно и произошло. Разделив 1-е место с Ларсеном, Смысловым и Талем, Спасский спустя восемь лет вторично стал одним из претендентов на шахматный престол.

И на следующем этапе ему не было равных, хотя его соперниками в соревновании претендентов были такие асы, как Керес, Геллер и Таль.

Матч Петросян — Спасский вызвал огромный интерес шахматного мира. «Спасский будет, подобно русалке, тащить упирающегося Петросяна в омут не поддающихся абсолютно точному расчету осложнений,— предсказывал мастер Панов.— Во всяком случае, выиграть

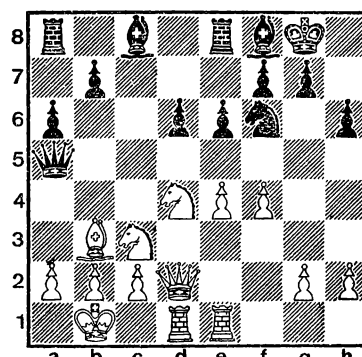
матч у Петросяна можно только так!» И все же Петросяну удалось навязать претенденту свою манеру игры, что и помогло ему удержаться на вершине шахматной пирамиды.

Новый отборочный цикл Спасский провел с присущей ему уверенностью. Повергнув Геллера, Ларсена и Корчного, он вновь бросил перчатку Петросяну. Легкость, с которой Спасский победил столь грозных соперников, производила неизгладимое впечатление. Не случайно, по итогам 1968 года он стал обладателем «Шахматного Оскара» — приза, вручаемого лучшему шахматисту года.

Тем не менее специалисты в своих прогнозах отдавали предпочтение Петросяну. И действительно, в первой партии претендент сначала упустил выигрыш, затем — ничью и в итоге потерпел досадное поражение. Впрочем, внешне он сохранял абсолютную бесстрастность.

Во второй половине матча, когда шансы обоих соперников уравнялись, Спасский получил телеграмму от Эйве, который советовал ему «начать играть в свою игру». И на финише матча шахматный мир увидел настоящую игру Спасского. Особенно восхитила всех его победа в 19-й партии.

— В этой позиции,— расставив фигуры, продолжал Белица,— игравший белыми претендент начал генеральное наступление на королевском фланге. 15. g2—g4! Кf6 : g4 16. Фd2—g2 Кg4—f6 17. Лe1—g1 Сc8—d7 18. f4—f5 Крg8—h8 19. Лd1—f1 Фa5—d8 20. f5 : e6 f7 : e6 21. e4—e5! d6 : e5 22. Кc3—e4 Кf6—h5 23. Фg2—g6! e5 : d4 24. Кe4—g5! Какая блестящая серия из четырех сильнейших ходов! Неудивительно, что черные немедленно сдались. Если 24. ... hg, то 25. Ф : h5+ Крg8 26. Фf7+ Крh8 27. Лf3.

«Эту партию выиграл новый чемпион мира!» — восторженно восклицали очевидцы. И они не ошиблись. Выиграв матч с результатом 12,5 : 10,5, Борис Спасский стал десятым чемпионом мира.

Сразу же после окончания борьбы я преподнес новому чемпиону второе издание моей книги «Гроссмейстеры вблизи», где на 191-й странице в конце очерка о Спасском тут же дописал: «Стал чемпионом мира 17 июня 1969 года». Принимая подарок, Спасский воскликнул: «Вот это оперативность! Даже по радио об этом еще не сообщали, а в книге уже можно прочитать!»

Утвердившись на шахматном престоле, гроссмейстер задал себе вопрос: «А что дальше? Ведь более высокой цели уже быть не может». И здесь Спасский допустил серьезную ошибку. Он решил резко сократить число своих выступлений на всесоюзной и международной аренах, полагая, что «шахматист должен иногда сесть и немного подумать». О чем «думал» три года Спасский, мне неизвестно, но к матчу с Робертом Фишером, буквально сокрушившим всех на своем пути, он подошел совершенно неподготовленным.

Уступив престол Фишеру, Спасский неожиданно заявил, что чувствует себя лучше, нежели три года назад, когда выиграл матч у Петросяна, так как сбросил бремя шахматной короны, давившей на него все это время. И все же блеск и величие шахматной короны взяли свое, и уже вскоре экс-чемпион мира признался, что надеется вновь встретиться с Фишером в следующем цикле борьбы на первенство мира.

Однако все попытки Спасского снова стать претендентом номер один не увенчались успехом. Впрочем, это ничуть не уронило его высокого авторитета в шахматном мире. Как-никак уверенные победы в чемпионате СССР 1973 года, собравшем весь цвет советских шахмат, международных турнирах в Дортмунде, Монтиль-Моралесе, Бугойно, Мюнхене, Бадене, Лондоне, Линаресе и других красноречиво говорят сами за себя. И хотя лучшие шахматные годы Спасского, видимо, уже позади, как знать, может быть, он еще не сказал своего последнего слова?

Рассказчик умолк. Оба великих шахматиста сосредоточенно смотрели на доску. Наконец Филидор, возвратив белых коней на d4 и e4, а черную пешку на e5, проронил:

— Может быть, шансы на защиту давал черным ход 23. Kf4? — И тут же, всплеснув руками, воскликнул: — Нет! В этом случае белые играют 24. Л : f4! и на 24. ef отвечают 25. Kf3! — и угроза 26. Kfg5! неотвратима.

— Вот именно,— кивнул головой Петров.— Вообще эту партию Спасский провел, как настоящий чемпион мира. Приятно, что по отношению к побежденному им Петросяну и победившему его Фишеру он вел себя в высшей степени благородно.

— Да, это характерно для Спасского,— подтвердил Белица.— «Матч века», о котором уже вскользь упоминалось, и состязание на первенство мира Спасский — Фишер ожидались любителями шахмат, как грандиозные праздники. И чтобы не лишить их этих праздников, Спасский накануне «матча века» согласился сыграть с Ларсеном, хотя готовился только к борьбе с Фишером, а в поединке за шахматную корону с Фишером принял многие его условия, которые его самого явно не устраивали.

Или другой пример. Летом 1966 года в городе Санта-Моника состоялся крупный международный турнир на приз известного американского виолончелиста Пятигорского. Главными фаворитами турнира считались Спасский и Фишер. Однако американский гроссмейстер начал соревнование крайне неудачно. Он был угрюм, подавлен и ни с кем не общался. Спасский же, наоборот, уверенно захватив лидерство, пребывал в отличном расположении духа. Казалось, все в порядке — игра идет как по маслу, а у главного конкурента все из рук валится. Но не таков Спасский. Решительно войдя в номер к Фишеру, он застал его безучастно лежавшим в одежде на неубранной постели. «Бобби! — обратился Спасский к молодому американцу.— Чего вы валяетесь в этой духоте? На улице солнце, цветы, красивые девушки! Через час я жду вас внизу». С этими словами он захлопнул дверь. После прогулки Фишер заметно оживился, подтянулся, в глазах появился прежний блеск, а в турнирной таблице — частокол из победных единичек. В итоге он занял 2-е место, а первым финишировал Спасский.

— Это прекрасно! — с чувством воскликнул Филидор.

— И достойно подражания,— удовлетворенно поглаживая бороду, добавил русский мастер.

— В таком случае,— загадочно улыбаясь, промолвил Зноско-Боровский,— послушайте еще одну историю на ту же тему. В конце XIX века в Париже с успехом шла комическая опера Амаде Дротака «Победи Филидора!» — Он мельком взглянул на удивленно вскинувшего брови французского маэстро.— Действие оперы

происходит в кафе «Режанс» в 1777 году,— продолжал историк.— Талантливый музыкант Ришар просит у владельца кафе мосье Будиньо руки его дочери Дори. Тот не возражает, но выдвигает одно условие: чтобы стать супругом Дори, Ришар должен в шахматном поединке победить самого Филидора. Молодой музыкант в отчаянии — ведь это равносильно отказу. Узнав об условии мосье Будиньо, Филидор твердо решил помочь влюбленным и проиграть партию Ришару. Не подозревающий о благородном намерении великого шахматиста Ришар из-за сильного волнения играет так плохо, что Филидору, чтобы не выиграть, все время приходится быть начеку. Но что это? Из соседней комнаты доносятся звуки прекрасной песни. Это Дори, чтобы отвлечь внимание Филидора от партии, поет его песню. Увлекшись музыкой, великий шахматист... объявил несчастному Ришару мат. Влюбленные в отчаянии. И тогда Филидор заявляет владельцу «Режанса», что перейдет играть в другое кафе, если он не выдаст Дори замуж за Ришара. Будиньо ничего не оставалось делать, как тут же согласиться. Так, из основоположников комической оперы наш достопочтенный Филидор неожиданно попал в ее герои.

— Что-то я не припомню за собой таких подвигов,— смеясь, покачал головой маэстро.

— Это не имеет никакого значения. В этой опере вас наделили теми чертами и поступками, которые, безусловно, соответствуют вашему благородному духу,— заключил Петров.

— Уважаемые маэстро,— вновь заговорил Белица.— Я приступаю к очередному рассказу, в котором речь пойдет о самой противоречивой фигуре в истории шахмат.

Глава 32. САМАЯ ДЛИННАЯ РОКИРОВКА

Его имя Роберт Джеймс Фишер. Собственно говоря, история шахмат знает двух Фишеров. Первого, сотворенного падкой на сенсации западной прессой,— кичливого, капризного, больше всего на свете обожающего деньги, дорогие модные костюмы, любящего прихвастнуть тем, что шьет их у портного, услугами которого пользуется сам президент США, хвастливо заявляющего, что победит Ботвинника, даже дав ему фору в два очка, и так далее и тому подобное.

Что ж, оставим образ этого Фишера на совести тех,

кто его создал, а сами обратимся ко второму Фишеру — человеку невероятного таланта, с необычайно сложным, противоречивым характером, не имеющего настоящих друзей и больше всего на свете любящего шахматы. Любовь эта настолько всеобъемлюща, что порой толкает его на необдуманные поступки, и тогда второй Фишер становится очень похожим на первого...

Детство его было нелегким. В 1945 году, когда маленькому Бобби было 2 года, отец оставил семью. Трудно сказать, как сложилась бы его дальнейшая жизнь, если бы старшая сестра Джоан не показала 6-летнему Бобби, как ходят шахматные фигуры. Как завороженный, смотрел он на черно-белые клетки доски. С тех пор шахматы прочно завладели воображением своего маленького поклонника, стали смыслом всей его жизни.

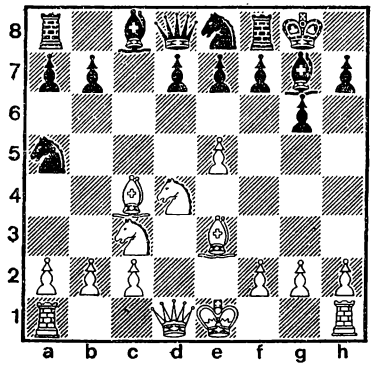
Хрустальной мечтой Бобби был Манхэттенский шахматный клуб. Сколько раз подходил он к его заветным дверям, но, не имея денег на билет, вынужден был в слезах уходить домой. А однажды один из завсегдатаев клуба, увидев у входа плачущего мальчика, сжалился над ним и купил ему входной билет.

«Шустрый малыш», как прозвали его манхэттенские шахматисты, настолько поразил всех своей игрой, что его сразу же приняли в члены клуба, освободив от уплаты членских взносов и разрешив бесплатно пользоваться клубной библиотекой. «Не нужно было особенно разбираться в шахматах, чтобы понять, что этот мальчик очень талантлив и его ждет большое будущее,— писал секретарь Манхэттенского клуба, известный мастер Ганс Кмох.— Я содействовал его приглашению в Розенвальд-турнир, равнозначный чемпионату США... Там он победил чемпионов как клуба „Манхэттен", так и клуба „Маршалл"».

Прошло совсем немного времени, и его имя появилось на страницах американских журналов и газет. В 1956 году 13-летний Фишер стал чемпионом США среди юношей, а спустя год — и среди взрослых, опередив самого Решевского. «Что у вас тут за детский сад? Разве можно настроиться на игру с каким-то юнцом?» — оправдывался раздосадованный Решевский, которому Бобби преподал предметный урок тактики в дебюте.

Белица быстро расставил фигуры.

— Своим последним ходом,— продолжал он,— игравший черными Решевский беспечно перевел коня с f6 на e8, полагая, что его король в полной безопасности.

За короля и в самом деле можно было не беспокоиться. А вот за ферзя... И Фишер тут же ошеломил своего титулованного соперника: 10. Сс4 : f7+! Только теперь Решевский с ужасом увидел, что теряет ферзя. Тем не менее он сыграл: 10. Крg8 : f7. Далее последовало: 11. Кd4—e6! Брать коня королем нельзя из-за мата в 5 ходов: 11. ... Кр : e6 12. Фd5+ Крf5 13. g4+ Кр : g4 14. Лg1+ Крh5 15. Фd1+ Крh4 16. Фg4х. Поэтому пришлось взять коня пешкой 11. d7 : e6. 12. Фd1 : d8, и хотя Решевский продержался до 42-го хода, он мог со спокойной совестью сдать партию на 30 ходов раньше.

Заняв в следующем году 5-е место на межзональном турнире в Порторожe, 15-летний Фишер стал самым юным в мире международным гроссмейстером и претендентом на шахматную корону. Турнир претендентов в Югославии принес ему дележ 5—6-го мест с Глигоричем и репутацию одного из сильнейших шахматистов земного шара.

В последующие три года Фишер трижды становился чемпионом США. Это позволило ему заявить, что в 1963 году он станет чемпионом мира. Блестяще выиграв межзональный турнир в Стокгольме, американский гроссмейстер в соревновании претендентов на острове Кюрасао вынужден был довольствоваться 4-м местом. Вернувшись в США, Фишер объявил в печати, что на Кюрасао он стал жертвой «советского заговора». Именно так расценил он тот факт, что Петросян, Керес и Геллер все 12 партий между собой завершили вничью. «Отныне я никогда не буду играть в турнирах претендентов. Вместо них должны играться матчи»,— резюмировал он. И хотя Международная шахматная федерация пошла навстречу Фишеру, заменив турниры претендентов системами матчей, он тем не менее отказался от новой попытки завоевать титул чемпиона мира.

Спустя еще три года Фишер все же включился в борьбу на межзональном турнире в тунисском городе Сус. С первых же туров Бобби уверенно возглавил тур-

нирную гонку. Однако вскоре начались его конфликты с организаторами. Сначала он жаловался на плохое освещение и требовал передвинуть его столик на более освещенное место. Затем просил оргкомитет изменить регламент, согласно которому он должен был играть четыре дня подряд. Получив отказ, Фишер в знак протеста не явился на партию с Гипслисом, за что ему было засчитано поражение. Заработав второй ноль за неявку на партию с Гортом, Бобби уехал в столицу Туниса, сказав, что выбывает из борьбы. «Мистер Фишер, вы забыли, что представляете здесь великую державу!» — гневно заявила ему американский атташе в Тунисе госпожа Джонсон. «Я представляю здесь Роберта Фишера, и никого больше!» — отчеканивая каждое слово, ответил шахматист, давая понять, что «беседа» окончена. Однако, поостыв и поняв, что нового межзонального турнира придется ждать еще три года, Фишер за полчаса до начала очередного тура позвонил в Сус и попросил перенести его поединок с Ларсеном на два часа позже, то есть ровно на столько, сколько занимает дорога из Туниса в Сус. Когда его просьбу передали Ларсену, тот лишь буркнул: «Часы пущены». Так бесславно выбыл из борьбы один из главных претендентов на мировое первенство.

Прошло еще три года, и шахматный мир вновь с сожалением узнал об отказе Фишера участвовать в чемпионате США, являвшемся одновременно зональным турниром нового отборочного цикла борьбы за мировую корону. Свой отказ Бобби мотивировал тем, что дистанция чемпионата — 11 туров — слишком коротка и повышает вероятность всевозможных случайностей. Он предлагал провести чемпионат в два круга, но это предложение было отвергнуто.

И тогда Фишер вновь хлопнул дверью. И все же шахматная федерация США за кругленькую сумму уговорила Бенко уступить свое межзональное место Фишеру.

С блеском провел Фишер весь отборочный цикл, установив феноменальный рекорд — 20 побед подряд! Эта впечатляющая цифра сложилась из семи единичек в заключительных турах межзонального турнира в Пальма де Мальорке, «сухих» побед с одинаковым счетом 6 : 0 в претендентских матчах с Таймановым и Ларсеном и, наконец, выигрыша первой партии финального матча претендентов с Петросяном, принесшего Фишеру заслуженную победу.

Если раньше спортивная пресса всего мира в красочном, почти детективном жанре смаковала конфликты Фишера с организаторами различных соревнований, в силу чего журналисты и фотокорреспонденты стали его злейшими врагами, то теперь ее тон резко изменился. Особенно после того, как выяснилось, что для более глубокого изучения шахматной литературы он самостоятельно изучил русский, испанский и сербскохорватский языки. А когда американский гроссмейстер с негодованием отверг сверхзаманчивые рекламные предложения самых могущественных фирм, суливших ему многомиллионное состояние, стало окончательно ясно, что не деньги, а шахматы — самая пламенная страсть Фишера. «Я не позволю этим прохвостам наживаться на моем имени!» — гневно восклицал он.

В то же время деньги для Фишера всегда были средством самоутверждения. «Сколько бы ни запросил Мохаммед Али за свои выступления на ринге, я потребую больше!» — любил повторять он. Именно поэтому Фишер настойчиво требовал увеличения призового фонда накануне матча на первенство мира со Спасским в Рейкьявике. И лишь после того как английский миллионер Слейтер выложил на бочку дополнительно 50 тысяч фунтов стерлингов, Фишер согласился играть.

Но если денежные амбиции американского гроссмейстера имели уже известные нам причины, то все другие его номера, накалявшие атмосферу и грозившие сорвать матч, вызывали лишь досаду и сожаление. Впрочем, и этому, кажется, есть свое объяснение. Еще раньше было замечено, что для Фишера весьма характерно чувство стартовой неуверенности, боязни поражения. Но если старт складывался успешно, далее замечательный шахматист был неудержим.

В Рейкьявике этот комплекс Фишера проявился особенно отчетливо, тем более что счет предыдущих встреч со Спасским был для него явно неутешительным — 1 : 4. Фишер не присутствовал на торжественном открытии матча, а затем, проиграв 1-ю партию, не явился на 2-ю, за что, естественно, ему было засчитано поражение. И тут претендент поставил условие: либо 3-я партия будет играться в изолированном от зрителей помещении, либо он покидает Рейкьявик. Получивший без борьбы второе очко Спасский, чувствуя себя морально обязанным уступить, согласился и... проиграл.

Именно первой победы так не хватало Фишеру! И, одержав ее, американец заиграл в свою обычную силу,

целиком переключившись на чисто шахматную борьбу. Правда, «на всякий случай» он регулярно опаздывал к началу партий, требовал убрать первые ряды кресел в зрительном зале, подавал бесчисленные протесты. И переговоривший в этой «войне нервов» Спасский не выдержал и проиграл матч. Нисколько не оправдываясь за поражение, он горько проронил после завершения борьбы: «Я всегда питал особые симпатии к Фишеру и уважал его больше, чем он меня».

Так Роберт Фишер стал одиннадцатым чемпионом мира. Осуждая американского шахматиста за столь некорректное поведение, справедливости ради, следует признать, что в чисто шахматном плане он оказался явно сильнее Спасского.

Став чемпионом мира, Фишер... бесследно исчез. Правда, поначалу кое-какие сведения о нем проникали в печать. То он был гостем президента Филиппин Фердинанда Маркоса и даже сыграл с ним партию, в которой дипломатично предложил своему сопернику ничью. То писали о его сенсационном сеансе одновременной игры в одной из американских... тюрем. Затем стали просачиваться слухи, что Фишер якобы не возражает против матча-реванша со Спасским. Словом, время шло, а о Фишере никто ничего толком не знал.

Правда, он прислал в ФИДЕ меморандум со своими условиями матча на первенство мира, предложив играть до 10 побед одного из участников матча без ограничения числа партий. При счете же 9 : 9, требовал Фишер, он сохраняет свой титул. Условия эти, дававшие чемпиону мира, по существу, фору в два очка, были отвергнуты, и он отказался от матча с Анатолием Карповым.

Чего только не писали о Фишере в последующие годы! И о его связях с религиозной сектой, и о разрыве с ней, и о якобы ведущихся переговорах по поводу матчей с Мекингом, Корчным, Глигоричем, Карповым. Но напрасно шахматный мир ждал возвращения своего «блудного сына». Фишер то хотел играть вне рамок ФИДЕ, то требовал непомерно высокие гонорары, то снова предлагал ранее отвергнутый регламент. Словом, не договорившись с людьми, «отшельник из Пасадены» в конце 70-х годов сыграл три партии с шахматным компьютером и все три выиграл.

Ну а что же дальше? По-видимому, ничего. Ведь со дня самоустранения Фишера прошло уже почти 20 лет. Так что для нашей игры замечательный шахматист без-

возвратно потерян. Но в истории шахмат он, несомненно, оставил неизгладимый след и по праву занял в ней достойное место.

— Но ведь это же безумие! Это творческое самоубийство! Я непременно включу Фишера в свою десятку, и пусть он только попробует отказаться! — с жаром воскликнул Филидор.

— Вам, маэстро, он, конечно же, не посмеет отказать,— улыбнулся Петров.

— Он же обрек себя на забвение! — не унимался французский мастер.

— Увы, это так,— кивнул головой Белица.— Летом 1978 года в одно из нью-йоркских кафе зашел молодой элегантный мужчина. Двое посетителей кафе увлеченно играли в шахматы. Подойдя к их столику и увидев, что один из них не заметил выигрывающего хода, мужчина указал ему на промах. Тот резко оборвал пришельца, который, оправдываясь, неожиданно объявил: «Но я — Бобби Фишер!» Однако оба любителя шахмат даже не удостоили его взглядом. А упустивший выигрыш джентльмен, пожав плечами, холодно произнес: «Ну и что? Я, например, Джек Робинс, а он — Тэд Капелюшник, но мы же не поднимаем из-за этого шума». Вот так. А ведь совсем недавно имя Фишера было символом преуспевающей Америки. Его боготворили как идола, его воспевали как национального героя. Как же быстро Америка забыла своего героя!

— Простите, но я не понял, у кого в конце 70-х годов Фишер выиграл три партии,— смущенно обратился к рассказчику русский мастер.— Думаю, что и мой коллега не совсем уяснил себе это.

— О, да! Я ведь совсем забыл, что оба вы не в курсе научно-технических достижений XX столетия. Столетия, давшего человечеству электричество, телефон, радио, телевидение, позволившего человеку устремиться в космическое пространство и опуститься на океанское дно, использовать колоссальную энергию атомного ядра, увы, не всегда в мирных целях, пересаживать человеческое сердце и возвращать ослепшим зрение, открыть совершенно новые области науки — кибернетику, ядерную физику, электронику и многие другие.

Научно-техническая революция не оставила в стороне и шахматы. Во второй половине нашего столетия были изобретены шахматные компьютеры — специализированные электронно-вычислительные устройства, действующие по определенно составленной шахматной про-

грамме. Таковы, например, советские программы «Каисса», созданная Адельсоном-Вельским, Арлазаровым и Донским, «Пионер», работу над которой на протяжении многих лет ведут Ботвинник и его помощники, американские программы «Чесс-4,6» — детище Дэвида Слейта и Ларри Аткина, «Белль», созданная Кеннетом Томпсоном, «Дачесс» и многие другие. Компьютер «Белль», к примеру, весит всего 60 килограммов, оценивает одну шахматную позицию за семь миллионных долей секунды, то есть перебирает и оценивает за одну минуту 15 миллионов позиций. Увы, когда в 1981 году создатель «Белля» Томпсон прибыл в Москву на выставку шахматных компьютеров, его детища там не оказалось. Министерство торговли США запретило демонстрацию «Белля» в Москве, опасаясь, что русские смогут завладеть секретом компьютера и использовать его в... военных целях. «Эта штука просто играет в шахматы, больше ничего,— сокрушался Томпсон.— Ее можно использовать в военных целях, только швырнув из самолета кому-нибудь на голову, ну, если, конечно, попадешь».

О силе шахматных компьютеров красноречиво говорит тот факт, что «Белль» уже сейчас играет на уровне сильного национального мастера. Недооценка силы шахматного компьютера обошлась международному мастеру из Шотландии Дэвиду Леви в полторы тысячи долларов. Заключив именно на эту сумму пари с одним из ведущих специалистов в области искусственного интеллекта Джоном Маккарти, Леви в 1976 году проиграл программе «Чесс-4,5», которая к тому же обыграла еще дюжину международных мастеров и даже двух гроссмейстеров в шахматном блицтурнире. Леви пытался взять реванш в поединках с программой «Чесс-4,6», но и здесь его ждала неудача.

— И там внутри никто не сидит? — недоверчиво спросил Филидор.

— Конечно, нет,— рассмеялся Белица.— Это же не автомат Кемпеллена.

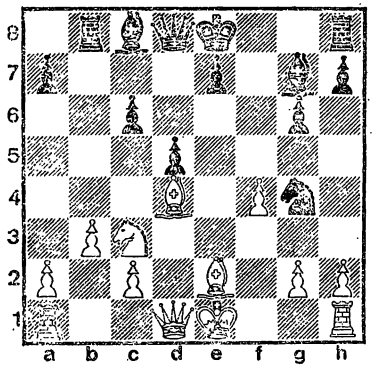
— А будет ли компьютер когда-нибудь играть на равных, а может быть, даже и сильнее гроссмейстеров? — поинтересовался Петров.

— Ботвинник утверждает, что будет,— пожал плечами историк.— Но это будет очень не скоро, и, что самое главное, вряд ли когда-нибудь компьютер заиграет в силу таких гроссмейстеров, как Ласкер, Капабланка или сам Ботвинник,— ведь человеческая интуиция неподвластна никакой машине. Именно поэтому Фишер

так легко расправился со своим электронным соперником.

— А нельзя ли взглянуть на одну из партий Фишера с компьютером? — все еще сомневаясь, спросил Филидор.

— Почему же нет, пожалуйста! — воскликнул Белица.— Взгляните на эту позицию,— продолжил он.— Игравший черными Фишер энергичным ходом 14. e7—e5! вскрыл линию «f», лишив белых рокировки.

Далее последовало: 15. f4 : e5 0—0! 16. Ce2 : g4 Фd8—h4+ 17. g2—g3 Фh4 : g4 18. Фd1 : g4 Cc8 : g4 19. Лh1—f1 Лf8 : f1 20. Крe1 : f1 c6—c5! 21. Cd4—f2 Cg7 : e5 22. Cf2—e1 Лb8—f8+ 23. Крf1—g2 Лf8—f3 24. h2—h3 Лf3 : c3 25. Ce1 : c3 Ce5 : c3 26. Лa1—f1 Cg4—f5, и вскоре электронный соперник Фишера потерпел поражение.

Заканчивая эту тему, хочу сказать, что раз в три года между компьютерами проводятся мировые чемпионаты. Первый такой турнир в 1974 году в Стокгольме выиграла «Каисса», опередившая 12 своих собратьев, второй в Торонто — «Чесс-4,6», следующий в Австрии — «Белль», четвертый в Нью-Йорке — «Крейблиц» и так далее.

— Наряду с крупными стационарными существует великое множество малогабаритных переносных микрокомпьютеров различных фирм — «Фиделити», «Мефисто», «Атари» и многие другие,— вставил Нейштадт.— А теперь я расскажу вам о первом обладателе «Шахматного Оскара» — датском гроссмейстере Ларсене.

Глава 33. ПРИНЦ, НЕ СТАВШИЙ КОРОЛЕМ

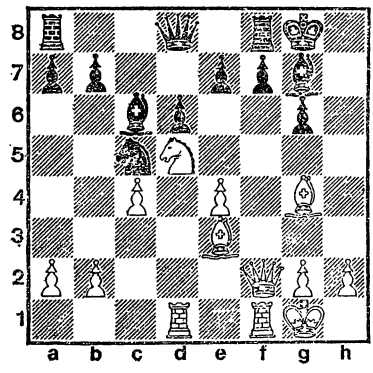
Журналисты давно уже величают Бента Ларсена «принцем датским», подчеркивая этим не только его высокий авторитет в шахматном мире, но и сходство со знаменитым шекспировским героем — те же одержимость, бескомпромиссность, уверенность в своих силах, своей правоте.

Конечно, все эти качества пришли к Ларсену не сразу. Да и с шахматами он познакомился совершенно случайно. В детстве Бент часто болел и, чтобы как-то скрасить длительное пребывание в постели, научился играть в шахматы. Со временем все болезни прошли, за исключением одной — шахмат.

В 1950 году 15-летний Бент стал чемпионом города Хольстебро среди взрослых, а четыре года спустя — сильнейшим шахматистом Дании. В 1954 году Ларсен возглавил сборную Дании на шахматной олимпиаде в Голландии и, набрав на первой доске 13,5 очка из 19, удостоился звания международного мастера.

Особое место в жизни талантливого шахматиста заняла Москва. Именно здесь на 12-й шахматной олимпиаде 21-летний датчанин, показав лучший результат на первой доске — 14 очков из 18, помог своей команде пробиться в главный финал, за что заслуженно был возведен в гроссмейстерский сан.

Наиболее ярких успехов Ларсен добился в конце 60-х — начале 70-х годов. Именно в этот период датский гроссмейстер завоевал славу одного из сильнейших шахматистов земного шара, став в 1967 году первым обладателем «Шахматного Оскара», а спустя три года возглавил команду избранных шахматистов мира в матче со сборной СССР. А чего стоит третий приз Ларсена (позади двух будущих чемпионов мира — Спасского и Фишера) в 1966 году в двухкруговом турнире в Санта-Монике, собравшем блестящий гроссмейстерский состав во главе с чемпионом мира Тиграном Петросяном, у которого датчанин в отличном стиле выиграл обе партии! Одна из них — подлинный шедевр шахматного искусства. Впрочем, судите сами! В этой партии игравший белыми Ларсен был подобен виртуозу-дирижеру, с удивительным вдохновением исполнившему гениальную симфонию. 20. e4—e5!! «Самый красивый ход в партии»,— писал позже сам Ларсен. Далее последовало: 20. ... Cg7 : e5 21. Ф f2—h4 Cc6 : d5 22. Лd1 : d5 Кc5—e6? (После партии Петросян сказал, что ему следовало играть 22. Ke4, хотя и после

этого хода огромное позиционное преимущество белых несомненно.) 23. Лf1—f3! Се5—f6? Только теперь Петросян увидел, что́ его ожидает на 25-м ходу. 24. Фh4—h6 Сf6—g7 25. Фh6 : g6!! Ке6—f4. (Не спасает черных и 25. Кс7 ввиду мата в три хода посредством новой жертвы ферзя. 26. Ф : g7+!! Кр : g7 27. Лg5+ Крh6 28. Лh3х.) 26. Лf3 : f4 f7 : g6 27. Сg4—e6+ Лf8—f7 28. Лf4 : f7 Крg8—h8 29. Лd5—g5! b7—b5 30. Лg5—g3, и черные сдались.

Исключительные успехи датского гроссмейстера на рубеже 60—70-х годов во всем величии поставили перед ним гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?» Сам он на этот вопрос ответил более чем утвердительно, заявив в 1970 году: «Матч с чемпионом мира буду играть я! Если бы я не был убежден в своем успехе в состязаниях с другими претендентами, то не вступил бы в борьбу». Однако, победив в четвертьфинальном поединке Ульмана, в полуфинале Ларсен потерпел сокрушительное поражение от Фишера — 0 : 6, которое оставило глубокий след в его легкоранимой душе. Впрочем, не только в его. После поражений от Фишера так и не обрели своей былой формы Тайманов, Петросян, Спасский...

Однажды Ларсена без обиняков спросили: «Что мешает вам стать чемпионом мира?» — «Только то,— с присущей ему искренностью ответил знаменитый гроссмейстер,— что на свете есть 5—6 шахматистов, играющих сильнее меня. Конечно, я еще не потерял шансов изменить это соотношение сил, но похоже, что надо торопиться».

Однако фортуна явно отвернулась от него. После двух неудачных попыток пробиться в ряды претендентов на шахматную корону Ларсен, выступая по датскому телевидению, не без грусти заметил: «Легче всего мне играется в турнирах, не имеющих отборочного значения, где можно не думать об очках и... набирать очки в свое удовольствие. Жаль только, что такие турниры не имеют... отборочного значения!»

Таков Бент Ларсен — первый обладатель «Шахматного Оскара» и еще около сотни всевозможных призов и наград.

— По-моему, вознаграждения за высокое шахматное искусство появились одновременно с самой игрой,— заметил Филидор.— Достаточно вспомнить историю соперничества Леонардо из Кутри и Рюи Лопеса в 1575 году в Мадриде, которым испанский король Филипп II объявил, что победителя ожидает награда в тысячу

скуди. Я позволю себе напомнить некоторые подробности их борьбы. В первой партии Леонардо показал высочайшее искусство игры, однако, когда ему лишь осталось объявить сопернику красивый мат в семь ходов, он допустил ошибку и проиграл. Со словами: «Все ясно» — король встал, чтобы удалиться, но Леонардо в отчаянии упал перед ним на колени: «Ваше величество, я проиграл потому, что в первый раз нахожусь в присутствии великого монарха. Если я не выиграю у Лопеса три партии кряду, велите выгнать меня вон как наглого хвастуна!» Король уступил, и борьба продолжалась. Леонардо сдержал свое слово и выиграл у Лопеса три партии подряд. Изумленный король вручил победителю тысячу скуди, дорогой бриллиант и спросил, не желает ли он еще чего-нибудь. Склонившись перед всесильным монархом, Леонардо попросил освободить хотя бы на год его родной город от податей, и Филипп II тут же издал указ об освобождении Кутри от податей на 20 лет. Вот это награда!

— Конечно, возможности организаторов шахматных соревнований не идут ни в какое сравнение с королевскими,— спокойно ответил русский мастер.— Так, победитель лондонских турниров 1851 и 1862 годов великий Андерсен получил в качестве главных призов соответственно 200 и 100 фунтов стерлингов, а занявший 6-е место в турнире 1862 года Стейниц удостоился награды, смешно сказать, в размере... пяти фунтов стерлингов.

— С тех пор много воды утекло,— заметил Нейштадт.— Теперь, во многом благодаря усилиям Фишера, участники международных турниров получают весьма ощутимые денежные призы. Достаточно вспомнить, что призовой фонд ожидавшегося с таким интересом поединка Фишера с Карповым мог достигнуть фантастической суммы в пять миллионов долларов, если бы этот матч состоялся на Филиппинах.

— Кроме того, существует и немало неденежных призов,— подхватил Белица.— Наиболее отличившимся шахматистам вручают какой-нибудь сувенир — книгу, хрустальную вазу, кубок, статуэтку и тому подобное. В этой связи вспоминается такой эпизод.

Однажды венгерский гроссмейстер Гедеон Барца, возвращаясь домой с международного турнира, проходил таможенный досмотр на французской границе. Внимание очаровательной сотрудницы таможни привлекла изящная статуэтка из мрамора. Внимательно осмотрев

статуэтку, она вопросительно посмотрела на ее обладателя. «Это мой приз за красоту»,— спокойно ответил поседевший в шахматных сражениях ветеран на безмолвный вопрос инспектора. Девушка с иронией взглянула на гроссмейстера и, возвращая статуэтку, пробормотала: «Представляю, как выглядели остальные...»

Последние слова рассказчика потонули в дружном хохоте.

— А что из себя представляет «Шахматный Оскар»? — все еще смеясь, спросил Филидор.

— «Шахматный Оскар»? — переспросил Белица.— Вообще-то название этого приза позаимствовано у кинематографистов, лучшим представителям которых ежегодно вручают статуэтку, изображающую мужчину. Какого именно, я затрудняюсь сказать.

Однажды, когда эта статуэтка была выставлена в зале Американской академии художеств, она попалась на глаза какой-то знаменитой актрисе. «Боже, как он похож на моего дядюшку Оскара!» — кокетливо воскликнула кинозвезда, вызвав смех и аплодисменты окружающих. С тех пор это название прочно закрепилось за высшей наградой киноискусства.

А вскоре не желавшие отставать от веяний времени шахматисты учредили своего «Оскара». Сначала это была статуэтка, изображавшая испанского крестьянина, затем — медвежонка, взбирающегося на большое дерево, а в последнее десятилетие — женщину с зонтиком, символ испанского города Барселоны. С тех пор спортивные журналисты, пишущие на шахматные темы, ежегодно голосованием определяют лучшего шахматиста, которому и вручается этот приз.

Как вы уже знаете, в 1967 году первым обладателем его стал Бент Ларсен, в 1968 и 1969 годах — Борис Спасский, в последующие три года — Роберт Фишер. А затем «Шахматным Оскаром» надолго завладел Анатолий Карпов. Девять раз признавали его сильнейшим шахматистом года. В 1978 году почетный приз был вручен Виктору Корчному, а в 80-х годах «Оскар» чаще всего вручался бакинскому гроссмейстеру Гарри Каспарову.

А вот если бы «Шахматный Оскар» присуждался лучшему шахматисту всех времен, то его, по мнению Бента Ларсена, следовало бы вручить маэстро Филидору, который был не только сильнейшим шахматистом своего времени, но и опередил остальных ведущих мастеров, своих современников, на целое столетие.

— Браво, маэстро! — восторженно зааплодировали обитатели беседки.

— Мой следующий рассказ,— невозмутимо изрек Белица,— о венгерском гроссмейстере Лайоше Портише.

Глава 34. «БОТВИННИК» ИЗ ВЕНГРИИ

Первым учителем Лайоша Портиша был Антал Чути, который, став после несчастного случая инвалидом, решил учить ребятишек шахматам. Любимыми дебютами «дяди Чути», как любовно называли его мальчишки, были гамбиты, которыми он заразил и своих учеников. Юные шахматисты быстро постигали премудрости древней игры. Особенно выделялся среди них скромный, даже застенчивый Лайош, ему дядя Чути прочил большое будущее.

Первые успехи пришли к Портишу в 1952 году, когда он неожиданно выиграл один из отборочных турниров чемпионата Венгрии. Победа, однако, не вскружила голову серьезному не по годам юноше. Скорее, наоборот — заставила его критически отнестись к своей игре, беспощадно выискивать в ней недостатки.

Именно в эти годы он понял главное: настоящим мастером можно стать только в результате повседневной кропотливой работы. Такой подход не мог не дать добрых всходов. В 1955 году Портиш впервые завоевал право играть в финале чемпионата Венгрии, по итогам которого ему было присвоено звание национального мастера.

В те годы сильнейшими шахматистами Венгрии по праву считались международные гроссмейстеры Ласло Сабо и Гедеон Барца. Именно они регулярно побеждали в национальных первенствах, возглавляли команду Венгрии на шахматных олимпиадах. И когда в 1958 году стартовал очередной чемпионат страны, специалисты единодушно предсказывали победу Барце (Сабо в этом первенстве не участвовал). Однако вопреки всем прогнозам 21-летний Портиш, уверенно захватив лидерство, не уступил его никому и впервые завоевал звание чемпиона.

С особым интересом любители шахмат Венгрии следили за чемпионатом страны 1959 года, который Сабо и Барца рассматривали как генеральный бой с дерзким юнцом. Когда дым этого боя рассеялся, выяснилось, что все трое финишировали с одинаковым результатом. Но

в дополнительном матче-турнире Портиш вновь доказал свое превосходство, после чего оба знаменитых гроссмейстера наконец воздали должное молодому шахматисту.

Имя Портиша становится широко известным в шахматном мире. В 1961 году Международная шахматная федерация по достоинству оценила силу венгерского шахматиста, присвоив ему звание международного гроссмейстера.

Вскоре он предпринял попытку включиться в борьбу за мировую шахматную корону. Увы, как это нередко бывает, первый «межзональный блин» вышел у него комом. Портиш после неудачного выступления в межзональном турнире 1962 года призвал соотечественников запастись терпением, заверив, что недалеко то время, когда он сможет с успехом играть даже против сильнейших шахматистов мира.

И он сдержал свое слово. Его уверенные победы в крупнейших соревнованиях следуют одна за другой — Мадрид, Сараево, Халле, Амстердам, Бевервийк, Мардель-Плата, Скопле, Монако... Впрочем, стоит ли продолжать этот длинный перечень? Достаточно сказать, что организаторы самых крупных турниров почитали за честь участие в них Лайоша Портиша.

Портиш «образца 60-х годов» — это шахматист, любящий глубокие построения, которые основаны на точных теоретических познаниях, опирающихся на собственные исследования и анализы. При этом он, как правило, отдает предпочтение систематичному и логичному развитию событий. Именно за эти качества шахматная пресса окрестила его «венгерским Ботвинником».

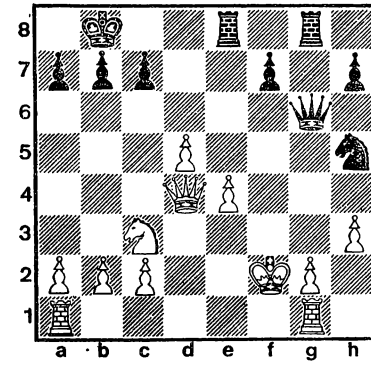
В середине 60-х годов Портиша вместе с Ларсеном и Фишером называют сильнейшим шахматным трио за пределами СССР. Однако так же, как и Ларсену, борьба за мировое первенство не принесла пока венгерскому гроссмейстеру полного удовлетворения. Успешно преодолевая межзональные барьеры, в соревнованиях претендентов он, как правило, оступался в двух-трех шагах от шахматного трона.

Давно уже покинул шахматную арену Фишер, выбыл из борьбы за шахматную корону не оставляющий честолюбивых надежд Ларсен, а Портиш по-прежнему один из сильнейших и притом постоянно совершенствующихся гроссмейстеров мира. Портиш «образца 80-х годов» — пример того, что может достичь большой спортсмен при исключительно самокритичном отношении к

своим возможностям. Теоретический бум, порожденный обилием информации, уменьшил силу любимого оружия венгерского гроссмейстера — домашних дебютных заготовок. Прошли те времена, когда можно было легко изловить соперника на дебютных ходах. Портиш сумел перестроиться, приспособиться к новой обстановке. Не удалось получить дебютного перевеса — он играет дальше и многие партии склоняет в свою пользу в глубоком эндшпиле, после упорной и напряженной миттельшпильной борьбы.

Годы налагают отпечаток на игру шахматных мастеров, которые с возрастом все более и более тяготеют к позиционным действиям. Портиш же, наоборот, приближаясь к своему 50-летнему рубежу, вдруг заиграл с каким-то юношеским задором, с радостью окунувшись в бурное море тактических осложнений. Впрочем, такое с ним случалось и раньше, когда «венгерский Ботвинник» вдруг превращался в «венгерского Таля». Например, в 1975 году на турнире в Югославии, когда он в отличном стиле разгромил югославского мастера Барле.

В этой позиции игравший черными Портиш уже на 9-м ходу пожертвовал пешку, затем еще одну, добившись подавляющего позиционного перевеса. Далее последовало: 22. ... Kh5—g3! 23. Ла1—e1 Kg3—f5! Коня черных нельзя брать из-за мата в два хода. 24. Фd4—d3 Фg6—b6+. Смертельный шах! 25. Крf2—e2 Лg8—g3. 26. Фd3—c4 Фb6—e3+ 27. Кре2—d1. И здесь Портиш завершает эту великолепную партию очевидной, но весьма эффектной жертвой ферзя. 27. Фе3 : g1! Белые сдались, так как после 28. Л : g1 следует вилка 28. Ке3+.

Более 25 лет штурмует Лайош Портиш шахматную вершину. Думаю, что и впредь венгерский гроссмейстер, ежедневно отдающий любимому искусству по 8—10 часов, не откажется от попыток достичь этой высокой цели. Во всяком случае, отвечая на вопрос, надеется ли он сыграть матч на первенство мира, он решительно за-

явил: «Иначе не следовало бы столько лет мучиться в отборочных соревнованиях. Но в любом случае я доволен своей судьбой: жизнь гроссмейстера трудная и интересная!»

— Жаль, что этот выдающийся шахматный труженик так и не добился поставленной цели,— проронил Петров.

— Но ведь Портиш, как вы только что слышали, не оставил еще честолюбивых надежд,— откликнулся французский маэстро.

— Все это так,— согласился первый шахматный мастер России,— но ведь Портиш уже вступил в шестой десяток и...

— ...И именно на этом возрастном рубеже Стейниц впервые был провозглашен чемпионом мира,— воскликнул Филидор.— Более того, свой высокий титул он успешно защитил в 56 лет, а последнюю попытку вернуть себе шахматную корону предпринял даже в 60 лет.

— Ну, это же было очень давно,— развел руками Петров.— Из всех предыдущих рассказов можно сделать вывод, что в последние десятилетия возраст покорителей шахматного олимпа неуклонно уменьшался. Кроме того, в единоборствах за шахматную корону верх, как правило, брали более молодые.

— Вы правы,— вздохнул Филидор.— И все же я считаю, что нет шахматистов молодых и старых, а есть только шахматисты сильные и слабые. Что же касается Портиша, то он заслужил не только имя Ботвинника, но и чуточку его чемпионского титула,— засмеялся он.

— С этим трудно спорить,— улыбнулся Нейштадт,— а посему продолжим знакомство с лучшими представителями нашей замечательной игры.

Глава 35. НЕГРАМОТНЫЙ ДОКТОР ФИЛОСОФИИ

— Бобби явно повезло!

— В чем?

— В том, что в первом туре он играет с каким-то новичком — не то Хютнером, не то Хюбнером...

Так или примерно так рассуждали любители шахмат перед началом межзонального турнира 1970 года.

Мог ли тогда кто-нибудь предположить, что этот самый «не то Хютнер, не то Хюбнер» опередит 14 сильнейших гроссмейстеров и 6 мастеров и, разделив с Геллером и Ларсеном 2—4-е места, обеспечит себе один из

претендентских мандатов и звание международного гроссмейстера.

Когда эта сенсационная новость стала достоянием мировой прессы, выяснилось, что в архивах нет ни фотографий новоиспеченного гроссмейстера, ни его биографических данных.

А данные эти заслуживают внимания. В 10 лет Хюбнер — уже равноправный член Кельнского шахматного клуба. Там по достоинству оценили редкие способности мальчика, включив его в сборную команду клуба. Четыре года понадобилось юному шахматисту, чтобы стать чемпионом Кельна, а затем еще столько же для победы в чемпионате ФРГ.

В 1968 году, незадолго до своего 20-летия, Хюбнер выступил в международном турнире в Бюзуме, собравшем исключительно сильный состав. Казалось, и место в середине таблицы впору считать за благо для молодого шахматиста. Каково же было изумление шахматного мира, когда новичок, хладнокровно повергая носителей высших званий, прошел всю дистанцию без поражений и безоговорочно утвердился на 1-м месте. За это достижение Роберту Хюбнеру было присвоено звание международного мастера.

Самое удивительное, что все эти и последующие успехи достигнуты человеком, для которого шахматы отнюдь не профессия, а лишь любимое увлечение.

Окончив Кельнский университет, Роберт Хюбнер посвятил себя расшифровке древнеегипетских папирусов (главным образом эпохи Птолемеев). Этот молчаливый, замкнутый человек, несмотря на молодость, является профессором, доктором философских наук и обладает весьма разносторонним интеллектом: он свободно владеет кроме родного немецкого латинским, древнегреческим, английским, французским, голландским и итальянским языками, немного говорит по-фински и по-испански. Им написаны работы о творчестве австрийского писателя Франца Кафки и немецкого поэта и драматурга XVIII века Андреаса Грипиуса. При этом загадочный гроссмейстер держится скромно, приветливо, но никого не впускает в свой внутренний мир.

Первый претендентский матч с Тиграном Петросяном в Севилье Хюбнер начал без всякой робости перед именитым соперником. Первые шесть партий завершились вничью, а в седьмой экс-чемпион мира все же добился победы. Казалось, именно теперь борьба за выход в полуфинал должна была разгореться с особой

силой. Увы, западногерманский гроссмейстер неожиданно... сдал матч. Причина такого решения — чрезвычайная впечатлительность Хюбнера, его повышенная восприимчивость к неудачам.

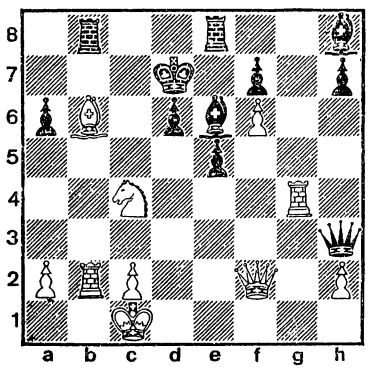
В 1979 году, вновь пробившись в ряды претендентов на шахматную корону, Хюбнер заявил, что не хочет более скрывать своего стремления стать чемпионом мира, после чего намерен создать капитальный труд о социологии шахмат и психологии шахматной борьбы. С этой целью он даже оставил науку, полностью переключившись на шахматы.

Подготовку к претендентским матчам 1980 года Хюбнер провел с небывалой тщательностью, и помогали ему в этом известные гроссмейстеры Ларсен, Горт и Сигурьонссон.

Победив Адорьяна, Хюбнер явно доминировал и в поединке с более грозным Портишем. В этом состязании он не только продемонстрировал высокое искусство защиты и позиционной игры, но и проявил себя незаурядным тактиком, что красноречиво доказывает ряд его превосходных партий, и в первую очередь девятая.

Быстро расставив фигуры, рассказчик продолжал:

— У черных, которыми играл Портиш, лишняя пешка. Однако белых это не смущает. 31. Кс4 : e5+! Эффектная жертва коня! 31. ... d6 : e5 32. Лg4—d4+! Новая жертва фигуры! Брать ладью нельзя из-за мата в три хода (если 32. ... ed, то 33. Ф : d4+ Крс6 34. Фс5+ Крd7 35. Фс7х). Поэтому последовало 32. ... Се6—d5 33. Лd4 : d5+ Крd7—e6 34. Лd5—c5 Фh3—h6+ 35. Крc1—b1 Фh6—f4 36. Лc5—c6+ Крe6—f5 37. Фf2—e2 h7—h6 38. Лb2—b3 Крf5—g6 39. Лb3—f3 Фf4—d4 40. Лf3—b3 Фd4—d5. Черные отложили партию, а затем сдали ее, не приступая к доигрыванию.

Теперь предстоял финальный матч с Виктором Корчным. Подводя итоги подготовки Хюбнера к этому поединку, Горт заявил журналистам, что неуверенность в себе, свойственная Роберту как человеку, ранее мешавшая ему в полной мере проявлять свое выдающееся

шахматное дарование, наконец преодолена. Однако досадная ошибка в 7-й партии выбила Хюбнера из колеи. Эта неудача настолько расстроила его, что вскоре он отказался от доигрывания отложенных 9-й и 10-й партий и сдал матч.

И все же, как участник финального матча, Хюбнер сохранил претендентские полномочия в следующем отборочном цикле. Первым соперником западногерманского гроссмейстера жребий назвал экс-чемпиона мира Василия Смыслова. К этому поединку Хюбнер подготовил новые дебютные идеи, тактические замыслы, стратегические концепции. Игра его заметно усилилась, да и сам он стал значительно устойчивее в чисто психологическом плане. Однажды журналисты окружили Хюбнера, и он вынужден был ответить на их вопросы, первым из которых был следующий: «Как вы оцениваете соотношение сил в своем предстоящем матче со Смысловым?» Гроссмейстер остался верен себе и ответил: «Одно из многочисленных преимуществ Смыслова передо мной состоит в том, что он в гораздо большей степени гарантирован от внезапных атак со стороны представителей вашей профессии!»

Экс-чемпион мира прекрасно понимал, что и его ждет нелегкое испытание. «Сила Хюбнера,— говорил он,— и в тактическом даровании, и в прекрасно развитом чувстве опасности. Выиграть у него партию — дело нелегкое...»

Матч в австрийском городке Фельдене прошел в исключительно острой борьбе и завершился вничью — 5:5. Не выявили победителя и четыре дополнительные партии. И тогда в соответствии с условиями борьбы был брошен жребий, причем участь соперников решала рулетка. Красный цвет и нечет выводили в полуфинал Смыслова, черный и чет — Хюбнера. Нервы западногерманского гроссмейстера не выдержали, и он уехал домой. Смыслов же мужественно наблюдал за причудливым движением бесстрастного шарика. Сначала шарик остановился в самом редком для себя положении — «зеро», а после второго запуска — на цифре 3. Возвращаясь в Москву, в одном из отелей Вены Смыслов вдруг услышал за спиной: «Это тот самый Смыслов, который обыграл Хюбнера в рулетку!»

Так талантливый гроссмейстер из ФРГ вновь выбыл из борьбы за мировую шахматную корону. Дважды он сдавал претендентские матчи, а в третий раз участь его решила рулетка. Может быть, поэтому Хюбнер решил

не искушать судьбу и в двух следующих отборочных циклах отказался от борьбы еще на межзональном этапе.

— В том, что Хюбнер не стал чемпионом мира, особой трагедии нет,— после некоторой паузы промолвил Петров.— Да и характер у него явно не чемпионский. Разве настоящий боец может отказаться от борьбы?

— Надеюсь, Ласкера вы считаете настоящим бойцом? Но ведь и он сдал матч Капабланке,— пожал плечами Филидор.

— Ласкер поступил так по настоянию врачей, а Хюбнер — потому, что не верил в свои силы,— ответил русский мастер.— А капитуляцией, как известно, не было спасено еще ни одно состязание.

— Тем не менее Хюбнер — шахматист выдающийся. Это легко угадывается не только по партии с Портишем, но и по его подходу к игре, общей культуре,— заключил Филидор.

— Это другое дело,— согласился Петров.— Но одного этого явно мало, чтобы стать чемпионом мира.

— Уважаемые маэстро, оба вы совершенно правы,— рассудил Белица.— Хюбнер действительно выдающийся шахматист с явно повышенной чувствительностью к неудачам. Кроме того, Хюбнер — большой оригинал. В самом деле, кто еще додумался бы под заполненной анкетой вместо подписи поставить четыре крестика. Но именно так поступил Хюбнер, заполнив анкету шахматного клуба швейцарского города Люцерна. «Три крестика вместо подписи в ФРГ ставят неграмотные,— объяснил он в приложении к анкете.— Я же, хотя имею университетский диплом и даже ученую степень доктора философии, а также владею в разной степени несколькими языками, не могу тем не менее понять событий, происходящих в современном мире, и вынужден поэтому отнести себя к категории неграмотных. Что же касается четвертого крестика, то он означает, что я не просто неграмотный, а неграмотный доктор философии».

Многое еще можно было бы рассказать о Хюбнере. Пожелаем замечательному гроссмейстеру успешно разрешить все свои проблемы, а я перехожу к очередному повествованию.

Глава 36. ШАХМАТНАЯ НАДЕЖДА ГОЛЛАНДИИ

Когда в 1974 году один из журналистов спросил Эйве, с кем любители шахмат Голландии связывают свои главные надежды в борьбе за мировую шахматную корону, экс-чемпион мира тут же назвал имя Яна Тимана.

Ян Тимман родился в 1951 году в Амстердаме. С детских лет увлекся он шашками, которые очень популярны в Голландии. А когда старший брат познакомил его с шахматами, Ян понял, что этой игре он не изменит до конца жизни.

«Долгое время шашки давали о себе знать — я упорно ставил шахматные фигуры только на черные поля»,— смеясь, говорил Тимман. К 16 годам в его активе уверенные победы в юношеских чемпионатах Гааги и Голландии, а также 3-е место в юношеском первенстве мира. В 1971 году Тимман выпустил свою первую книгу «Искусство шахматного анализа», а спустя год — книгу о матче на первенство мира в Рейкьявике.

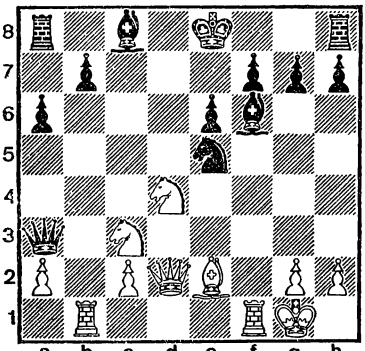
Прогресс молодого шахматиста в эти годы столь стремителен, что уже в 1974 году после впечатляющих выступлений в Лондоне, Стокгольме и Гастингсе ему было присвоено звание международного гроссмейстера. С этого момента Тимман стал еще серьезнее относиться к игре, особенно при подготовке к ответственным соревнованиям.

«Я — профессиональный шахматист, и этого мне достаточно»,— не раз заявлял он в беседах с журналистами. Михаил Ботвинник считал своей нормой 50 турнирных партий в год, Анатолий Карпов — 70—80. Тимман же ежегодно играет около 120 партий, то есть в среднем участвует в 10 турнирах с высоким рейтингом. При таком ритме дебютные новшества осваиваются им на ходу — в процессе борьбы или в коротких паузах между соревнованиями. Естественно, что некоторые теоретические рекомендации остаются вне поля его зрения, а это значит, что за доской ему приходится проявлять максимум изобретательности и уповать на свою высокую технику позиционной игры и великолепную тактическую зоркость. Именно эти качества позволили Тимману добиться ярких побед в Сомборе, Рейкьявике, Амстердаме, Вейк-ан-Зее, Мар-дель-Плате, Бугойно...

Отдельные неудачи голландского гроссмейстера журналисты объясняют тем, что он слишком любит «маленькие радости жизни». Сам же Тимман главную при-

чину редких своих неудач видит в другом. «Главная причина заключается в том, что у меня слишком капризное воображение,— заявил он в одном из интервью.— Для того чтобы играть в полную силу, мне необходимо вообразить, что партнер, по меньшей мере, не слабее меня, а это далеко не всегда удается». Сказанное хорошо проиллюстрировал исключительный по составу турнир в Линаресе, где Тимман, потерпев на старте три поражения, причем два из них от заведомых аутсайдеров, одержал затем ряд впечатляющих побед, в том числе над одним из призеров — югославским гроссмейстером Любомиром Любоевичем.

В сицилианской защите игравший белыми Тимман полностью переиграл соперника,— расставив позицию, продолжал Белица,— и, пожертвовав две пешки, получил многообещающую позицию. 15. Лf1 : f6! Блестящая жертва качества! 15. ... g7 : f6 16. Кc3—e4 Кe5—d7 17. Лb1—b3 Фa3 : a2. У черных уже лишние три пешки и качество, но белые неудержимы. 18. Кe4—d6+ Крe8—f8 19. Фd2—c3 Крf8—g7 (грозило 20. К : c8) 20. Кd6—f5+! Новая жертва фигуры! 20. e6 : f5 21. Кd4 : f5+ Крg7—g6 22. Фc3—h3, и черные сдались, так как от мата (Лb3—g3х) защиты нет. Не спасает и отчаянное 22. Ф : b3 ввиду 23. Ch5+ Крg5 24. Фg4х.

В 1981 году, выиграв в шестой раз чемпионат Голландии (а рекорд здесь принадлежит Эйве, становившемуся чемпионом страны 14 раз), Тимман заявил, что он надеется стать претендентом на шахматный трон в следующем отборочном цикле.

Увы, после межзонального турнира 1982 года в Лас-Пальмасе, где Тимман разделил 6—7-е места с Ларсеном, честолюбивые планы пришлось отложить по крайней мере на три года. Зато новая межзональная попытка в мексиканском городе Таско принесла наконец долгожданный успех. Голландский гроссмейстер уверенно занял 1-е место, опередив на два очка самого Таля. И хотя на следующем этапе уступил победу Артуру Юсупову, Ян Тимман сделал главное — освоил не-

легкий путь в ряды претендентов на мировую шахматную корону.

— Мне, конечно, трудно судить о современных шахматистах, но все же думаю, что, кочуя с турнира на турнир, стать чемпионом мира невозможно,— неуверенно промолвил Петров.

— А разве Стейниц, Ласкер, Капабланка, Алехин и Эйве не доказали обратное? — живо возразил Филидор.

— Увы, мой дорогой маэстро, нет,— улыбнулся первый шахматный мастер России.— Из многих рассказов наших уважаемых историков я понял, что современная шахматная теория настолько обогатилась, настолько далеко ушла вперед, что сегодня названным вами корифеям прошлого, чтобы стать сильнейшими в мире, пришлось бы изрядно потрудиться в кабинетной тиши.

— Чтобы изучить все современные дебютные системы, не так ли? — спросил французский маэстро.

— Не только,— спокойно ответил Петров.— Ведь для того, чтобы добиться сегодня наивысших успехов, недостаточно лишь изучить шахматную теорию. Главное — самым тщательным образом исследовать многие из этих систем, найти в них новые, никем не изведанные пути. Я убежден, что исследовательское направление в шахматах гарантирует гораздо более высокие результаты, нежели частые выступления в соревнованиях, пусть даже самого высокого ранга. Ведь именно с этого начал свой путь к шахматному престолу великий Стейниц.

— Другими словами, вы хотите сказать, что частые выступления в турнирах не оставляют Яну Тимману времени для исследовательской работы, в силу чего его шансы в борьбе за мировое первенство не очень высоки,— разочарованно резюмировал Филидор.

— Боюсь, что да,— развел руками русский мастер.— Впрочем, Тимман вполне еще может из шахматиста-практика превратиться в шахматиста-исследователя.

— Теперь уже вряд ли,— покачал головой Белица.— Ведь Тимман — шахматный профессионал, и участие в турнирах с крупными денежными призами — едва ли не единственный источник материального благополучия для него и его семьи.

— Кстати, о турнирах,— заметил Филидор.— Что значит «турниры с очень высоким рейтингом»? Думаю, и моему уважаемому коллеге небезынтересно узнать это.

— В начале 70-х годов нашего столетия большинство национальных шахматных федераций благодаря ини-

циативе американского профессора Арпада Эло перешли на систему индивидуальных коэффициентов, или, иначе говоря, рейтингов. Суть этой системы в следующем. По не очень сложной формуле (приводить ее я не буду), которая учитывает исходный уровень каждого участника турнира, общий уровень всех участников, количество и результаты сыгранных партий, подсчитывают пусть условное, но достаточно точное математическое выражение практической силы того или иного шахматиста в данный момент. С помощью этой формулы нетрудно определить еще до начала соревнования, сколько очков необходимо набрать любому участнику, чтобы сохранить свой рейтинг, то есть свою мощь, силу. Наберет он очков больше — рейтинг его автоматически повышается, меньше — соответственно понижается. Каждые полгода — на 1 января и 1 июля — специальная комиссия ФИДЕ, руководимая Арпадом Эло, составляет списки индивидуальных коэффициентов около полутора тысяч действующих шахматистов земного шара — мужчин и женщин.

К сожалению, в последние годы гроссмейстерское звание заметно обесценилось, и число его носителей в мире сегодня перевалило за 200. Самое печальное при этом то, что многие новоиспеченные «гроссы» по существу заняты лишь тем, что старательно оберегают свой мало-мальски приличный рейтинг, а это, как правило, приводит к творческому застою и в конце концов к резкому снижению практической силы. Вот почему все настойчивее раздаются голоса о введении звания «супермейстер» для шахматистов с рейтингом 2600 и выше. Если Международная шахматная федерация все же введет это отличие, то его обладателями станут полтора-два десятка сильнейших шахматистов земного шара.

— А кто из шахматистов был обладателем наивысшего рейтинга? — полюбопытствовал Петров.

— Роберт Фишер, завоевав в 1972 году шахматную корону, поднял свой рейтинг до 2780,— ответил Белица.— Казалось, превзойти это достижение невозможно, но в 1990 году советский гроссмейстер Гарри Каспаров после серии блестящих побед довел свой индивидуальный коэффициент до фантастической цифры — 2800!

— Жаль, что во времена Морфи, Стейница, Ласкера, Капабланки и Алехина не догадались ввести систему коэффициентов,— промолвил Филидор.

— Дотошный профессор Эло не оставил и их без внимания,— улыбнулся Нейштадт.— В 1979 году он подсчитал индивидуальные коэффициенты всех чемпионов мира. Вот итоги его работы: 1. Фишер — 2780; 2—3. Капабланка и Карпов — 2725; 4—5. Ботвинник и Ласкер — 2720; 6. Таль — 2700; 7—8. Алехин и Смыслов — 2690; 9—10. Петросян и Спасский — 2680; 11—12. Стейниц и Эйве — 2650. Из шахматистов, не обладавших шахматной короной, этот список возглавили Морфи — 2690, Бронштейн и Керес — 2670. Более того, неутомимый профессор определил тройки сильнейших шахматистов по десятилетиям XIX и XX столетий. XIX век, 60-е годы: Андерсен, Паульсен, Стейниц; 70-е: Стейниц, Цукерторт, Паульсен; 80-е: Стейниц, Цукерторт, Чигорин; 90-е: Ласкер, Тарраш, Чигорин. XX век, 1900—1910 годы: Ласкер, Капабланка, Маршалл; 20-е: Капабланка, Ласкер, Рубинштейн; 30-е: Алехин, Ботвинник, Эйве; 40-е: Ботвинник, Смыслов, Решевский; 50-е: Ботвинник, Смыслов, Керес; 60-е: Фишер, Таль, Спасский; 70-е: Карпов, Корчной, Таль. Двумя сильнейшими шахматистами 80-х годов Арпад Эло назвал Каспарова и Карпова. Обладатель 3-го места, по его словам, выявится лишь в 1990 году. А пока я переверну еще одну страницу шахматной истории.

Глава 37. ИГРАЮЩИЙ ЧЕМПИОН

Когда в 1972 году Анатолия Карпова, как наиболее перспективного кандидата в будущей борьбе за мировое первенство, решили направить в Рейкьявик на матч Спасский — Фишер, дабы молодой гроссмейстер немного «поварился» в атмосфере подобных соревнований, некий ответственный работник наложил вето размашистой резолюцией: «В связи с отсутствием перспективы направлять Карпова на матч в Рейкьявик нецелесообразно».

«В связи с отсутствием перспективы...» Каким же невеждой надо было быть, чтобы написать эти слова применительно к Карпову! Еще 7-летним мальчишкой Толя обратил на себя внимание в шахматном кружке златоустовского Дома металлургов. Позже его пригласил в свою школу сам Ботвинник, разглядевший в этом скромном, хрупком пареньке удивительные задатки. В 15 лет Карпов стал самым молодым шахматным мастером Советского Союза, а спустя три года в Стокголь-

ме он был провозглашен чемпионом мира среди юношей.

Лишь трем шахматным принцам удавалось взойти на королевский престол. Но если Борису Спасскому понадобилось для этого 14 лет, то Анатолию Карпову — лишь 6!

Как это ни парадоксально, но ни сам Карпов, ни его умудренный знаниями и опытом тренер Семен Абрамович Фурман даже не подозревали, какой богатырской шахматной силой обладал уже в то время 22-летний гроссмейстер. Блестяще победив в межзональном турнире 1973 года, Карпов в соревновании претендентов одного за другим сокрушил Полугаевского, Спасского, Корчного и с «открытым забралом» вышел на Фишера.

А дальше? А дальше наделенный комплексом стартовой неуверенности Фишер выдвинул сначала явно неприемлемые условия матча на первенство мира, а затем предпочел вовсе отказаться от борьбы. Так Анатолий Карпов стал двенадцатым чемпионом мира. Не его вина, что матч с Фишером не состоялся. Карпов готов был к борьбе и расценивал свои шансы очень высоко.

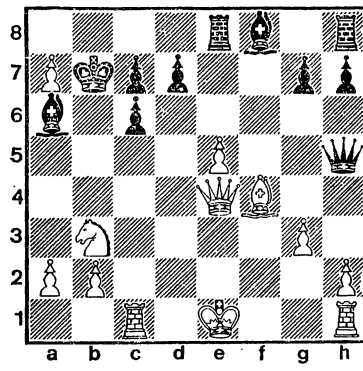
Став в 1975 году чемпионом мира, а затем дважды — в 1978 и 1981 годах — блестяще защитив свой высокий титул в поединках с Виктором Корчным, Анатолий Карпов всякий раз во всеуслышание заявлял: «Я буду играющим чемпионом!»

В богатой коллекции трехкратного чемпиона мира золотые медали за победы в чемпионатах мира, Европы, в олимпийских турнирах, в личных и командных первенствах СССР. В 1984 году Карпов с успехом возглавил сборную Советского Союза в состязании с командой избранных шахматистов мира. Его выдающиеся заслуги были по достоинству оценены девятью «Шахматными Оскарами». Ну а выступления замечательного гроссмейстера в международных турнирах — это целая эпоха в истории шахмат.

Самое удивительное, что творческие итоги выступлений Карпова ничуть не уступают спортивным. Чего стоит хотя бы его блестящая победа над Яном Тимманом в лондонском турнире 1984 года!

— Эта позиция,— расставив фигуры, продолжал Нейштадт,— возникла после 19-го хода белых, которыми играл голландский гроссмейстер. Впечатление такое, что белые вот-вот доберутся до короля соперника. Од-

нако Карпов своим следующим ходом демонстрирует глубочайшее понимание позиции. 19. Крb7—a8! Очень тонкий ход! Черный король на виду армады белых фигур отыскивает себе надежное пристанище, расширяя поле деятельности своего слона на a6. Как быстро все изменилось! Теперь уже черные перехватывают инициативу. Далее последовало: 20. h2—h4 d7—d5 21. Фе4—e3 g7—g5! 22. Cf4 : g5 Cf8—b4+ 23. Крe1—f2 Лh8—f8+ 24. Крf2—g2 Лe8 : e5! Блестящий удар! 25. Фе3 : e5 Фh5—f3+ 26. Крg2—h2 Фf3—f2+ — и белые сдались, так как на 27. Крh3 последует 27. Cc8+, и мат неизбежен.

В том же 1984 году в Москве Карпов вновь защищал облюбованный им шахматный трон в безлимитном матче до 6 побед в борьбе со стремительно выдвинувшимся 21-летним претендентом Гарри Каспаровым. Выигрывая после 27 партий со счетом 5 : 0, Карпов, видимо, захотел добиться максимального результата, как в свое время Фишер в поединках с Таймановым и Ларсеном. Поэтому он решил не форсировать событий и ждать момента для нанесения решающего удара. Наверное, это было его ошибкой. Ошибкой, позволившей молодому претенденту сначала прийти в себя, а затем и выиграть 3 партии. И тогда президент ФИДЕ Флоренсио Кампоманес принял беспрецедентное решение прекратить длившийся свыше пяти месяцев матч и объявил, что через год соперники начнут новое состязание, но уже с ограниченным числом партий. Следующий матч принес заслуженный успех Каспарову.

Так, после десяти с половиной лет чемпионства Карпов к своему высокому титулу вынужден был добавить не очень приятную приставку «экс». Впрочем, у 34-летнего экс-чемпиона мира оставалось еще право на матч-реванш. И Карпов решил воспользоваться им. Новое состязание состоялось в Лондоне и Ленинграде.

Проигрывая после 16 партий 3 очка, Анатолий Карпов в который раз продемонстрировал всему шахматному миру свою несгибаемую волю к победе. Блестяще выиграв 3 партии подряд, он не только сравнял счет,

но и заставил умолкнуть скептиков. И хотя энергичной игрой на финише Гарри Каспарову удалось сохранить за собой шахматную корону, а затем удержать ее и после четвертого их поединка в Севилье, экс-чемпион мира, бесспорно, не сказал еще своего последнего слова.

— Имя Анатолия Карпова может быть поставлено в один ряд с именами Чигорина, Алехина, Ботвинника,— твердо произнес Петров.

— ...Хотя стиль игры больше роднит его с Капабланкой,— заметил Филидор.— Та же виртуозная техника и поразительная глубина оценки позиции.

— Целиком и полностью согласен с вами,— вновь заговорил Нейштадт.— Макс Эйве в 1974 году так отозвался о нем: «По стилю игры Карпова можно сравнить с гениальным кубинцем Капабланкой... Партии Карпова сначала поражают нелогичностью стратегии, но очень скоро становится ясно, что его стратегия — самая логичная...»

— Кроме того,— заметил Белица,— Карпов стал первым чемпионом Европы и мира по «активным» шахматам. Как видите, он действительно оказался самым играющим чемпионом. Так что обещание, данное любителям шахмат, Карпов выполнил с лихвой. А теперь я расскажу вам об удивительном шахматном даровании Гарри Каспарова.

Глава 38. СЧАСТЛИВОЕ ЧИСЛО КАСПАРОВА

Как-то, наблюдая за полной вдохновения и блеска игрой гроссмейстера Каспарова, один из уважаемых шахматных специалистов воскликнул: «Он создан, чтобы изумлять окружающих!»

Еще 5-летним ребенком Гарик поразил своих родителей, объявив им однажды решение шахматной задачи, над которой они безуспешно бились не один вечер. «Я же тебе не показывал даже, как ходят фигуры!» — развел руками изумленный отец. А на следующий день способный мальчик был принят в шахматный кружок Бакинского Дворца пионеров.

Начинающий шахматист прогрессировал с невероятной быстротой. Когда Гарику исполнилось 10 лет, его пригласил в свою шахматную школу Михаил Ботвинник. Особенно поражал Ботвинника его живой, пытливый ум

исследователя, постоянно ищущего в древней игре новые неисхоженные пути. Каково же было изумление патриарха советских шахмат, когда Гарик, ознакомившись с его знаменитой партией против Фишера на олимпиаде в Золотых Песках, тут же нашел оригинальный способ достижения ничьей. А ведь Ботвинник и его товарищи по олимпийской команде искали тогда ничью почти всю ночь...

В 1976 году в Тбилиси Гарри Каспаров впервые стал чемпионом СССР среди юношей, а год спустя в Риге он повторил это достижение. Уже тогда в его партиях явственно просматривались задатки той игры, которую позже Михаил Таль назовет «тотальной».

Спустя два года 15-летний мастер, выиграв всесоюзный отборочный турнир в Даугавпилсе, с первой же попытки пробился в высшую лигу советских шахмат, 9-е место во всесоюзном форуме, впереди известных гроссмейстеров — Бронштейна, Гуфельда, Суэтина, Холмова, Цешковского и других,— специалисты единодушно расценили как несомненный успех юного шахматиста.

Тем не менее организаторы крупного международного турнира в югославском городе Баня-Лука были явно раздосадованы тем, что вместе с экс-чемпионом мира Тиграном Петросяном советская шахматная федерация делегировала на это соревнование 16-летнего Каспарова, не имевшего даже международного рейтинга. А когда юноша, значительно опередив 14 маститых гроссмейстеров, завоевал 1-е место, те же организаторы изумленно воскликнули: «Его игра была подлинным украшением турнира!»

В 1980 году талантливый юноша удостаивался высших почестей трижды — на европейском командном первенстве в Швеции, олимпийском турнире на Мальте и юношеском первенстве мира в Дортмунде. Четвертая золотая медаль была вручена ему за успешное окончание школы. В свои 17 лет Гарик очень много читал, обладал удивительными математическими способностями, живо интересовался философией, историей, тонко чувствовал поэзию, музыку, занимался английским языком, увлекался спортом. Неудивительно, что за достигнутые успехи Каспарову было присвоено звание международного гроссмейстера.

Ознаменовав следующий год победой в чемпионате СССР, молодой гроссмейстер был допущен в отборочный цикл борьбы за мировую шахматную корону.

Межзональная битва завершилась новым триумфом Гарри Каспарова, ставшего одним из 8 претендентов на матч с чемпионом мира. А вскоре гроссмейстер из Баку был назван лучшим шахматистом 1982 года, впервые удостоившись «Шахматного Оскара».

Претендентские матчи с сильнейшими шахматистами мира Каспаров провел с огромным подъемом. Победив одного за другим Белявского, Корчного и Смыслова, он завоевал право оспаривать шахматный престол у Анатолия Карпова.

Каких только прогнозов не было накануне единоборства двух шахматных гигантов! Своеобразный итог им подвел чехословацкий гроссмейстер Филип, заявивший, что история шахмат вступила в эпоху Карпова и Каспарова, которая, по всей вероятности, продлится до конца столетия.

Гарри Каспаров прекрасно сознавал, какое невероятно трудное испытание ожидает его. «Вот уже девять лет Карпов — сильнейший шахматист мира не только формально, по званию, но потому, что действительно превосходит всех своих соперников. Он поднял шахматы на необыкновенно высокий уровень»,— заявил претендент накануне матча с чемпионом мира.

Результат этого поединка вам известен. Точнее — результата не было, так как президент ФИДЕ, как уже говорилось, прекратил состязание после 48 партий.

Новое единоборство, состоявшееся осенью 1985 года в Москве, принесло нелегкую победу Гарри Каспарову, ставшему тринадцатым и самым юным чемпионом мира в истории шахмат. Кстати, он всем другим явно предпочитает несчастливое для многих число 13. Это и неудивительно: 13 апреля — день его рождения, в возрасте 13 лет Гарик впервые стал чемпионом СССР среди юношей, а в 1985 году, набрав во втором матче с Карповым 13 очков, он стал в итоге 13-м чемпионом мира.

Даже в момент наивысшего торжества — после коронации — Гарри Каспаров не упивался своим триумфом (хотя вряд ли кто-нибудь упрекнул бы его за это!), а еще раз воздал должное великому сопернику: «Карпов — это эпоха в шахматах. Десять лет он на вершине. Он поднял спортивную значимость шахмат на новую ступень и сделал очень много для популяризации игры... Во втором матче сражался он по-настоящему, играл в открытые шахматы. Он сделал все, что мог. Его игра достойна уважения...»

Своей лучшей партией в этом матче Каспаров назвал 16-ю, в которой соперники продолжили принципиальный диспут на тему: «Что важнее — материал или инициатива?» В сицилианской защите игравший черными претендент на 8-м ходу ради инициативы пожертвовал пешку. И белые приняли вызов! В развернувшейся борьбе инициатива Каспарова стала решающим фактором — белые фигуры, особенно кони, практически не имели полезных ходов. Вот как это произошло: 1. e2—e4 c7—c5 2. Кg1—f3 e7—e6 3. d2—d4 c5 : d4 4. Кf3 : d4 Кb8—c6 5. Кd4—b5 d7—d6 6. c2—c4 Кg8—f6 7. Кb1—c3 a7—a6 8. Кb5—a3 d6—d5! 9. c4 : d5 e6 : d5 10. e4 : d5 Кc6—b4 11. Сf1—e2 Сf8—c5 12. 0—0 0—0 13. Се2—f3 Сc8—f5 14. Сc1—g5.

— А вот этот ход я бы не стал делать,— заметил Петров.— Белым здесь следовало признать, что никаких выгод из дебюта они не извлекли, и ходом 14. Се3 нейтрализовать сильного чернопольного слона Каспарова.

— Видимо, Карпов рассчитывал на свою блистательную технику разыгрывания миттельшпиля,— пожал плечами Белица.— Далее последовало: 14. Лf8—e8 15. Фd1—d2 b7—b5 16. Лa1—d1.

— А это уже просто ошибка! — вырвалось у Филидора.— Именно после этого хода Каспаров посредством 16. Кd3 может добиться грозной инициативы, ради которой он и пожертвовал пешку.

— Совершенно верно,— кивнул головой Белица.— Именно этот сильный ход он и сделал. 16. ... Кb4—d3 17. Кa3—b1 h7—h6 18. Сg5—h4 b5—b4 19. Кc3—a4 Сc5—d6 20. Сh4—g3 Лa8—c8 21. b2—b3 g7—g5.

— Зачем g7—g5? — в один голос воскликнули оба шахматиста.— Ведь после 21. Кe5 22. С : e5 Л : e5 централизация черных фигур еще больше подчеркивала бы их преимущество,— выразил мнение обоих Петров.

— Именно так рассуждали и гроссмейстеры в пресс-центре матча,— улыбнулся Нейштадт.— Однако ход, сделанный Гарри Каспаровым, гораздо эффективнее, и последующие события убедительно доказывают это.

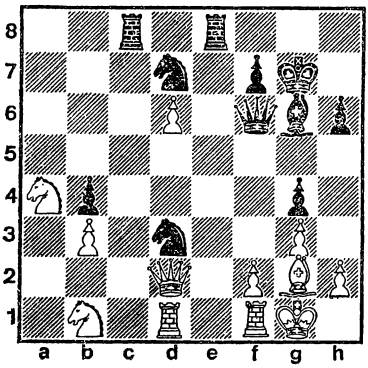
22. Сg3 : d6 Фd8 : d6

— Ну вот, в итоге черные разменяли своего сильного слона,— разочарованно протянул французский маэстро.

— Да, но теперь белые вынуждены пойти на еще одно серьезное ослабление своей позиции,— возразил Белица,— ввиду невозможности активизировать коня

посредством 23. Кb2 из-за 23. ... К:b2 24. Ф:b2 Лc2. Поэтому: 23. g2—g3 Кf6—d7 24. Cf3—g2 Фd6—f6. Теперь белые кони, по существу, «запатованы». 25. a2—a3 a6—a5 26. a3:b4 a5:b4 27. Фd2—a2 Cf5—g6 28. d5—d6 g5—g4 29. Фa2—d2 Крg8—g7.

Не выдержав прессинга черных фигур, белые сами приступают к активным действиям. Впрочем, как единодушно отметили специалисты, ничего другого им уже не остается. 30. f2—f3 Фf6:d6 31. f3:g4 Фd6—d4+ 32. Крg1—h1 Кd7—f6 33. Лf1—f4 Кf6—e4 34. Фd2:d3 Кe4—f2+ 35. Лf4:f2 Cg6:d3 36. Лf2—d2. Сколько раз в этом матче ходы Каспарова являлись полным откровением для таких известных шахматистов, как Бронштейн, Тайманов, Полугаевский, Суэтин, Васюков и другие. Чего греха таить, и для нас с вами тоже. Вот и на этот раз гроссмейстерский консилиум в пресс-центре решил, что посредством 36. ... Лe3 37. Кb2 Лc3! 38. К:c3 bc 39. Л:d3 Л:d3 40. Л:d3 cb или 40. К:d3 c2 черные добиваются решающего материального перевеса. Конечно, Гарри Каспаров прекрасно видел эту возможность, но, как истинный художник, он предпочел более изящное решение. 36. Фd4—e3! 37. Лd2:d3 Лc8—c1 38. Ка4—b2 Фe3—f2! Еще один так называемый «смертельно тихий» ход! 39. Кb1—d2 Лc1:d1+ 40. Кb2:d1 Лe8—e1+ — и в этой красочной позиции за два хода до мата Карпов остановил часы.

Третий поединок двух замечательных гроссмейстеров, состоявшийся в Лондоне и Ленинграде, принес успех Гарри Каспарову, который вновь покорил любителей шахмат своим высочайшим мастерством, неудержимой фантазией, безграничной жаждой борьбы.

Трудно, очень трудно завоевать шахматную корону, но гораздо труднее удержать ее. Справедливость этой банальной истины Каспаров как никогда остро почувствовал в Севилье.

Четыре бескомпромиссных поединка с Анатолием Карповым за три года! 120 острейших шахматных схваток, десятки изнуряющих, бессонных ночей...

И если прав Михаил Ботвинник, утверждавший, что матч на первенство мира отнимает год жизни, то что же тогда сказать о четырех напряженнейших единоборствах, проведенных за столь короткий срок? А если принять во внимание, что незадолго до начала «битвы при Севилье» чемпион мира массу времени и энергии затратил на создание Международной ассоциации гроссмейстеров, то станут понятными несвойственные ему ошибки, которых в четвертом матче было, увы, больше обычного... Последняя из них была допущена в 23-й партии, что позволило Анатолию Карпову выйти вперед.

Судьбу шахматной короны в Севилье должна была решить последняя партия, в которой Карпова вполне устраивала ничья. Вряд ли кто сомневался в конечном успехе экс-чемпиона мира. Одним из немногих, кто верил в победу Каспарова, был... сам Каспаров. А как иначе можно было подтвердить вывод Ботвинника: «Если Каспаров великий шахматист, он выиграет решающую партию». И Гарри победил, продлив свои «королевские» полномочия еще на три года...

Немало сил и времени отдает Каспаров организаторской деятельности. Став первым президентом Международной ассоциации гроссмейстеров, чемпион мира немало содействовал организации соревнований на Кубок мира. 25 сильнейших гроссмейстеров земного шара в течение 1988—1989 годов вели бескомпромиссную борьбу за весьма престижный приз, главными претендентами на который были Каспаров и Карпов. Чемпион мира сумел опередить своего вечного конкурента и стал первым обладателем Кубка.

— Как далеко ушли шахматы за полтора столетия! — поглаживая бороду, восхищенно произнес первый шахматный мастер России.

— И 16-я партия второго матча Карпов — Каспаров — лучшее тому подтверждение! — не отрывая взгляда от доски, воскликнул Филидор.

— До сих пор вам показывали партии, в которых победа достигалась с помощью эффектных жертв, красивых комбинаций,— заметил Белица.— Здесь же намеренно было сделано исключение.

— Партия производит огромное впечатление,— спокойно промолвил Петров.— От начала и до конца она связана единым глубоким стратегическим планом. Каспаров — это шахматист с душой художника, головой ученого и сердцем рыцаря.

— Прекрасно сказано! — воскликнул Филидор.— Только бы молодой чемпион выдержал испытание славой!

— Пока никаких опасений на этот счет нет,— улыбнулся Нейштадт.— Видимо, не случайно Каспаров так любит стихотворение Евтушенко, начинающееся словами: «Смири гордыню...» Вдохновенная фантазия Каспарова расцветила нашу замечательную игру новыми яркими красками. Как-то Макс Эйве заключил, что идеальный чемпион должен любить шахматы, как Стейниц, обладать выдержкой Ласкера, тактом Капабланки, интеллигентностью Чигорина, неистовостью Алехина, культурой мышления Ботвинника, дерзостью Таля, рассудительностью Смыслова, честолюбием Фишера, невозмутимостью Спасского, спокойствием Карпова... Я могу добавить: и неистощимой фантазией Каспарова.

А теперь давайте поговорим о знаменитом кафе «Режанс». Ведь именно в его стенах создавалась значительная часть истории шахмат. Именно там и пройдет увлекательнейшее состязание 20 шахматных гигантов всех времен. Только на этот раз рассказчиками будете вы, уважаемые маэстро, а мы, историки, лишь дополним ваши рассказы новейшими сведениями. Итак, вам слово.

Глава 39. КАФЕ «РЕЖАНС»

— В 1429 году в ходе Столетней войны,— начал Филидор,— легендарная Жанна д' Арк во главе небольшого отряда попыталась отбить у англичан Париж. Подъехав на коне к защищавшей Лувр крепостной стене, она вознамерилась измерить копьем глубину рва, но была ранена выпущенной из форта стрелой.

Мог ли тогда кто-нибудь предположить, что на том самом месте, где была ранена моя отважная соотечественница, спустя 252 года будет построено кафе, которое впоследствии станет своеобразной шахматной Меккой.

В 1718 году кафе получило название «Режанс», то есть регентство. Название это связано с Филиппом Орлеанским — регентом при малолетнем короле Людовике XV. Не отказывавший себе в земных радостях, регент с некоторых пор стал проявлять знаки особого внимания к блиставшей на парижской сцене мадемуазель Леклерк, лишив тем самым всяких надежд десятки ее поклонников. Один из них, часто встречая красавицу в

маленьком кафе на улице Сент-Оноре, терзаемый отчаянием, написал шуточные куплеты, в которых назвал се «богиней Режанс».

Как-то незаметно этим именем стали называть и само кафе, которое вскоре облюбовали для себя любители шахмат.

Кафе «Режанс»... Сколько блистательных шахматных творений было создано под его крышей!

Кафе «Режанс»... Эти волшебные слова и сегодня разрывают сердце волнующими воспоминаниями юности!

Он попытался продолжить, но язык не повиновался ему.

— Кафе «Режанс»! Эти два слова всегда волновали сердца рыцарей нашей несравненной богини! — подхватил Петров, видя состояние коллеги.— В его стенах демонстрировали свой ярчайший талант непобедимый Филидор, не ведавший сомнений Дешапель, его лучший ученик Лабурдоне, расчетливый и невозмутимый Стаунтон, гениальный Морфи, блистательный Андерсен. Здесь приобщались к величайшей из игр Вольтер, Руссо, Франклин, Даламбер, Робеспьер, Наполеон, Тургенев и другие выдающиеся умы человечества.

Кафе «Режанс» было немым свидетелем двух французских революций. Мимо него по улице Сент-Оноре везли на площадь Революции тысячи приговоренных к гильотине, в числе которых были Людовик XVI, Дантон, Демулен, Робеспьер, художник Давид... А во время революции 1848 года восставшие парижане, собравшись 24 февраля возле столько повидавшего на своем веку кафе, решительно устремились на штурм Тюильрийского дворца.

Первый шахматный мастер России сделал жест, означавший, что его рассказ окончен.

— К этому я могу добавить, что бессмертные страницы в историю кафе «Режанс» вписали Стейниц, Чигорин, Ласкер, Капабланка и Алехин,— промолвил Бахман.

— Самое печальное, что в нынешнем столетии вместе с шахматной славой Франции закатилась и слава знаменитого кафе,— с грустью произнес Белица.— В 1976 году рекламный проспект «Париж» бесстрастно сообщал гостям французской столицы, что в доме номер 161 по улице Сент-Оноре, в здании бывшего кафе «Режанс», находится офис Марокканской туристской конторы.

— Бедные мои соотечественники,— прошептал Филидор.

— Это просто святотатство! — поддержал его Петров.

— Не печальтесь, мои славные рыцари! — воскликнула неожиданно появившаяся Каисса.— Задумывая наш праздник, я позаботилась о том, чтобы кафе «Режанс» приняло свой привычный шахматный вид. Так что и в этом смысле вас ожидает приятный сюрприз.

Только теперь обитатели беседки заметили, что наступил вечер. Давно уже угомонились птицы, замолкли далекие звуки лютни. Лишь свежий августовский ветерок бесстрастно шелестел слегка потемневшей листвой, наполняя все вокруг живительной прохладой.

— Ну вот и завершилось долгое повествование моих верных апостолов,— после непродолжительной паузы промолвила Каисса.— Они рассказали вам о самых искусных и доблестных моих рыцарях, наиболее интересных и волнующих состязаниях на шахматной доске.

— Увы, из-за нехватки времени мы лишь вскользь упомянули имена таких выдающихся мастеров шахмат, как Яниш, Шумов, братья Урусовы, Паульсен, Колиш, Винавер, Шифферс, Тейхман, Барделебен, Харузек, Мароци, Шпильман, Боголюбов, Видмар, Флор, Лилиенталь, Файн, Решевский, Сабо, Найдорф, Глигорич, Котов, Штальберг, Болеславский, Геллер, Тайманов, Полугаевский, Рибли, Ваганян, Белявский,— словно оправдываясь, промолвил Нейштадт.— А ведь уже во весь голос заявила о себе новая шахматная поросль — Юсупов, Сейраван, Соколов, Шорт, Салов, Хьяртарсон, Эльвест, Иванчук, Халифман и многие другие. Словом, есть кому писать новые страницы истории нашей замечательной игры!

— Ну а теперь, уважаемые маэстро, слово за вами,— воскликнула Каисса.— Назовите по десять своих избранников. У вас будет достаточно времени, чтобы поближе познакомиться с ними и основательно подготовиться к нашему празднику. А затем мы встретимся в обновленном и помолодевшем кафе «Режанс», которое никогда еще за свою трехвековую историю не собирало столько шахматных знаменитостей. И пусть выдающиеся маэстро еще раз напомнят нынешнему и грядущим поколениям о том, что шахматы не только волнующее спортивное состязание, но прежде всего высокое благородное искусство, основы которого — свобода, непосредственность, романтизм!

Часть вторая

ВОЛШЕБНЫЙ ДАР КАИССЫ

Глава 1. БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ МИНУВШИЕ ДНИ...

С утра над сонными тихими улицами Парижа нависли свинцовые тучи. Словно разгневанное кем-то небо непрестанно хмурилось. Внезапно сверкнула молния, вслед за ней раздался трескучий удар грома, и небосвод, не выдержав этого гнетущего напряжения, разразился обильным августовским дождем.

В тот же миг улица Сент-Оноре покрылась зонтиками. Люди, запрудившие эту важнейшую артерию делового Парижа, не двинулись с места. Они знали, что далеко не всем достанутся заветные билеты в кафе «Режанс», но почти каждый в глубине души надеялся на чудо. Лишь немногие, поняв, что чуда не произойдет, спешили на площадь Комеди Франсез, где на специальном постаменте возвышались огромный телевизионный экран и десять электронных демонстрационных досок.

Огромная площадь постепенно заполнялась любителями шахмат.

Дождь продолжался недолго. Несколько раз еще, словно нехотя, ворчливо прогрохотал гром, и дождь, почувствовав его неуверенность, стыдливо затих. Тучи постепенно рассеялись, небо умиротворенно просветлело,

и вскоре, виновато улыбаясь, выглянуло долгожданное солнце. День обещал быть сухим и теплым.

Тем временем в кафе «Режанс» все было готово к началу праздника. На небольшой сцене — десять демонстрационных досок и расставленные в два ряда шахматные столики. В глубине ее — стол судейской коллегии, над которым красовались эмблема и девиз ФИДЕ: «Мы — одна семья!»

Члены организационного комитета давали последние распоряжения, немногочисленный технический персонал вновь и вновь убеждался в готовности электронных систем, телевизионных камер, мониторов и телетайпов.

Шахматный мир замер в ожидании грандиозного небывалого состязания.

В два часа дня небольшое уютное фойе пришло в движение — появились участники, судьи, журналисты. Зрители почтительно жались к стенам, восхищенно следя за легендарными корифеями шахмат, которые с упоением предавались нахлынувшим воспоминаниям.

В центре зала первый чемпион мира Вильгельм Стейниц, тряся руку Чигорина, допытывался с наигранной ворчливостью:

— Любезнейший Михаил Иванович, неужели вы и теперь отвергаете мои позиционные принципы?

— Вы, батенька мой, глубоко ошибаетесь,— с достоинством отвечал Чигорин.— Я всегда высоко ценил искусство позиционной игры, считая ее прелюдией к тактическим действиям.

— А помните, как я зевнул вам ферзя в 10-й партии нашего второго матча? — поспешил переменить тему Стейниц.

— Маэстро в своем репертуаре, ох уж мне эти зевки и просмотры,— рассмеялся подошедший Ласкер.— Ведь господин Чигорин лишь из скромности не напомнил о своем непостижимом зевке в 23-й партии, решившем судьбу вашего единоборства.— Он достал сигару, чиркнул спичкой и, выпустив облако сизого дыма, продолжал: — Лучше вспомним, маэстро, как мы с вами встретились в Манхэттенском клубе незадолго до нашего матча.

— Вы, доктор, утверждали тогда, что мой 6-й ход за черных Ф:f6 в гамбите Эванса, мягко говоря, не совсем удачный,— улыбнулся Стейниц.

— И что вы думаете,— повернулся Ласкер к Чигорину,— мы с маэстро решили сыграть три партии гам-

битом Эванса, в которых он должен был черными отстаивать этот ход. Ох и досталось же мне тогда! — с притворным ужасом воскликнул он и расхохотался.

Его смех был столь искренним и заразительным, что невольно передался и собеседникам.

— А знаете, что я тогда подумал? — спросил Стейниц.— Я подумал: здорово же я отделал этого выскочку!

И все трое вновь оказались во власти безудержного хохота.

Неожиданно лицо Ласкера стало серьезным.

— Господа! — воскликнул он.— К нам приближается доктор Тарраш, а он, как вы знаете, терпеть не может шуток.

— Почтенные джентльмены, кажется, не в меру веселы,— изящно поклонился Тарраш.— А между тем, господин Стейниц, я так и не получил от вас сколько-нибудь удовлетворительных объяснений по поводу известного вам заявления.

— Вы, вероятно, имеете в виду то, что я написал о вас в 1885 году в «Международном шахматном журнале» после турнира в Гамбурге? — спросил Стейниц.

— Вот именно,— холодно ответил Тарраш.

— Полноте, доктор,— встал на защиту коллеги Чигорин,— ведь господин Стейниц, помнится мне, назвал вас тогда «восходящей звездой».

— Вы удивительно милы, маэстро,— с едкой иронией заметил Тарраш.— Не будете ли вы столь же любезны напомнить и вторую часть изречения господина Стейница?

— Вы имеете в виду фразу: «Его понимание позиции выглядит еще незрелым»? — уточнил русский мастер.

— Вы поразительно догадливы,— щедро источая сарказм, водрузил на нос пенсне Тарраш.

— Ну и что тут такого? — невозмутимо продолжал Чигорин.— Ведь вам тогда было всего 23 года!

— Это не имеет никакого значения! А кроме того, господин Стейниц в адвокатах не нуждается,— отчеканил Тарраш.

— Доктор! — примирительно воскликнул Ласкер.— Хотите, я вас порадую? Как-то я беседовал с чемпионом Англии Уинтером,— не дожидаясь ответа, продолжал он.— Уинтер рассказал мне, что однажды вы три часа просидели на... его шляпе во время совместного анализа сыгранной партии. «Я считаю,— сказал тогда

Уинтер,— что моя шляпа стала как бы короною, и с тех пор никогда не носил другую!»

Все рассмеялись. Лишь лицо Тарраша оставалось непроницаемым.

— Поймите, доктор,— уже совсем дружески протянул Ласкер,— юмор — это лучший источник здоровья и радости. Помните, как однажды во время турнира, в котором вы выступали в качестве распорядителя, вам сообщили, что один из зрителей в зале уснул. Вы тут же вышли на сцену и, увидев вялую, монотонную игру участников и скучные позиции на всех досках, резюмировали, глядя на уснувшего зрителя: «Да, это самый справедливый критик!»

Все трое снова засмеялись. Но теперь уже вместе с ними смеялся и Тарраш — последняя шутка Ласкера пришлась ему явно по душе.

Рядом с ними оживленно беседовали Нимцович, Капабланка, Алехин, Эйве, Ботвинник и Смыслов.

— Ах, господа,— качал головой Нимцович,— вот вы вспомнили карлсбадский турнир двадцать девятого года — мою самую большую радость и, увы, самую большую печаль. Даже и сегодня я вспоминаю этот турнир с каким-то щемящим, тоскливым чувством. Во-первых, потому, что он состоялся вскоре после безвременной кончины Рихарда Рети, которого я безмерно ценил и уважал, а во-вторых, потому, что шахматный мир так и остался глух к моим призывам организовать матч победителя турнира с чемпионом мира. А ведь история шахмат знает столько горьких разочарований по этому поводу! Гениальный Морфи из-за нежелания Стаунтона встретиться с ним в матче дал обет никогда больше не играть в шахматы. Вот почему, кстати, его нет сегодня среди участников нашего матча. По этой же причине отсутствует и Акиба Рубинштейн. А самое печальное — это то, что шахматный мир так и не увидел ожидавшихся с огромным интересом матчей Стаунтон — Морфи, Ласкер — Рубинштейн и Алехин — Нимцович.

Он искоса взглянул на Алехина. Тот не спеша поправил белоснежный платок, выпущенный углом из нагрудного кармана его фрака, и невозмутимо ответил:

— Видите ли, господин Нимцович, всего лишь полгода спустя после Карлсбада вопрос о нашем матче отпал сам собой. И дело даже не только в том, что вы, заняв в Сан-Ремо 2-е место, отстали от меня ни больше ни меньше на 3,5 очка. Ведь в нашей личной встрече вы, простите меня за печальную откровенность, ничем уже

не напоминали претендента на шахматную корону. Да вы и сами спустя год в Бледе после нашей партии воскликнули: «Алехин разделывается с нами, как с желторотыми птенчиками!» — или что-то в этом роде. Но и это еще не все. Ведь вы так и не смогли собрать необходимые для матча средства, предусмотренные лондонским соглашением 1922 года — детищем уважаемого всеми нами маэстро Капабланки.

Он глубоко вздохнул и затем продолжил:

— Пользуясь случаем, я хочу также объясниться и с господином Эйве, благодаря которому мне аннулировали приглашение на послевоенный турнир в Лондон. Господин Эйве и его единомышленники обвинили меня чуть ли не в сотрудничестве с нацистами. А между тем в своем письме организаторам лондонского турнира я объяснил, что играл в Германии и оккупированных ею странах только потому, что это было единственным средством пропитания и, кроме того, ценою, которой я платил за свободу моей жены. Да будет вам известно, господин Эйве, что мы с женой были под непрестанной слежкой и угрозой концлагеря со стороны гестапо. А вот на моей родине, в Советском Союзе, народы которого понесли самые большие потери в борьбе с фашизмом, до сих пор проводятся турниры, носящие мое имя. Так что совесть моя перед людьми чиста!

Легким наклоном головы он дал понять, что сказал все. Все подавленно молчали.

— Друзья мои! — воскликнул Капабланка, желая разрядить возникшую напряженность.— Давайте забудем о всех неурядицах, ведь этим мы только омрачаем наш праздник.— И, повернувшись к Нимцовичу и Эйве, он неожиданно рассмеялся: — Неужели вы не помните, как все участники карлсбадского турнира подтрунивали над рассеянностью Рубинштейна и Шпильмана?

Оба отрицательно покачали головой.

— Однажды Рубинштейн, хорошо пообедав в ресторане, прохаживался по его вестибюлю, задумавшись над отложенной позицией,— с улыбкой начал свой рассказ Капабланка.— Неожиданно он открыл дверь, снова вошел в зал и заказал еще один обед. И только когда официант поставил перед ним дымящийся суп, он вдруг вспомнил, что ел уже этот суп несколько минут назад.

Все рассмеялись.

— Ну а чем же отличился Шпильман? — с любопытством спросил Смыслов.

— Шпильман? — переспросил Капабланка.— Он, как

известно, имел привычку во время анализа позиции раскачиваться из стороны в сторону. Заказав как-то в том же ресторане обед, он мысленно начал анализировать одну из своих партий. Вскоре официант принес первое блюдо. Взяв ложку, Шпильман начал черпать ею суп, продолжая размеренно раскачиваться. Первую ложку он опорожнил себе на плечо, вторую — на галстук и так далее. Увы, ни одна ложка супа так и не попала ему в рот.

Теперь уже хохотали все шестеро, включая Нимцовича и Алехина.

— Да, Шпильман был большой оригинал,— все еще смеясь, произнес Эйве.— И надо сказать, что ему фатально не везло, жизнь постоянно впутывала его в какие-нибудь курьезные истории. Однажды после сеанса одновременной игры, проведенного Шпильманом в одном из провинциальных клубов, местные шахматисты решили сфотографироваться на память с выдающимся маэстро. Каково же было всеобщее изумление, когда на готовых снимках не оказалось... знаменитого гостя. Когда разыскали фотографа, тот чистосердечно признался: «Этого толстого малого мне пришлось заретушировать. Он выглядел смешно и нелепо и только портил весь снимок».

Раздался новый взрыв смеха.

— Позвольте и мне внести лепту в эту своеобразную шпильманиану,— сказал с улыбкой Алехин, когда его собеседники мало-помалу успокоились.— Вы, конечно, помните, что наш милый Руди был человеком небольшого роста, с очень короткими руками. Именно поэтому во время партии ему не всегда удавалось дотянуться до противоположного конца доски. Однажды в одном из сеансов он эффектной жертвой слона на h5 добился красивой победы. «Маэстро,— обратился к нему один из зрителей,— ведь еще раньше вы могли пожертвовать слона на h7 и выиграть гораздо быстрее!» — «Знаю,— проворчал в ответ Шпильман,— но до поля h7 я, несмотря на все усилия, дотянуться так и не смог, и поэтому мне не оставалось ничего другого, как жертвовать на h5».

Последние слова Алехина потонули в общем хохоте.

Тем временем стоявшие под большим портретом Морфи Петросян, Ларсен, Таль, Спасский и Портиш дружно атаковали сконфузившегося Фишера. Густая борода делала американца значительно старше своих лет.

— Так что, Бобби, шахматы вы бросили совершенно напрасно,— выразил общее мнение Петросян.— Подумаешь, не приняли ваши условия матча на первенство мира! Это еще не причина для «шахматного самоубийства». Ведь хватило же у вас благоразумия уступить первую доску Ларсену в Белграде. Да и накануне этого матча сумели же вы внять доводам Филидора, который вполне резонно воспротивился вашему требованию предоставить вам первую доску вместо старика Стейница.

Подавленный справедливыми упреками, Фишер еще больше ссутулился, втягивая голову в плечи.

— Бобби, если ты думаешь, что своим затворничеством уподобился Морфи, то ты глубоко заблуждаешься! — переходя на «ты», воскликнул Ларсен.

Все почему-то подняли глаза на портрет гениального американца.

— Морфи хотел играть со Стаунтоном и готов был играть с ним на любых условиях,— продолжил мысль датчанина Портиш.

— Или тебя просто прельстил ореол таинственности? — не унимался Ларсен.— Подумаешь, неуловимый Фишер!

— Ну, хватит, совсем заклевали бедного Бобби,— вступился за Фишера Спасский.— Конечно, потерянные годы не вернешь, но Бобби и теперь еще не поздно вернуться в шахматную жизнь. Кстати, Стейниц в его возрасте еще даже не был чемпионом мира.

Все пятеро выжидательно смотрели на Фишера.

— Если хотите знать,— благодарно глядя на Спасского, заговорил Бобби,— то из шахмат я ушел не из-за какого-то там ореола. Глупости! Да, я настаивал и продолжаю настаивать на том, что ФИДЕ обязана считаться с мнением чемпиона мира. А кроме того, мне ужасно осточертели приставания прессы, ее вечная погоня за сенсациями и всевозможные небылицы вокруг моего имени типа: «Взять жену — это все равно, что взять ферзем пешку на b2 в сицилианской защите»... Что же касается моего возвращения в шахматную жизнь, то я...

Он сделал паузу. Его собеседники замерли в ожидании.

— То я подумаю,— закончил Фишер.

— Браво! — воскликнул Таль.— Бобби в своем репертуаре!

Он уже вознамерился отпустить что-то веселенькое по этому поводу, о чем недвусмысленно говорили сверкавшие в его глазах огоньки, но его опередил Спасский:

— Бобби, что вы можете сказать о книге Медниса «Как побеждали Бобби Фишера»?

— Серьезная и поучительная книга, но выводы ее далеко не бесспорны,— ответил Фишер.

— Ну уж то, что белыми вы с удивительным постоянством начинаете партию ходом e2—e4,— истина бесспорная,— заметил Петросян.

— Да, но у меня на любой ответ черных всегда было заготовлено множество вариантов с анализами, глубина которых, как справедливо заметил Роберт Бирн, очень многим моим соперникам оказывалась не по плечу,— без ложной скромности возразил Фишер.

— Кстати,— улыбнулся Таль,— Остап Бендер тоже предпочитал начинать партию ходом e2—e4.

— 1 : 0 в пользу Таля,— рассмеялся Ларсен.— А вот известный немецкий мастер Карльс, играя белыми, всегда начинал партию ходом 1. c2—c4. Однажды, выступая в небольшом турнире, он по обыкновению взялся за пешку c2, но, как ни пытался передвинуть ее на поле c4, пешка оставалась на месте. Оказалось, что коллеги решили подшутить над Карльсом и... приклеили пешку c2 к доске.

Все рассмеялись.

— Это что,— небрежно бросил Фишер.— А вот в открытом чемпионате США 1975 года, проходившем в небольшом городке Линкольне, после церемонии торжественного открытия мэр города Хелен Бусалис подошла к одному из столиков, за которым сидели гроссмейстер Ломбарди и малоизвестный молодой шахматист, и, лучезарно улыбаясь, сделала первый ход за белых d2—d4. Игравший белыми соперник Ломбарди вдруг схватился за голову, затем вскочил со стула и убежал. Когда его разыскали, он, чуть не плача, проговорил, что никогда не начинал партию ходом ферзевой пешки, а потому не знает, как играть дальше. Лишь после того как «беглецу» объяснили, что ход мэра был чисто символическим, а значит, можно переходить и сделать свой любимый ход e2—e4, он вернулся к столику, и партия началась.

Фишер умолк, довольный тем, что рассказанная им история еще больше развеселила настроенных на шутливый лад собеседников.

— Интересно, кто первым в истории шахмат сделал

ход e2—e4? — ошарашил всех неожиданным вопросом Портиш.

— Думаю, что ответить на этот вопрос может только Таль,— парировал Фишер.

— А почему я? — словно опасаясь какого-то подвоха, осторожно спросил Таль.

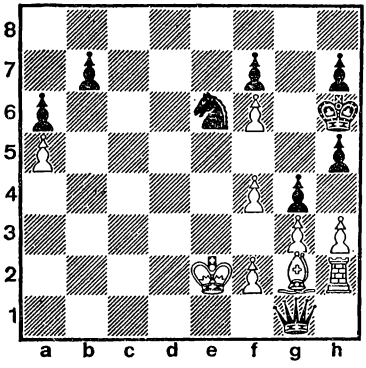
— А ведь Бобби точно в воду глядел,— улыбнулся Петросян.— Память у Миши действительно уникальная. Я хорошо помню, как Гипслис спросил его однажды, какой вариант ферзевого гамбита играл белыми Керес против Болеславского в третьем туре чемпионата СССР 1952 года. «Брось меня разыгрывать,— укоризненно покачал головой Таль.— Болеславский с Кересом играли тогда не в третьем, а в девятнадцатом туре, белыми играл не Керес, а Болеславский, и разыграли они не ферзевый гамбит, а испанскую партию».

Снова раздался дружный хохот. Таль смеялся вместе со всеми. Встретившись взглядом с Фишером, он погрозил ему пальцем, а затем неожиданно воскликнул:

— Первым в истории шахмат ход e2—e4 сделал араб по имени абу-Бакр Мохаммед бен-Яхья ас-Сули, живший в X веке в царствование халифов аль-Муктафи, аль-Муктадира и ар-Ради. Пусть в меня бросит камень тот, кто считает, что это не так.

Ответом ему послужил новый взрыв смеха.

Четверо самых молодых участников матча обсуждали какую-то любопытную позицию на карманных шахматах, которые держал в руке Хюбнер.

— Не горячитесь, Гарри,— остужал пыл Каспарова гроссмейстер из ФРГ,— ведь Перлис в этой партии дал своему неискушенному сопернику вперед целого ферзя.

— И на что в этой позиции можно рассчитывать белым? — равнодушно спросил Карпов.

— Не на что, а на кого,— поправил его Хюбнер и, улыбнувшись, добавил: — Только на соперника! Тем более что тот очень быстро оправдал эти надежды.

Хюбнер недоверчиво посмотрел на своих собеседников.

— Нет, без шуток, вы действительно никогда не видели этой партии? — спросил он.

Все трое отрицательно покачали головой.

Хюбнер снова бросил подозрительный взгляд на коллег и продолжал:

— Так вот, Перлис сыграл здесь 1. f4—f5. Черные ответили 1. Фg1 : h2. И тут белые чуть-чуть прикрыли дверцу клетки для черного ферзя, сыграв 2. Кре2—f1! Далее последовало: 2. Кe6—g5 3. h3—h4 Кg5—h3. Перлис взял черного коня 4. Cg2 : h3 и хотел уже сдаться, но не успел, так как его легкомысленный соперник вместо несложного выигрыша сделал себе форменное «харакири». 4. Фh2 : h3??? Я не случайно ставлю к этому ходу три вопросительных знака. 5. Кpf1—g1! Теперь западня захлопнулась окончательно. А спустя несколько ходов черные форсированно получили мат с поля f8 от новоиспеченного белого ферзя.

— Возникшая позиция просто уникальна! — воскликнул Тимман.— По крайней мере, я впервые вижу подобное на доске.

— Чем так увлечены молодые люди? — вдруг услышали склонившиеся над позицией гроссмейстеры.

Подняв головы, они увидели главного арбитра матча О' Келли, его помощников Штальберга и Котова и руководителя пресс-центра Тартаковера.

— А-а, узнаю творение Перлиса,— засмеялся О' Келли, мельком взглянув на позицию.— Чего только не бывает в жизни! — развел он руками.— Однажды в одном из чемпионатов Бельгии я гордо объявил своему противнику: «Вам мат в четыре хода!» Тот тяжело вздохнул, остановил часы и, пожав мне руку, удалился. Я еще раз взглянул на доску и вдруг с ужасом увидел, что никакого мата нет. Когда я, запинаясь от смущения, объяснил ситуацию арбитру, тот отказался изменить результат, заявив, что уже официально зафиксировал сдачу партии противником. Увы, мои энергичные протесты ни к чему не привели.

— Таков граф де Голуэй, он же гроссмейстер Альберик О' Келли! — восторженно воскликнул Котов.— Вот вам, молодые люди, пример, достойный подражания,— назидательно добавил он.

— Нечто подобное произошло на венском турнире 1882 года,— заметил Тартаковер.— Английский мастер Генри Берд, после того как его сопернику Джеймсу Мэзону за просрочку времени засчитали поражение, направил в турнирный комитет послание, в котором сооб-

щил, что он не считает возможным получить очко столь недостойным образом, а потому сдает партию.

Все зааплодировали.

— Браво! — вновь воскликнул Котов.— Так поступают настоящие рыцари Каиссы!

— А не вас ли, дорогой коллега, в свое время называли Робином Гудом? — улыбаясь, спросил Штальберг.

— Что-то не припомню,— неуверенно ответил Котов.

— Тогда я с удовольствием напомню! В 1954 году сборная СССР, совершая турне по Южной Америке, победила команду Уругвая со счетом 19,5 : 0,5. И кто вы думаете подарил уругвайцам эти пол-очка? Ну конечно же Котов! А так как он и ранее не раз отбирал очки у «богатых» и дарил их «бедным», то его и прозвали Робином Гудом.

— Кстати, это имя у Александра Александровича не единственное,— улыбнулся Тартаковер.— Насколько я помню, вас еще называли «убийцей чемпионов», не так ли?

— Все-то вы помните,— с притворным недовольством проворчал Котов.

— А вы, конечно, ничего не помните,— в тон ему ответил Тартаковер.— Тогда извольте. Дело в том,— повернулся он к молодым гроссмейстерам,— что даже в тех турнирах, где Александр Александрович занимал не очень высокие места, он частенько обыгрывал победителей. Так, в 1953 году на турнире претендентов в Швейцарии Котов победил Смыслова, двумя годами раньше на чемпионате СССР — Кереса, а в 1946 году на международном турнире в Гронингене — Ботвинника и Эйве.

— Кстати, победу над советским чемпионом Ботвинником,— подхватил участвовавший в том турнире О' Келли,— одна из голландских газет прокомментировала следующим образом: «Русский отказался выполнить указание Кремля. О дальнейшей судьбе Котова нам неизвестно».

— К сожалению, и такие были писаки,— беспомощно развел руками Котов.

В это время на сцену в сопровождении Филидора и Петрова вышел председатель организационного комитета матча, первый президент ФИДЕ Александр Рююб и объявил: «Прошу всех участников матча и членов судейской коллегии занять свои места!»

Глава 2. СОПЕРНИКИ НАЗВАНЫ

Церемония торжественного открытия соревнования была недолгой. Первым выступил Александр Рююб:

— Дамы и господа! Мы с вами являемся очевидцами небывалого исторического события — матча шахматных команд России и остального мира всех времен! Позвольте мне от имени любителей шахмат всего земного шара выразить сердечную благодарность нашей мудрой богине Каиссе за предоставленную возможность собрать под крышей этого величественного храма шахматной истории 20 выдающихся представителей шахматного искусства разных эпох.

Среди них — все 13 чемпионов мира и 7 претендентов на этот высокий титул. К сожалению, по разным причинам не смогли принять участие в матче Морфи, Андерсен, Цукерторт, Пильсбери, Рубинштейн и некоторые другие корифеи.

Нет никаких сомнений, что матч пройдет в честной спортивной борьбе и подарит миллионам любителей древней игры подлинные шедевры шахматного искусства.

Кто победит — покажет борьба. Но один результат можно предсказать уже сейчас — победят Шахматы!

Зрители наградили Рююба бурными аплодисментами. Затем к микрофону подошел Альберик О' Келли:

— Позвольте мне, главному арбитру матча, огласить имена соперников по доскам и регламент состязания.

Капитаны обеих команд — Александр Петров и Франсуа Филидор — выразили единодушное мнение, что классифицировать столь выдающихся мастеров по сравнительной силе их игры — задача непосильная даже для самых современных ЭВМ. Поэтому в основу распределения участников состязания по доскам был положен хронологический принцип. Таким образом в матче встречаются: на первой доске — Михаил Чигорин и Вильгельм Стейниц.

Оба названных шахматиста, сидевшие за первым столиком, поднялись, поклонились зрителям и обменялись дружеским рукопожатием.

Зрительный зал взорвался аплодисментами.

Столь же бурно и восторженно рукоплескали любители шахмат и другим участникам матча, которые, вставая, тепло приветствовали зрителей и друг друга.

Главный арбитр продолжал называть соперничающие пары:

— На второй доске — Александр Алехин и Эмануил Ласкер, на третьей — Арон Нимцович и Зигберт Тарраш, на четвертой — Михаил Ботвинник и Хосе Рауль Капабланка, на пятой — Василий Смыслов и Макс Эйве, на шестой — Борис Спасский и Роберт Фишер, на седьмой — Михаил Таль и Бент Ларсен, на восьмой — Тигран Петросян и Роберт Хюбнер, на девятой — Анатолий Карпов и Лайош Портиш, на десятой — Гарри Каспаров и Ян Тимман. Они сыграют друг с другом по две партии, причем белыми в первом туре в сборной России будут играть обладатели четных досок, а в команде избранных шахматистов мира — соответственно нечетных досок. Во втором круге соперники поменяются цветом фигур. Матч будет продолжаться два дня. После пяти часов борьбы и полуторачасового перерыва состоится доигрывание неоконченных партий. Контроль обычный — 2,5 часа на первые 40 ходов и один час на последующие 16 с накоплением времени.

В заключение от имени участников матча выступил первый чемпион мира Вильгельм Стейниц:

— Дамы и господа! Нет таких слов, чтобы в полной мере выразить нашу признательность всемогущей Каиссе за ее поистине божественный дар и гордость за оказанную нам, главным участникам этого беспрецедентного шахматного форума, честь. Наше поколение, которое представлено здесь моими уважаемыми коллегами Чигориным, Ласкером и Таррашем, немало сделало для развития и популяризации шахмат. И радостно сознавать, что наши потомки заметно расширили и творчески обогатили сделанное нами, подняв шахматное искусство на новую, еще более высокую ступень. Наш матч — своеобразный апофеоз шахматного искусства. И поэтому мы, его участники, борясь за победу, прежде всего будем стремиться продемонстрировать красоту, величие и бессмертие шахмат.

Его слова потонули в громе аплодисментов. Затем главный арбитр и его помощники поочередно включили часы на всех десяти столиках, и борьба началась.

Глава 3. СЧЕТ ОТКРЫТ!

Поначалу зрители довольно спокойно реагировали на дебютные перепалки соперников. Вскоре, однако, в зале началось какое-то движение, сопровождаемое легким гулом.

Гул все время усиливался. Пришлось даже главному арбитру выйти на авансцену и красноречивыми жестами призвать любителей шахмат к тишине. Убедившись, что все его старания напрасны, О'Келли огорченно махнул рукой и вернулся на свое место.

Едва он опустился в кресло, как зал разразился аплодисментами: невозмутимо дымивший сигарой Ласкер поздравлял с победой сияющего Алехина.

«Эх, если бы в первом ряду, как прежде, со своим вязаньем сидела бы моя дорогая Марта, я бы не проиграл партию»,— с грустью подумал престарелый доктор.

Из первых рядов зрительного зала было видно, что губы Алехина дрожали. Лишь стоявший рядом Ласкер слышал его взволнованный шепот: «Наконец-то сбылась моя мечта, и я снова представляю свою родину в столь ответственном соревновании!»

Алехин — Ласкер

Ферзевый гамбит

1. d2—d4 d7—d5 2. c2—c4 e7—e6 3. Кb1—c3 Кg8—f6 4. Кg1—f3 Сf8—e7 5. Сc1—g5 Кb8—d7 6. e2—e3 0—0 7. Ла1—c1 c7—c6 8. Сf1—d3 d5 : c4

Этот размен дает черным больше защитительных ресурсов, если предварительно сыграть 8. ... h6 9. Сh4.

9. Cd3 : c4 Кf6—d5 10. Cg5 : e7 Фd8 : e7 11. Кc3—e4

Этот ход столь же хорош, как и более распространенный 11. 0—0, но, вероятно, не лучше. В обоих случаях белые получают преимущество в пространстве и могут не беспокоиться о возможном проигрыше.

11. Кd5—f6 12. Кe4—g3 e6—e5

Интересная попытка Ласкера быстро разрешить проблему развития ферзевого фланга. Капабланка регулярно играл 12. ... Фb4+ и затем после размена ферзей добивался ничьей, хотя и не без трудностей.

13. 0—0 e5 : d4 14. Кg3—f5

Этот на первый взгляд острый ход в действительности не так энергичен, как прямолинейный 14. ed, что ввиду открытой вертикали «е» создало бы для черных реальные трудности в развитии, например: 14. ... Кb6 15. Ле1 Фd6 16. Cb3, и если 16. Cg4, то 17. h3 C : f3 18. Ф : f3, предлагая жертву — пешку d4 — ради сильной атаки.

После хода в партии белые будут вынуждены взять на d4 фигурой и, как следствие из этого, допустить нежелательные упрощения.

14. ... Фе7—d8 15. Кf3 : d4

На 15. Ф : d4 или 15. ed последует 15. ... Кb6.

15. ... Кd7—e5 16. Сc4—b3 Сc8 : f5 17. Кd4 : f5 Фd8—b6?

Черные недооценивают или просматривают ответ, который дает белым сильную и вряд ли отразимую атаку.

Правильный ход, достаточный для уравнения,— это 17. ... g6, как играл Флор против Эйве в Ноттингеме в 1936 году, после чего ни 18. Фd6 (Ле8!), ни 18. Кd6 (Фе7) не сулят белым успеха. 18. Фd1—d6! Кe5—d7.

Так же 18. Кg6 19. Кh6+ gh 20. Ф : f6 Фd8. 21. Фc3 было бы плохо для черных.

19. Лf1—d1 Лa8—d8 20. Фd6—g3 g7—g6 21. Фg3—g5!

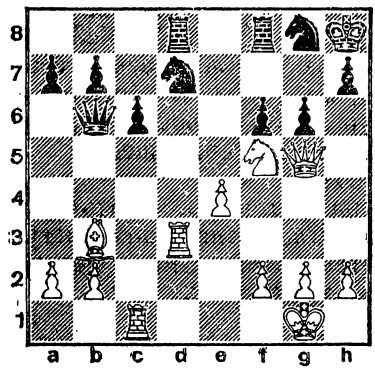
Основная угроза теперь 22. Лd6. У черных уже нет удовлетворительной защиты.

21. Крg8—h8 22. Кf5—d6 Крh8—g7 23. e3—e4!

Не только для того, чтобы использовать пешку для атаки, но также для того, чтобы освободить третью горизонталь для ладей.

23. ... Кf6—g8 24. Лd1—d3 f7—f6

Ход 24. h6 приводил к варианту, похожему на разыгранный в партии: 25. Кf5+ Крh7 26. К : h6! f6 27. Кf5 fg 28. Лh3+, и мат следующим ходом.

25. Кd6—f5+ Крg7—h8 26. Фg5 : g6! Эффектное завершение атаки, которая вряд ли могла быть проведена лучше после поверхностного 17-го хода черных. Черные сдались. Это была первая победа Алехина над Ласкером за долгие годы их увлекательного соперничества.

Глава 4. РАВНОВЕСИЕ ВОССТАНОВЛЕНО

Лишь несколько минут команда России вела в счете. Новый взрыв аплодисментов подвел черту в поединке Стейниц — Чигорин. Соперники разыграли испанскую партию.

1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 Kb8—c6 3. Cf1—b5 Kg8—f6 4. d2—d3 d7—d6 5. c2—c3 g7—g6

Фианкетируя королевского слона, черные одновременно берут под контроль поле f5, куда может направиться ферзевый конь белых.

6. Kb1—d2. Конь начал свой путь. Короля белые либо спрячут на ферзевом фланге (0—0—0), либо оставят в центре. Весь план атаки на королевском фланге определяется дебютным построением. Стейниц таким образом показал, что контуры стратегии миттельшпиля могут быть очерчены уже в начале игры.

6. Cf8—g7 7. Kd2—f1 0—0 8. Cb5—a4

Предвидя маневр Kf6—d7—c5, белые переводят слона на c2. Правда, здесь он до поры до времени будет занимать пассивную позицию. Однако игра в центре может вскрыться (после d3—d4 и e5:d4), и тогда слон станет грозной силой. Поэтому в закрытых вариантах испанской партии черные, как правило, укрепляют пункт e5, держа вражеского слона c2 «в заточении».

8. Kf6—d7. Этот ход Чигорин объяснил следующим образом: «Переведя коня с c5 на e6, я имел в виду препятствовать в ближайшем будущем движению пешки d3 на d4, а также и план атаки с f7—f5».

9. Kf1—e3 Kd7—c5 10. Ca4—c2 Kc5—e6

Черные берут под контроль поле d4, но слон c8 перестает контролировать поле f5. Создавшееся положение характерно для построения Стейница в испанской партии. Позиция пешек d3, c3 и слона на c2 затрудняет черным контригру в центре. Продвижение d3—d4 Стейница пока не интересует. Он занят наступлением на королевском фланге.

11. h2—h4

Белые намерены вскрыть линию «h». Положение белого короля в центре весьма прочно, поэтому нет необходимости готовить длинную рокировку. Ну а шаблонное 11. 0—0 позволило бы черным путем 11. f5 или 11. ... Kf4 с последующим f7—f5 получить контригру.

11. Kc6—e7

Чигорин все же хочет сыграть d6—d5. Но сейчас необходимо было препятствовать дальнейшему движению пешки «h» ходом 11. Kf4. Если тогда 12. g3, то 12. Kh5.

12. h4—h5 d6—d5

Соответствует стратегическому правилу, согласно которому фланговые действия противника лучше всего встретить контригрой в центре. Весь вопрос в том, как

далеко зашла фланговая атака и как защищен контратакованный центр. В данном случае угроза королевскому флангу черных существенна, центр же белых надежно укреплен.

13. h5 : g6 f7 : g6

Ошибка, в результате которой дремавший до сих пор «испанский» слон с выгодой включается в атаку. Правильно было 13. hg, что первоначально наметил Чигорин, когда играл 12. d5.

14. e4 : d5!

Трансформация плана! Удерживать центр уже не надо. После взятия на g6 пешкой «f» возрастает значение диагонали a2—g8.

14. Ке7 : d5 15. Ке3 : d5 Фd8 : d5 16. Сс2—b3

«Испанский» слон занял ключевую диагональ. Связка коня e6 и открытая линия «h» грозят черным катастрофическими последствиями.

16. ... Фd5—c6 17. Фd1—e2

Стейниц препятствует e5—e4. Теперь белые намерены развить ферзевого слона, а затем сделать длинную рокировку.

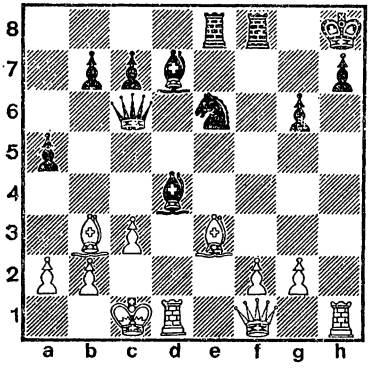
17. Сс8—d7 18. Сс1—e3 Крg8—h8

Освобождая коня от связки, черный король покидает опасную диагональ. Но теперь у белых появляются мотивы, связанные с жертвой ладьи на h7.

19. 0—0—0 Ла8—e8 20. Фе2—f1!

Не только сильный, но и необходимый ход. Иначе после Kf4 черные с темпом перебрасывали коня на d5. Заранее убирая ферзя с вертикали «e», белые не прочь перебросить его на линию «h». Кроме того, они готовят d3—d4, что приведет к вскрытию еще одной диагонали.

20. a7—a5 21. d3—d4! e5 : d4

Вынужденно, так как угрожало 22. d5.

22. Kf3 : d4 Cg7 : d4

Другой размен — 22. ... K : d4 — открывал диагональ слону b3, что позволяло белым нанести смертельный удар: 23. Л : h7+! Кр : h7 24. Фh1+.

23. Лd1 : d4! Ке6 : d4 24. Лh1 : h7+!

Комбинация, основанная на действии дальнобойных слонов.

24. ... Крh8 : h7 25. Фf1—h1+ Крh7—g7 26. Се3—h6+ Крg7—f6 27. Фh1—h4+ Крf6—e5 28. Фh4 : d4+

Черные сдались, не ожидая мата (28. ... Крf5 29. g4х или 29. Фf4х).

— Теперь я могу только пожалеть, что не сыграл 11. ... f5,— грустно проронил Чигорин.

— Позвольте, но ведь это было бы очень рискованно!

— Кто не рискует, тот не выигрывает!

— Если я вас правильно понимаю, любезнейший Михаил Иванович, то вы продолжаете наш давний принципиальный спор.

— В известной степени — да, хотя прошедшие десятилетия дали исчерпывающий ответ: те элементы, которые вы ставите во главу угла — перевес в развитии и пространстве, слабые пункты, открытые линии, пешечное расположение и тому подобное,— сами по себе имеют лишь относительную ценность. В шахматной партии все зависит от конкретного положения.

— Не кажется ли вам, сударь, что в нашем диспуте результат сегодняшнего поединка расставил все точки над i?

— Никоим образом! А вот наш телеграфный матч из двух партий, в которых мы по взаимной договоренности отстаивали свои взгляды в гамбите Эванса и защите двух коней, многое прояснил в этом диспуте. Это не только мое мнение, это давно уже признала история шахмат. Но, отвергая некоторый догматизм ваших концепций, история вместе с тем признала и огромные заслуги гениального художника шахмат Вильгельма Стейница.

— Нет, вы неисправимы,— рассмеялся Стейниц.— А посему давайте лучше присоединимся к Ласкеру и Алехину и понаблюдаем за борьбой на других досках.

Глава 5. БОРЬБЫ НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ

Не успели Стейниц и Чигорин покинуть свой столик, как на девятой доске Портиш и Карпов подписали мирное соглашение. В этой партии соперник экс-чемпиона мира избрал новоиндийскую защиту.

1. c2—c4 Кg8—f6 2. Кb1—c3 e7—e6 3. Кg1—f3 b7—b6 4. g2—g3 Сc8—b7 5. Сf1—g2 Сf8—e7 6. 0—0 0—0 7. Лf1—e1

Венгерскому гроссмейстеру пришлось по душе ново-

введение Петросяна в их матче 1974 года, и теперь он охотно применил его. 7. ... d7—d5 8. c4 : d5 Kf6 : d5 9. Kc3 : d5 e6 : d5 10. d2—d4 Kb8—d7 11. Cc1—f4 c7—c5

Карпов защищается очень точно.

12. d4 : c5 b6 : c5 13. Kf3—d2 a7—a5 14. Ла1—c1 Ла8—a7

Обращают на себя внимание 13-й и 14-й ходы черных. Подобная трактовка позиций с висячими пешками весьма эффективна. В итоге черные получили даже минимальный перевес.

15. Kd2—b1 Kd7—b6 16. b2—b3 d5—d4 17. Cg2 : b7 Ла7 : b7 18. e2—e4 a5—a4 19. Фd1—d3 a4 : b3 20. a2 : b3 Kb6—d7 21. h2—h4 h7—h6 22. e4—e5 Лb7—b6 23. Kb1—a3 Лb6—e6 24. Ka3—c4 Фd8—b8 25. h4—h5 Лf8—e8 26. Лc1—b1 Kd7—b6 27. Cf4—d2 Kb6 : c4 28. b3 : c4 Фb8—a8 29. Лb1—a1 Фa8—b7 30. Ла1—b1 Фb7—a8

Согласились на ничью.

Гроссмейстеры пожали друг другу руки, а затем Карпов, увидев подошедшего Чигорина, виновато улыбаясь, объяснил:

— Понимаете, Михаил Иванович, не получилось борьбы. Все-таки черный цвет. Сначала уравнял игру, затем получил минимальное преимущество, но его было явно недостаточно для победы. А интересы команды не позволяют переступать грань допустимого риска.

Он беспомощно развел руками.

— Ну, полно, полно, голубчик, ничья все-таки лучше, чем поражение,— покачал головой Чигорин.

— Ох уж эти ничьи! — воскликнул Карпов.— Помню, в 1971 году на командном чемпионате СССР моя одноклубница Римма Билунова отложила партию в эндшпиле, который тогдашний чемпион мира Борис Спасский безапелляционно объявил ничейным. Мне же казалось, что у Билуновой есть шансы на победу. Все свое свободное время я искал выигрыш и все-таки нашел его. При доигрывании Билунова, следуя моим рекомендациям, добилась выигрышного положения, но затем ошиблась, и партия завершилась вничью. Когда соперница покинула столик, Билунова дала волю слезам: «Толя весь выходной потратил на анализ, а я его так подвела!» А потом надо мной подшучивали товарищи по команде: «Как тебе не стыдно — женщину до слез довел...»

Чигорин от души рассмеялся, а затем, вдруг став серьезным, сказал:

— А вот я в 1889 году, разделив на международном турнире в Нью-Йорке 1—2-е места с Максом Вейсом, вынужден был, несмотря на недомогание и крайнюю усталость, провести с ним дополнительный матч из четырех партий. Все четыре партии завершились вничью, и мы с Вейсом поделили первый и второй призы. А ведь этого матча могло и не быть, если бы я сделал ничью в партии с Мэзоном. Ничья эта была у меня, как говорится, в кармане. Увы, мой соперник явился на доигрывание пьяным, зная мое отвращение и нетерпимость к подобным явлениям. Я отказался от доигрывания, и мне засчитали поражение. Вот такой ценой я выразил свой протест против нарушения шахматной и человеческой этики.

Он улыбнулся, а затем, протянув руку Карпову, воскликнул:

— Вот что, молодой человек, предлагаю договор: партии второго круга мы с вами обязательно выиграем. По рукам?

— По рукам!

Глава 6. ОШИБКА ЛАРСЕНА

— Кажется, и у Таля с Ларсеном дело идет к ничьей,— взглянув на демонстрационную доску, промолвил Карпов.

— Похоже, что так,— кивнул головой Чигорин.

Оба шахматиста подошли к седьмому столику, возле которого стоял Ласкер.

«Ничья неизбежна»,— красноречивым жестом показал он.

Но именно в этот момент Ларсен неосторожно побил ферзем черную пешку на a7, и через несколько ходов все было кончено.

Ларсен — Таль

Староиндийская защита

1. Кg1—f3 Кg8—f6 2. c2—c4 g7—g6 3. Кb1—c3 Сf8—g7 4. e2—e4 d7—d6 5. d2—d4 0—0 6. Сf1—e2 e7—e5 7. 0—0 Кb8—c6 8. d4—d5 Кc6—e7 9. Кf3—e1 Кf6—d7 10. Кe1—d3 f7—f5 11. Сc1—d2 Кd7—f6 12. f2—f3 f5—f4 13. c4—c5 g6—g5 14. Лa1—c1 Кe7—g6 15. Кc3—b5 Лf8—f7 16. c5 : d6 c7 : d6 17. Фd1—c2 g5—g4 18. Кb5—c7 g4 : f3 19. g2 : f3 Сc8—h3 20. Кc7 : a8 Кf6 : e4 21. f3 : e4

Это — молчаливое предложение ничьей. Ларсен приглашает соперника дать ему вечный шах — 21. Фg5+ и 22. Фh4+. Основательно подумав, черные решили отказаться от ничьей.

21. ... Фd8—g5+ 22. Крg1—f2 Фg5—g2+ 23. Крf2—e1 Кg6—h4

У белых лишние ладья и конь, но позиция крайне острая, и у черных много опасных угроз.

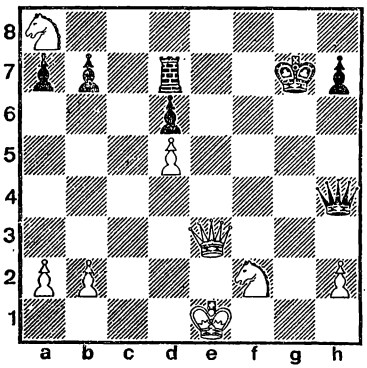
24. Cd2—e3

Черные опасались 24. Кf2, так как не видели в этом случае реального продолжения атаки.

24. ... Фg2 : e4 25. Ce3—f2 f4—f3 26. Cf2 : h4 Фe4 : h4+ 27. Кd3—f2 f3 : e2 28. Фc2 : e2 e5—e4 29. Лf1—g1 e4—e3 30. Фe2 : e3 Лf7—e7 31. Лg1 : g7+ Крg8 : g7 32. Лc1—c7 Ch3—d7 33. Лc7 : d7 Лe7 : d7

Положение, кажется, ничейное. У белых два коня за ладью, но перевес, хоть и небольшой, все же у черных — конь в углу доски отрезан.

Ларсену следовало играть 34. Фc3+ Фf6 35. Фg3+. Он же вдруг нервно взял пешку — на свою погибель.

34. Фe3 : a7? Лd7—e7+ 35. Крe1—d1 Фh4—c4! Решающий ход! 36. Фa7—b6 Фc4—f1+ 37. Крd1—d2 Лe7—e2+ 38. Крd2—c3 Фf1—c1+ 39. Крc3—d4 Фc1—e3+ 40. Крd4—c4 Лe2—c2+, и ввиду неизбежной потери ферзя белые сдались.

Команда России вновь вышла вперед.

Расстроенный Ларсен даже не стал анализировать партию и, протянув руку смущенному Талю, поспешно ушел.

— Даже как-то неудобно,— виновато промолвил Таль.— Такой непостижимый зевок!

— Разве это зевок? — возразил Ласкер.— Вот ход Cd6—b4 — это действительно был зевок.

— Простите, доктор, но в нашей партии не было такого хода,— недоуменно пожал плечами Таль.

— Зато он был в матче Стейниц — Чигорин и стоил последнему, быть может, шахматной короны. Не так ли, любезнейший Михаил Иванович?

— К сожалению, вы правы,— печально улыбнулся Чигорин.

— Господа, посмотрите, какой изумительный ход сделал Ботвинник,— воскликнул подошедший Стейниц, и все устремились к четвертому столику.

Глава 7. ШЕДЕВР МИХАИЛА БОТВИННИКА

30-й ход Ботвинника поверг Капабланку в длительное раздумье. Не отрывая взгляда от доски, кубинец неодобрительно покачивал головой, а затем все-таки принял жертву слона. А спустя 11 ходов счастливый Ботвинник принимал поздравления.

Ботвинник — Капабланка

Защита Нимцовича

1. d2—d4 Кg8—f6 2. c2—c4 e7—e6 3. Кb1—c3 Сf8—b4 4. e2—e3 d7—d5 5. a2—a3 Сb4 : c3+ 6. b2 : c3 c7—c5 7. c4 : d5 e6 : d5 8. Сf1—d3 0—0 9. Кg1—e2

Цель белых ясна: путем f2—f3 и e3—e4 использовать свой пешечный перевес в центре и начать атаку на королевском фланге. Чтобы ослабить это давление, черные разменивают белопольных слонов.

9. ... b7—b6 10. 0—0 Сc8—a6 11. Сd3 : a6 Кb8 : a6 12. Сc1—b2

Неудачный ход. Лучше было предварительное 12. Фd3.

12. ... Фd8—d7 13. a3—a4 Лf8—e8

Шаблонный ход. Путем 13. cd 14. cd Лfc8 черные создавали игру по линии «с», и планы белых остались бы неосуществленными.

14. Фd1—d3 c5—c4 15. Фd3—c2 Кa6—b8 16. Лa1—e1

И белые настроены агрессивно. Иначе они путем 16. Сa3 Кc6 17. Сb4 легко защитили бы свою крайнюю пешку.

16. Кb8—c6 17. Кe2—g3 Кc6—a5

Альтернативы уже нет, так как на 17. Кe4 белые ответили бы 18. Кh1, а затем 19. f3.

18. f2—f3 Кa5—b3 19. e3—e4 Фd7 : a4 20. e4—e5 Кf6—d7

После 20. ... Кc5 21. Лe2 черные теряют фигуру.

21. Фc2—f2

Необходимо удержать коня b3 вне игры (ввиду угрозы 21. ... Кbc5). Сейчас черные должны парировать маневр Кg3—f5—d6.

21. g7—g6 22. f3—f4 f7—f5

Также вынужденно из-за угрозы 23. f5.

23. e5 : f6

Конечно, белые стремятся к вскрытию игры на королевском фланге, пока две фигуры черных отвлечены на другой край доски.

23. Кd7 : f6 24. f4—f5 Ле8 : e1 25. Лf1 : e1 Ла8—e8

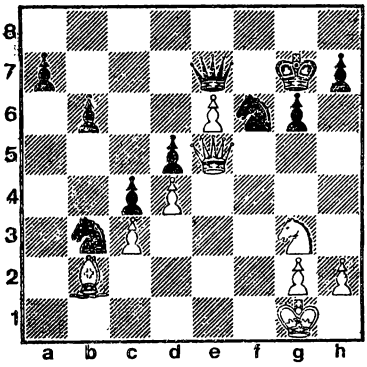
Черные стремятся к упрощениям. Более сложная задача возникла бы перед белыми в случае 25. ... Лf8. Сейчас ничего не дает белым 26. fg hg. С другой стороны, они не могут уклониться от размена ладей, но делают это так, чтобы получить опасную проходную пешку.

26. Ле1—e6 Ле8 : e6 27. f5 : e6 Крg8—g7 28. Фf2—f4

Уже угрожает 29. Кf5+ с решающей атакой.

28. Фа4—e8 29. Фf4—e5 Фe8—e7

А что еще делать черным, когда они в цугцванге? После 29. Ка5 белые с выгодой вводят в игру слона через c1 с сокрушительными угрозами Ch6+ или Фc7+. Черные пытаются выключить слона из игры, но тщетно.

30. Cb2—a3!

Начало 12-ходовой комбинации, приводящей к победе белых. Отклонять жертву не имеет смысла, так как после 30. ... Фe8 31. Фc7+ Крg8 32. Ce7 Kg4 33. Фd7 впору сдаваться.

30. ... Фe7 : a3 31. Kg3—h5+ g6 : h5 32. Фe5—g5+ Крg7—f8 33. Фg5 : f6+ Крf8—g8 34. e6—e7 Фa3—c1+ 35. Крg1—f2 Фc1—c2+ 36. Крf2—g3 Фc2—d3+ 37. Крg3—h4 Фd3—e4+ 38. Крh4 : h5 Фe4—e2+ 39. Крh5—h4 Фe2—e4+ 40. g2—g4 Фe4—e1+ 41. Крh4—h5. Черные сдались.

Перевес шахматистов России возрос до двух очков.

— Благодарю вас за доставленное всем эстетическое наслаждение! — тряся руку Ботвинника, воскликнул Ласкер.— В свое время я пожертвовал Бауэру даже двух слонов, но ваша жертва гораздо изящней.

— Не говоря уже о том, что Бауэр — это не Капабланка,— стараясь хоть как-то утешить кубинца, добавил Алехин.

— Благодарю вас, господин Алехин,— приложив руку к груди, с чувством произнес Капабланка.— Но, право же, я ничуть не расстроен. Ведь мне выпала честь стать соавтором подлинного шедевра.

Все зааплодировали.

— Благодарю вас, господа,— грациозно наклонил голову кубинец.— Однако эти слова принадлежат не мне. Я просто повторил то, что сказал в 1914 году доктор Ласкер под впечатлением моего хода Ла8 в нашем берлинском блицматче.

Он помолчал, а затем, повернувшись к Ботвиннику, сказал:

— Единственное, о чем я хочу вас просить, так это разрешить мне и партию второго круга играть черными. Таков уж мой принцип: черными проиграл, черными и должен взять реванш.

— Не возражаю,— с готовностью ответил Ботвинник.

Глава 8. НИКТО НЕ ХОТЕЛ РИСКОВАТЬ

Основное время первого круга приближалось к концу, а половина участников матча все еще продолжала борьбу. Освободившиеся от игры шахматисты медленно прогуливались вдоль сцены, на ходу обмениваясь впечатлениями.

Но вот из-за восьмого столика поднялись Петросян и Хюбнер и традиционным рукопожатием скрепили мирное соглашение. Их партия развивалась неторопливо и протекала в равной борьбе. А так как никто из соперников не рискнул обострить игру, то ничья и явилась наиболее закономерным итогом.

Петросян — Хюбнер

Ферзевый гамбит

1. d2—d4 d7—d5 2. c2—c4 e7—e6 3. Kb1—c3 Cf8—e7 4. Kg1—f3 Kg8—f6 5. Cc1—g5 0—0 6. e2—e3 h7—h6 7. Cg5—h4 b7—b6

Образовалась позиция, характерная для системы Макагонова — Бондаревского, в которой черные ходом c7—c5 стремятся навязать сложную борьбу в центре.

8. Ch4 : f6 Ce7 : f6 9. c4 : d5 e6 : d5 10. Фd1—d2 Cc8—e6 11. Ла1—d1

Белые концентрируют свои фигуры против пешки d5 — на случай, если черные сыграют обычное c7—c5.

Однако черные вовсе не обязаны так играть, и план белых теряет свою эффективность. Лучше выглядят естественные продолжения 11. Лc1 или 11. Ce2.

11. ... Cf6—e7 12. a2—a3 c7—c6 13. g2—g3 Фd8—c8 14. Cf1—g2 Ce6—h3 15. 0—0 Ch3 : g2 16. Крg1 : g2 Кb8—d7 17. Фd2—e2 Лf8—e8 18. Лd1—d2 Фc8—b7 19. Лf1—b1 a7—a5 20. Фe2—d1 Ce7—d6 21. Фd1—c2 Лa8—c8 22. Лb1—d1 Кd7—f6 23. Крg2—g1 Фb7—d7 24. Крg1—g2 Лc8—b8 25. Лd1—c1 Лe8—c8 26. e3—e4

Маневрирование по своей территории белым ничего не дало, и они вынуждены начать активные операции в центре.

26. d5 : e4 27. Кc3 : e4 Фd7—e6

Здесь белые могли предпринять последнюю попытку в борьбе за инициативу. После 28. К : f6+ Ф : f6 29. d5 cd 30. Ф : c8+ Л : c8 31. Л : c8+ Крh7 32. Лc6! у черных возникали большие трудности. Однако в партии последовало: 28. Ke4 : d6 Фe6 : d6 29. Фc2—f5 Лc8—e8 30. Лc1—e1 Лb8—c8 31. Фf5—d3 Кf6—d5 32. Лe1—e2 Лe8 : e2 33. Фd3 : e2 Фd6—g6 34. Крg2—f1 Фg6—g4 35. Кf3—e5 Фg4—e6 36. Кe5—d3 Фe6 : e2+ 37. Крf1 : e2 f7—f6 38. b2—b4 a5 : b4 39. Кd3 : b4 Кd5—e7.

После 39. К : b4 40. ab шансы белых в ладейном эндшпиле лучше — в связи с более активной позицией короля.

40. d4—d5 c6—c5 41. d5—d6 Лc8—e8! 42. d6—d7, и противники согласились на ничью.

Хюбнер был явно недоволен, а его противник выглядел чуточку расстроенным.

— Вряд ли белые здесь могут добиться большего,— после непродолжительного изучения позиции резюмировал Алехин.

— К сожалению, вы правы,— вздохнул Петросян.— Будь у меня хоть незначительный позиционный перевес, я бы сделал все возможное, чтобы победить.

— А вот Тейхман, помнится мне, имея против Пшепюрки подавляющий перевес, сделал все возможное, чтобы не победить,— рассмеялся Ласкер.

— Грубо ошибся? — поинтересовался Хюбнер.

— Ничуть. Просто Тейхман, боясь опоздать на соревнование по классической борьбе, страстным поклонником которой он был, предложил сопернику ничью, после чего они вместе отправились на поединок двух знаменитых борцов. В момент наивысшей кульминации на ковре горячо переживавший Тейхман вскочил и крикнул: «Дожимай его. Дожимай!» — «Не волнуйтесь,

маэстро, ничего особенного не произойдет,— успокоил его Пшепюрка,— ведь они тоже договорились о ничьей!»

Собеседники Ласкера захохотали, но, увидев укоризненные покачивания головой О'Келли, поспешно разбрелись по сцене.

Глава 9. РАЗРЫВ СОКРАЩАЕТСЯ

Последней в основное время завершилась партия Эйве — Смыслов, в которой советский гроссмейстер избрал защиту Грюнфельда. Однако в миттельшпиле он дважды ошибся, и его соперник уже на 27-м ходу мог завершить борьбу эффектной жертвой ферзя. Эйве не заметил такой возможности, но его перевес был столь значителен, что спустя 15 ходов Смыслов был вынужден признать свое поражение.

1. d2—d4 Кg8—f6 2. c2—c4 g7—g6 3. Кb1—c3 d7—d5 4. Кg1—f3 Сf8—g7 5. Фd1—b3 d5:c4 6. Фb3:c4 0—0 7. e2—e4 Сc8—g4 8. Сc1—e3 Кf6—d7 9. Фc4—b3 Кd7—b6 10. a2—a4

Ход 10. a4 вряд ли сильнее, чем обычный 10. Лd1, так как ослабление пункта b4 очень неприятно сказывается в дальнейшем.

10. a7—a5 11. d4—d5

Это продвижение открывает для черного слона g7 прекрасную диагональ и только ослабляет положение белых в центре. Лучше было 11. Лd1.

11. Кb8—a6?

Явная ошибка. Теперь белые предупреждают ослабление своего королевского фланга и обеспечивают себе более перспективную игру.

12. Сf1—e2 e7—e6

Этим ходом черные только напрасно тратят время, нисколько не облегчая своего положения. Сильнее было 12. Фd6, используя слабость пункта b4 для получения контригры.

13. h2—h3 Сg4:f3 14. Се2:f3 e6:d5 15. e4:d5 Фd8—h4?

При двух слонах и прекрасных шансах на атаку на ферзевом фланге белые стоят уже, несомненно, лучше, но 15-й ход черных теряет еще пару темпов и позволяет белым значительно увеличить свое преимущество. Идея хода 15. Фh4, заключающаяся в переводе ферзя на b4, сама по себе правильна, но черные осуществляют ее

неточно. Следовало играть 15. Фе7 или 15. Фd6 и затем 16. Фb4. Теперь белые легко отражают эту попытку.

16. Кс3—е4!

Прекрасный ход, угрожающий в первую очередь 17. Сg5 с выигрышем ферзя и вынуждающий черные фигуры к отступлению. Положение белых, пожалуй, теперь позиционно выиграно.

16. Ла8—е8

Черные напрасно боялись снять защиту с f7 и сыграть 16. Лfе8. Ладья на f8 теперь стоит очень неудачно, так как при случае возможна угроза Сс5.

17. g2—g3 Фh4—d8 18. d5—d6 Кb6—с8 19. d6 : c7 Фd8 : c7 20. 0—0

Выигрыш белых теперь не вызывает сомнений и является лишь вопросом времени, так как черные фигуры обречены на бездействие и не могут взять под контроль важные центральные поля.

20. ... Ле8—е6 21. Ла1—с1 Фс7—е5 22. Фb3 : b7 Кс8—е7

Если 22. Ф : b2, то 23. Ф : с8 Л : с8 24. Л : с8+ Сf8 25. Сh6 с выигрышем.

23. Ке4—g5!

Это уже наносит черным материальный урон, так как в случае 23. Лd6 ладья погибает ввиду 24. Сf4, а промежуточные ходы 23. Лb8 24. Фа7 существенно не меняют дела.

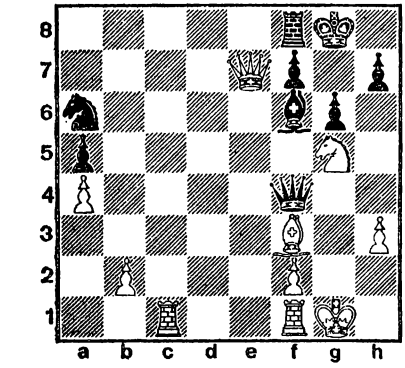
23. Ле6—f6 24. Се3—f4 Лf6 : f4

Вынужденно во избежание потери коня е7.

25. g3 : f4 Фе5 : f4 26. Фb7 : e7 Сg7—f6

На 26. ... Сh6 быстро решает 27. К : f7.

27. Фе7—е3?

До сих пор Эйве прекрасно вел партию, но теперь он упускает возможность изящной заключительной комбинации: 27. Ф : f7+! Л : f7 28. Лс8+ Сd8 29. Л : d8+ Лf8 30. Ке6 и т. д., вынуждавшей черных к немедленной сдаче. Правда, материальный перевес белых настолько велик, что и сделанный ход обеспечивает им легкий выигрыш.

27. Фf4 : e3 28. f2 : e3 Cf6 : g5 29. Лc1—c3 f7—f5 30. Лf1—d1 Кa6—c5 31. b2—b3 Лf8—e8 32. Лd1—d5

Простейший путь к победе. Белые расстаются с пешкой «е», но выигрывают взамен пешку «а» и таким образом получают на ферзевом фланге решающий перевес.

32. Cg5 : e3+ 33. Крg1—g2 Кc5—a6 34. Лd5—d7

Но не 34. Л : a5 ввиду 34. Cd2.

34. ... Ce3—f4 35. Лd7—a7 Кa6—b4 36. Лa7 : a5 Крg8—g7 37. Лa5—b5 Cf4—d2 38. Лc3—c7+ Крg7—f6 39. Лc7—d7 Cd2—e1 40. Лb5—b6+ Крf6—g5 41. h3—h4+ Крg5—f4 42. Лb6 : b4+

Черные сдались.

Счет стал 4 : 3 в пользу шахматистов России.

Главный судья матча объявил перерыв. В трех незавершенных поединках Нимцович добился решающего перевеса в борьбе с Таррашем, Спасский — чуть более активной позиции против Фишера, а в партии Каспаров — Тимман противники, обменявшись серией этюдных ходов, затеяли пешечные гонки на противоположных флангах.

Глава 10. ФИШЕР ФОРСИРУЕТ НИЧЬЮ

В перерыве зрители, вооружившись карманными шахматами, с жаром обсуждали отложенные позиции. Дискуссионные вулканы продолжали извергаться даже и после того, как участники матча возобновили борьбу.

После каждого такого взрыва О' Келли, словно вызываемый на бис полюбившийся публике артист, выходил на авансцену, с той лишь разницей, что вместо поклонов и ослепительных улыбок он почему-то всякий раз прикладывал указательный палец к губам, издавая при этом предостерегающие шипящие звуки.

В партии Спасский — Фишер американский гроссмейстер остановил свой выбор на сицилианской защите. Противники вели борьбу настойчиво, изобретательно, красиво.

1. e2—e4 c7—c5 2. Кg1—f3 d7—d6 3. d2—d4 c5 : d4 4. Кf3 : d4 Кg8—f6 5. Кb1—c3 a7—a6 6. Cc1—g5 e7—e6 7. f2—f4 Фd8—b6 8. Фd1—d2

Ценою пешки белые стремятся побыстрее мобилизовать свои силы для наступления на позицию неприятельского короля.

8. ... Фb6 : b2 9. Кd4—b3 Фb2—a3 10. Сf1—d3 Сf8—e7

10-й ход Фишера позволяет белым пожертвовать вторую пешку.

11. 0—0 h7—h6 12. Сg5—h4

Теперь черные завоевывают еще одну пешку, после чего Спасский смело жертвует и третьего «пехотинца».

12. Кf6 : e4! 13. Кc3 : e4 Се7 : h4 14. f4—f5!

Жертва третьей пешки. Брать ее необходимо ввиду угрозы взятия на e6 или продвижения на f6, а также Фf4. Не считаясь с материалом, белые вскрывают линию.

14. e6 : f5 15. Сd3—b5+!

В этом неожиданном прыжке белопольного слона, лишающего короля противника права на рокировку, соль замысла Спасского.

15. ... a6 : b5 16. Кe4 : d6+ Крe8—f8!

Ошибкой было бы 16. Крe7 ввиду 17. К : b5 Фa6 18. Фb4+ с последующим взятием слона h4.

17. Кd6 : c8 Кb8—c6 18. Кc8—d6

Белые трубят отбой. Более заманчивым кажется 18. Фd7, но после 18. ... g6 черные заканчивают развитие. Вероятно, Спасский почувствовал, что атака не получилась, и стал искать пути к спасению.

18. Ла8—d8 19. Кd6 : b5 Фa3—e7!

Именно этот ход сохраняет перевес за черными.

20. Фd2—f4 g7—g6 21. a2—a4 Сh4—g5

Фишер допускает неточность. Следовало играть 21. Крg7 и после Лhe8 легко завершить развитие, имея лишнюю пешку и выигранную позицию.

22. Фf4—c4 Сg5—e3+ 23. Крg1—h1 f5—f4 24. g2—g3!

Спасский защищается с присущей ему цепкостью и находчивостью, используя все тактические шансы.

24. g6—g5 25. Ла1—e1 Фe7—b4

Фишер стремится перевести игру в эндшпиль, так как угрозы белых 26. gf gf 27. Л : f4 крайне неприятны для него.

26. Фc4 : b4 Кc6 : b4 27. Ле1—e2 Крf8—g7?

Следовало играть 27. Кc6!, предупреждая контригру белых.

28. Кb3—a5! b7—b6 29. Кa5—c4 Кb4—d5

Кони белых получили большую активность и препятствуют вводу черной ладьи. Если 29. Лhe8, то 30. Кbd6 Ле6 31. Кf5+ и 32. Кf : e3 с вероятной ничьей.

30. Кc4—d6 Се3—c5 31. Кd6—b7 Лd8—c8?

После этого хода худшее для белых позади. Значи-

тельно труднее было бы играть, если бы Фишер нанес контрудар — 31. ... Кe3!

32. c2—c4! Кd5—e3 33. Лf1—f3 Кe3 : c4 34. g3 : f4 g5—g4

Теперь уже осторожными должны быть черные — их король легко может попасть под удары белых фигур, и это позиционное преимущество вполне компенсирует недостающую пешку.

35. Лf3—d3 h6—h5 36. h2—h3 Кc4—a5?

Ненужная децентрализация. Белые господствуют на обеих центральных вертикалях, и поэтому черным следовало разменять одну пару ладей: 36. Лhe8! 37. Л : e8 Л : e8 38. К : c5 bc и т. д.

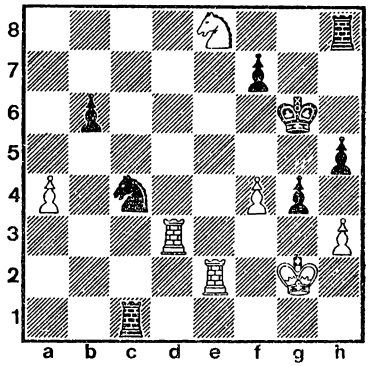
37. Кb7—d6! Cc5 : d6?

Вновь неточность. Только 37. ... Лc6 38. Кe8+ Крg6 оставляло черным шансы на победу.

38. Кb5 : d6 Лc8—c1+ 39. Крh1—g2 Кa5—c4 40. Кd6—e8+!

Спасский ведет защиту с большим подъемом, максимально запутывая игру.

40. Крg7—g6

В этом положении партия была отложена.

При доигрывании последовало: 41. h3—h4! (записанный ход Спасского). 41. f7—f6 42. Лe2—e6 Лc1—c2+ 43. Крg2—g1 Крg6—f5 44. Кe8—g7+ Крf5 : f4 45. Лd3—d4+ Крf4—g3 46. Кg7—f5+ Крg3—f3 47. Лe6—e4 Лc2—c1+ 48. Крg1—h2 Лc1—c2+ 49. Крh2—g1, и соперники согласились на ничью.

Самое удивительное, что оба соперника были недовольны своей игрой. Спасский — тем, что, не допустив ни одной явной ошибки, позволил Фишеру завладеть опасной инициативой. Фишер же не мог простить себе несколько нетипичных для него слабых ходов — особенно 27-й и 31-й,— позволивших Спасскому не только преодолеть все трудности, но и получить более перспективную позицию.

При доигрывании американский гроссмейстер без особых хлопот форсировал ничью, после чего, проана-

лизировав с соперником ключевые моменты борьбы, пожал ему руку и удалился.

Глава 11. ПРОДОЛЖЕНИЕ СПОРА

На третьей доске Тарраш и Нимцович с увлечением, словно не было позади семи десятилетий, продолжали давний и весьма принципиальный спор.

Глава новой школы начала XX столетия всем своим видом показывал, что сегодня основоположнику «неоромантизма» несдобровать.

— Ну-с, господин Нимцович, сегодня я намерен преподать вам урок о пользе «висячих» пешек в ферзевом гамбите, если вы, конечно, не уклонитесь от этого диспута,— поправляя накрахмаленные манжеты, произнес Тарраш.

— Я к вашим услугам, милостивый государь,— не скрывая сарказма, ответил Нимцович.

Тарраш высокомерно посмотрел на соперника и решительно двинул вперед ферзевую пешку.

Тарраш — Нимцович

Ферзевый гамбит

1. d2—d4 d7—d5 2. Kg1—f3 e7—e6 3. c2—c4 c7—c5 4. e2—e3 Kg8—f6 5. Kb1—c3 Kb8—c6 6. Cf1—d3 Cf8—d6 7. 0—0 0—0 8. b2—b3 b7—b6 9. Cc1—b2 Cc8—b7 10. Фd1—e2 d5:c4 11. b3:c4 c5:d4 12. e3:d4

Положительные и отрицательные стороны «висячих» пешек здесь приблизительно уравновешиваются.

12. ... Ла8—c8 13. Ла1—d1

Слабовато. Необходимо было предупредить посредством 13. a3 возможное нападение на слона d3 — наилучшую опору «висячих» пешек. Могло бы последовать: 13. Ka5 14. Ke5 Ca6 (но не 14. ... Kb3 15. Лad1 K:d4 из-за 16. C:h7+ и т. д.) 15. Лad1 C:e5 (15. Фe7? проигрывало фигуру после 16. c5! и т. д., однако внимания заслуживало 15. Фc7, например: 16. Kb5 C:b5 и т. д.) 16. de Kd7, и теперь белые располагают двумя возможностями — 17. Kb5 и 17. c5 Продолжение 17. c5 C:d3 18. Л:d3 Фe7 19. Ke4! (с угрозой 20. Kf6+! и т. д.). 19. Лfd8! 20. cb K:b6 21. Kd6 так же хорошо, как и позиционная трактовка — 17. Kb5 C:b5 18. cb Лc7 19. Фe4 g6 20. Фb4! с солидной игрой, не лишенной все же инициативы, например: 20. Фc8 21. Лfe1 Kc5 22. Cf1 Лd8 23. Cc1! с угрозой Cg5.

13. Кc6—b4 14. Cd3—b1 Cb7 : f3 15. g2 : f3 Cd6—b8! Сильно и 15. ... Кh5.

16. a2—a3 Фd8—c7 17. f3—f4 Фc7 : f4 18. f2—f3 Кb4—c6

Белые потеряли пешку, но наличие у них обоих слонов, линии «g» и, наконец, «висячих» пешек (что тоже имеет значение) сулит им кое-какие шансы на атаку.

19. Кc3—e4 Лf8—d8 20. Крg1—h1 Кc6—e7! 21. Cb2—c1 Фf4—c7 22. Кe4 : f6+ g7 : f6 23. Фe2—g2+ Кe7—g6 24. Cb1—a2 Крg8—h8 25. f3—f4 Кg6—h4 26. Фg2—h3 Кh4—f5 27. d4—d5

Чтобы использовать диагональ b2—f6 для атаки. Продвижение пешек с целью открытия линий для стоящих позади фигур должно быть всецело отнесено к области «динамики». В дальнейшем черные на «динамику» отвечают «статикой», по возможности тормозя и блокируя пешки c4 и d5.

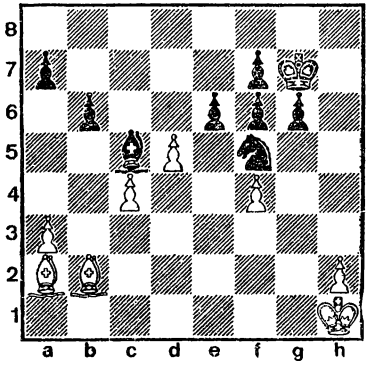
27. ... Лd8—g8 28. Cc1—b2 Лg8—g6 29. Лf1—g1 Лc8—g8 30. Лg1 : g6 Лg8 : g6 31. Лd1—f1 Фc7—c5 32. Фh3—f3 Cb8—d6 (блокирование). 33. Фf3—f2 Фc5 : f2

Блокирующие поля d6 и особенно c5 служат как бы трамплином для всякого рода вторжений в лагерь противника: так, например, грозило Фc5—e3.

34. Лf1 : f2 Cd6—c5 35. Лf2—g2 Крh8—g7 36. Лg2 : g6+ h7 : g6

Теперь выиграть черным уже нетрудно.

37. Крh1—g2 Cc5—d4! 38. Cb2—c1 Cd4—e3 39. Cc1 : e3 Kf5 : e3+ 40. Крg2—f3 Кe3—f5 41. Ca2—b1 Kf5—d6 42. Cb1—d3 e6—e5 43. Крf3—g4 f6—f5+ 44. Крg4—g3 f7—f6 45. h2—h4 Крg7—f7 46. Cd3—e2 Кd6—e8 47. Крg3—f3 Крf7—e7 48. Крf3—e3 Кe8—g7 49. Ce2—f3 Крe7—d6 50. Cf3—d1 Кg7—h5

Черные переводят коня на h5, чтобы раздвоить свои пешки по линии «f», а блокаду пешек пока берет на себя король.

51. f4 : e5+ f6 : e5 52. Крc3—d3 Крd6—c5 53. a3—a4 Кh5—f6 54. Cd1—e2 Kf6—e8 55. Крd3—c3 Кe8—d6 56. Ce2—f1 e5—e4 57. Крc3—d2 f5—f4 58. Крd2—c3 f4—f3

Белые сдались.

Перевес команды России вновь увеличился до двух очков. Тарраш был явно сконфужен. Он категорически отказался анализировать партию и, пробурчав: «Урок переносится на завтра», поспешно покинул сцену.

Глава 12. НИЧЬЯ, НО КАКАЯ!

В партии Каспаров — Тимман творилось что-то невообразимое. Соперники словно воскресили романтические времена Лабурдоне и Морфи.

Новоиндийская защита

1. d2—d4 Кg8—f6 2. c2—c4 e7—e6 3. Кg1—f3 b7—b6 4. Кb1—c3 Сf8—b4 5. Сc1—g5 Сc8—b7 6. e2—e3 h7—h6 7. Сg5—h4 g7—g5 8. Сh4—g3 Кf6—e4 9. Фd1—c2 Сb4 : c3+ 10. b2 : c3 d7—d6 11. Сf1—d3 f7—f5 12. d4—d5 Кe4—c5 13. h2—h4 g5—g4 14. Кf3—d4 Фd8—f6 15. 0—0 Кb8—a6 16. Кd4 : e6! Кc5 : e6 17. Сd3 : f5!

Жертва фигуры за две пешки — очень интересная идея.

17. ... Кe6—g7 18. Сf5—g6+ Крe8—d7 19. f2—f3! Ла8—f8 20. f3 : g4 — третья пешка за фигуру.

20. ... Фf6—e7 21. e3—e4 Крd7—c8 22. Фc2—d2 Крc8—b8

Критический момент партии. Белым необходимо провести e4—e5, после чего позиция черных в центре разваливается.

23. Лf1 : f8+ Лh8 : f8 24. Фd2 : h6

Белые выиграли еще одну пешку, однако теперь Тимман получает определенную контригру.

24. Сb7—c8! 25. Ла1—e1 Сc8 : g4 26. c4—c5!

Блестящая идея! Этот ход еще более закручивает и без того крайне напряженную ситуацию. Если, например, 26. e5, то 26. ... de 27. С : e5 Кf5, и на 28. С : c7+ имеется 28. К : c7. В случае же 26. c5 К : c5 конь отвлекается от защиты пункта c7. 27. e5 de 28. С : e5 Кf5 29. С : c7+ Крa8! (как нетрудно убедиться — единственный ход) 30. Л : e7 К : h6 31. Ce8 Сc8, и у белых лучшие шансы.

26. Фe7—f6!

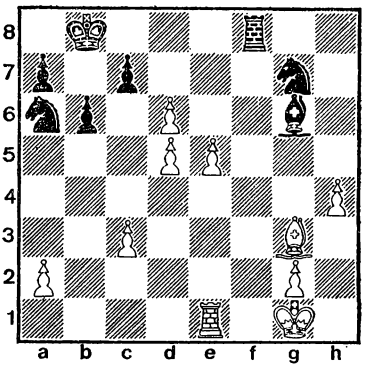
Тимман находит отличную возможность — он собирается использовать связку слона g6, чтобы выиграть его (при этом собственный король его как будто не беспокоит).

27. c5 : d6! Cg4—h5! 28. e4—e5 Фf6 : g6 29. Фh6 : g6 Ch5 : g6

Белые играют эндшпиль без двух фигур!

30. e5—e6! Ka6—c5 31. d6—d7 Kc5 : d7 32. e6 : d7 Лf8—d8 33. Лe1—e6!! Cg6—h5

Любопытна ситуация при 33. К : e6 34. de — белые пешки оказываются сильнее черной ладьи.

34. Cg3—e5 Лd8 : d7 35. Лe6—h6 Ch5—f7 36. Ce5 : g7

Фигур теперь поровну, но возникший эндшпиль с разноцветными слонами и проходными на разных флангах пешками необычайно интересен.

36. ... Cf7 : d5 37. Cg7—e5 Cd5 : a2 38. h4—h5 Kpb8—b7 39. g2—g4 Ca2—c4 40. g4—g5 a7—a5 41. g5—g6 Лd7—d5 42. Ce5—f4 Лd5—f5 43. Cf4—g3 a5—a4 44. Лh6—h7 Лf5—c5 45. h5—h6 a4—a3

Увлекательная пешечная гонка: кто вперед!

46. Лh7—e7 a3—a2 47. Лe7—e1 Cc4—d3 48. h6—h7 Лc5—h5 49. Лe1—a1 Cd3 : g6 50. Лa1 : a2 Лh5 : h7

Напряжение разрядилось. В итоге у черных лишняя пешка, но реализовать этот небольшой перевес вряд ли возможно.

51. Kpg1—f2 Лh7—d7 52. Kpf2—e2 Лd7—d5 53. Лa2—a4 c7—c5 54. Лa4—f4 Cg6—e8 55. Kpe2—e3 Лd5—d1 56. Лf4—e4 Ce8—b5 57. c3—c4 Cb5—d7 58. Kpe3—e2 Лd1—g1 59. Лe4—e7 Лg1 : g3 60. Лe7 : d7+, Kpb7—a6 61. Kpe2—d2 Kpa6—a5 62. Лd7—d6

Согласились на ничью.

Когда гроссмейстеры обменялись рукопожатием, собравшиеся возле их столика шахматисты дружно зааплодировали.

— Благодарю вас, молодые люди,— сердечно произнес Ласкер, пожимая руки Каспарову и Тимману,— наше искусство в надежных руках.

— А вот я должен признать, что был не прав, предсказывая шахматам ничейную смерть! — воскликнул Капабланка.— Такая ничья являет собой подлинный расцвет шахмат и стоит десятка иных побед.

Польщенные похвалой величайших корифеев прошлого, Каспаров и Тимман смущенно молчали.

— Уважаемые коллеги, пресс-бюллетени к вашим услугам,— помахивая толстой пачкой, обратился к участникам матча появившийся в сопровождении Филидора и Петрова Савелий Тартаковер.

— Вот это оперативность! — восторженно воскликнул Ласкер.

— Мне выпала честь сделать последний ход первого круга, и я его сделал,— скромно ответил Тартаковер.

— О, узнаю стиль нашего неподражаемого остроумца! — развернув бюллетень, воскликнул Алехин.— Вот послушайте. «Белый ферзь на c2 опасен, на b3 своеобразен, на d4 энергичен, на f3 самонадеян, на e3 вразумителен, на g5 упрям, на h6 беспощаден».

— Браво! — захлопали присутствующие.

— Или вот еще один шедевр,— продолжал Алехин.— «Тихий ход действует часто как землетрясение».

Он помолчал, а потом, повернувшись к Тартаковеру, сказал:

— Неудивительно, что более полувека назад возникли трения между претендовавшими на вас шахматными федерациями Франции и Польши.

— Причем трения эти заключались в том, что французская федерация настаивала, чтобы я вернулся в Польшу, а польская — чтобы я оставался во Франции,— подхватил Тартаковер, вызвав гомерический хохот окружающих.

Шахматисты постепенно расходились. Последними покидали опустевшее кафе Филидор и Петров.

— Ваши гроссмейстеры играли блестяще,— произнес Филидор.— Но я не сомневаюсь, что главные события матча еще впереди.

— Вы совершенно правы,— кивнул головой Петров.

Глава 13. РЕВАНШ СМЫСЛОВА

Утренние парижские газеты пестрели крупными заголовками: «Россия выходит вперед!», «Первая трагическая опера Филидора», «4 : 6! Можно ли спасти матч?» — и тому подобное. При этом вездесущие журналисты во всех подробностях смаковали все, что так или иначе имело отношение к этому уникальному соревнованию.

Особую пикантность поединкам второго круга придавала публикация в «Котидьен де Пари» под заголовком: «Главный приз — ...борода Фишера». Корреспон-

дент газеты сообщал читателям, что, по его мнению, главной сенсацией матча явилось согласие Фишера дать интервью одному из представителей столь ненавистного ему клана журналистов. Беседу, длившуюся всего три минуты, Бобби закончил категорическим утверждением, что его победа над Спасским позволит команде Филидора впервые повести в счете и это будет решающий перелом в матче. «В противном случае,— добавил Фишер,— я обещаю публично... сбрить свою бороду».

Вновь, как и накануне, на всех десяти досках завязались жаркие теоретические дуэли.

Смыслов уже на 12-м ходу пожертвовал Эйве пешку. Голландский шахматист не разобрался в ситуации, отстал в развитии, и его король попал под сокрушительную атаку.

Смыслов — Эйве

Испанская партия

1. e2—e4 e7—e5 2. Кg1—f3 Кb8—c6 3. Сf1—b5 a7—a6 4. Cb5—a4 Кg8—f6 5. 0—0 Кf6 : e4 6. d2—d4 b7—b5 7. Ca4—b3 d7—d5 8. d4 : e5 Cc8—e6 9. Фd1—e2!

Этот ход очень силен, так как черным доставляет большие трудности угроза атаки пункта d5.

9. Кe4—c5 10. Лf1—d1 Кc5 : b3 11. a2 : b3 Фd8—c8 12. c2—c4!

Белые предлагают жертву пешки, получая взамен прекрасное развитие и атаку на короля противника.

12. d5 : c4

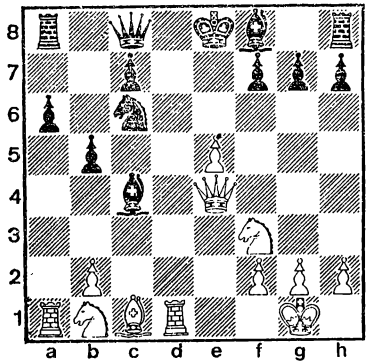
Относительно лучшие шансы на оборону давало 12. bc 13. bc Кb4, хотя после 14. Кc3! белые сохраняют значительное позиционное преимущество. С другой стороны, отклонение жертвы пешки неприемлемо для черных уже потому, что их система развития была направлена именно на предотвращение хода c2—c4. Неудовлетворительно также 12. Кb4 13. cb ab 14. Л : a8 Ф : a8 15. Ф : b5+ c6 16. Фb6, и у черных нет достаточной компенсации за потерянную пешку.

13. b3 : c4 Ce6 : c4 14. Фe2—e4

К этой позиции и стремились белые, предлагая жертву пешки. Они надеются использовать слабости черных на ферзевом фланге, а также ненадежное положение черного короля. И действительно, защита для черных теперь очень трудна.

14. Кc6—e7?

Эта защита плоха и быстро ведет к безнадежному положению для черных, так как они значительно отста-

ют в развитии, а их король попадает под решающую атаку.

15. Кb1—a3 c7—c6 16. Ка3 : c4 b5 : c4 17. Фе4 : c4 Фc8—b7

В случае 17. Фе6 белые могли жертвовать ферзя: 18. Л : a6 Ф : c4 19. Л : a8+ Кc8 20. Л : c8+ Крe7 21. Лc7+ с решающей атакой. В случае 17. ... Кd5 следует 18. Кd4, либо оттесняя коня, либо выигрывая пешку c6.

18. e5—e6 f7—f6 19. Лd1—d7 Фb7—b5 20. Фc4 : b5 c6 : d5 21. Кf3—d4 Лa8—c8

Угрожало 22. К : b5. Черные уже не в состоянии защитить пешки своего ферзевого фланга.

22. Сc1—e3 Кe7—g6 23. Лa1 : a6 Кg6—e5 24. Лd7—b7 Сf8—c5 25. Кd4—f5 0—0 26. h2—h3, и черные сдались.

Счет стал 7 : 4 в пользу шахматистов России.

Даже самые неисправимые оптимисты считали, что исход матча предрешен, а Михаил Таль, не удержавшись, подошел к столику Фишера и, поглаживая свой подбородок, скорбным голосом произнес: «Плакала твоя борода, Бобби!»

Погруженный в глубокое раздумье американец еще крепче обхватил голову руками.

Глава 14. НЕПРОБИВАЕМАЯ КРЕПОСТЬ ХЮБНЕРА

Ситуация в матче требовала от команды Филидора самых энергичных действий. Особенно в тех партиях, где избранные шахматисты мира играли белыми.

Тем не менее, несмотря на право выступки, Хюбнер в партии с Петросяном, не надеясь переиграть своего грозного противника, построил непробиваемую крепость, и после 27 ходов гроссмейстеры заключили мир.

Хюбнер — Петросян

Сицилианская защита

1. e2—e4 c7—c5 2. Кg1—f3 e7—e6 3. d2—d4 c5 : d4 4. Кf3 : d4 Кg8—f6 5. Кb1—c3 d7—d6 6. Сf1—c4

Белые решают играть вариант Созина. Достаточно

опасным продолжением для черных считается 6. g4, ведущее к острой игре с перевесом у белых.

6. Cf8—e7 7. Cc1—e3 0—0 8. f2—f4

В подобных позициях белым рекомендуется отвести слона на b3, чтобы воспрепятствовать продвижению d5 или угрозе К:e4 с последующим d5. Видимо, Хюбнер в случае 8. Cb3 опасается маневра 8. Ка6 9. Фе2 Кс5 и, прежде чем сделать длинную рокировку, надо играть 10. f3. Но ведь в случае 8. Ка6 возможно 9. f4 Кс5 10. Фf3, и белые имеют выбор между короткой и длинной рокировкой. После 8. f4 у черных легкая жизнь.

8. d6—d5 9. Cc4—d3 d5:e4 10. Кс3:e4 Кf6—d5

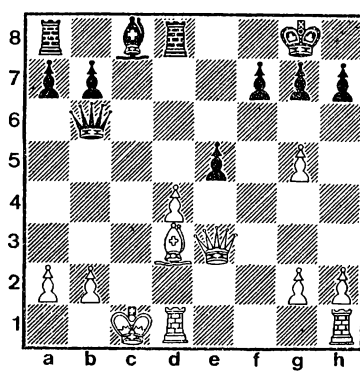
Используя неудачное скопление белых фигур в центре, черные перехватывают инициативу.

11. Фd1—f3 Кd5:e3 12. Фf3:e3 Фd8—b6 13. 0—0—0 Лf8—d8 14. c2—c3

Наиболее естественное продолжение. При заманчивом 14. Кg5 возникал форсированный вариант: 14. C:g5 15. fg Л:d4 16. C:h7+ Кр:h7 17. Л:d4. В этом положении после 17. Крg8 18. Фd3 Кс6 19. Лd6 Фа5 ничья для белых — предел мечтаний. Впрочем, если бы вместо 19. Лd6 белые сыграли бы 19. Лh4, то после 19. g6 20. Фh3 черным весьма трудно защищаться от мата, так как на 20. ... Крf8 последует 21. Фf3!

14. ... Кb8—c6 15. Ке4—g5 Ce7:g5 16. f4:g5 Кс6:d4 17. c3:d4 e6—e5

Сыграно энергично и последовательно. При спокойном развитии 17. Cd7 белые могли создать опасные угрозы на королевском фланге после 18. h4.

18. Фе3:e5 Cc8—e6 19. Крc1—b1 Лd8—d5

На это и рассчитывали черные. Пешку d4 они вскоре отыгрывают и сохраняют лучшую позицию.

20. Фе5—e4 g7—g6 21. Cd3—c4! Ce6—f5 22. Cc4:d5 Cf5:e4+ 23. Cd5:e4 Лa8—d8 24. h2—h4

Один из видов позиционной ничьей. Белые соорудили «крепость», разрушить которую черные не в состоянии.

24. ... Лd8:d4 25. Лd1:d4 Фb6:d4 26. Ce4:b7 Крg8—f8 27. Cb7—f3 Фd4—f2

Согласились на ничью.

— Я бы все же рискнул вместо 14. c3 сыграть 14. Kg5,— не очень уверенно произнес наблюдавший за партией Эйве.

— Играть с Петросяном в равной позиции на выигрыш — это рубить сук, на котором сидишь,— словно оправдываясь, ответил западногерманский гроссмейстер.

Экс-чемпион мира понимающе кивнул головой.

— Нет, действительно,— не успокаивался Хюбнер,— даже Таль на моем месте вряд ли сумел бы изыскать какие-либо атакующие ресурсы.

— Тем паче что сейчас Таль изыскивает ресурсы, отнюдь не атакующие,— указывая на демонстрационную доску, промолвил Эйве.

Хюбнер поднял голову и, переводя взгляд от одной доски к другой, воскликнул:

— Посмотрите, как красиво атакует короля Нимцовича доктор Тарраш!

Не успел он закончить эту тираду, как зал разразился аплодисментами. Грациозно склонив голову, Тарраш с наслаждением упивался минутами славы.

Глава 15. ТАРРАШ ОБЪЯВЛЯЕТ МАТ

— Господин Тарраш, я готов с прилежанием гимназиста внимать каждому вашему ходу! — с нескрываемой иронией воскликнул Нимцович, передвинув ферзевую пешку на два поля вперед.

Тарраш гневно блеснул стеклами своего пенсне и в тон сопернику ответил:

— Я ценю ваше прилежание, господин Нимцович, и постараюсь достойно вознаградить его.

На этом словесная перепалка закончилась, и соперники всю свою энергию сосредоточили на шахматных фигурах.

С некоторой перестановкой ходов был разыгран симметричный вариант защиты Тарраша. Снова у автора этого варианта образовались «висячие» пешки, но на этот раз он действовал изобретательно, энергично и на 19-м ходу эффектно пожертвовал слона. Эта комбинация вызвала аплодисменты в зале, и воодушевленный поддержкой зрителей Тарраш даже отказался от очевидного мата на 30-м ходу, предпочтя отправить коро-

ля соперника в долгое изгнание, где и объявил ему эффектный мат.

Нимцович — Тарраш

Ферзевый гамбит

1. d2—d4 d7—d5 2. Кg1—f3 c7—c5 3. c2—c4 e7—e6 4. e2—e3 Кg8—f6 5. Сf1—d3 Кb8—c6 6. 0—0 Сf8—d6

Размены в центре — 6. cd 7. ed dc — приводили к позиции с изолированной пешкой d4. Избирая защиту, носящую его имя — 1. d4 d5 2. c4 e6 3. Кc3 (или 3. Кf3) 3. c5, Тарраш охотно шел на изоляцию своей центральной пешки.

7. b2—b3 0—0 8. Сc1—b2 b7—b6 9. Кb1—d2

Нимцович первым нарушает фигурную, а затем и пешечную симметрию.

9. ... Сc8—b7 10. Ла1—c1 Фd8—e7 11. c4 : d5 e6 : d5 12. Кf3—h4 g7—g6 13. Кh4—f3

Вызвав ослабляющий позицию короля ход g7—g6, конь возвратился на место.

13. ... Ла8—d8 14. d4 : c5 b6 : c5

Слабы или сильны «висячие» пешки «с» и «d»? Слабы, поскольку их приходится защищать фигурами (продвижение одной сразу же ослабит поле перед другой). При этом размены фигур, как правило, выгодны стороне, играющей против «висячих» пешек. Однако открытые линии и потенциальная возможность ходом d5—d4 начать комбинационные действия против королевского фланга (а также пункта «e3») дают черным определенные контршансы.

15. Сd3—b5 Кf6—e4 16. Сb5 : c6 Сb7 : c6 17. Фd1—c2 Кe4 : d2 18. Кf3 : d2 d5—d4!

Вступление к блестящей комбинации. Черным представилась выгодная возможность открыть диагональ слону c6. Этот ход последовал бы и на 18. Ф : d2.

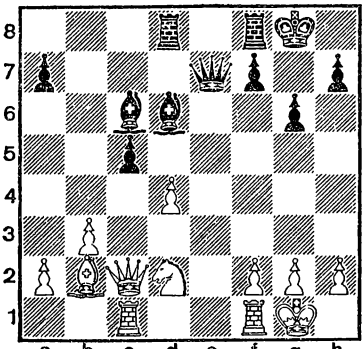
19. e3 : d4

19. Сd6 : h2+!

Если бы Тарраш не был знаком со знаменитой партией Ласкер — Бауэр, он, быть может, вместо 19. ... С : h2+ обнаружил бы другой, не столь яркий, но убедительный путь к победе: 19. С : g2! 20. Кр : g2 (на 20. dc решает 20. ... Фg5) 20. ... Фg5+ 21. Крf3 (если 21. Крh3, то 21. ... Фh5+, а на 21. Крh1 следует 21. Фf4) 21. Лfe8! 22. Лg1 Фf4+ 23. Крg2 Ле2 — и от мата нет защиты.

20. Крg1 : h2 Фe7—h4+ 21. Крh2—g1 Сc6 : g2! f2—f3

Вторую жертву принимать нельзя. На 22. Кр : g2 вы-

игрывает 22. ... Фg4+ 23. Крh1 Лd5. Чтобы защищаться от мата, белые вынуждены отдать ферзя, однако после 24. Ф : c5 Лh5+ 25. Ф : h5 Ф : h5+ черные выигрывают коня и без труда побеждают.

22. Лf8—e8! 23. Кd2—e4

Если 23. Кр : g2, то 23. Ле2+ — и мат в два хода.

23. ... Фh4—h1+ 24. Крg1—f2 Сg2 : f1

Материальный перевес уже на стороне черных, так как взять слона белые не могут: если 25. Л : f1, то 25. Фh2+ и затем 26. Ф : c2.

25. d4—d5

Попытка «сдвоить» ферзя и слона и создать угрозы по большой диагонали.

25. ... f7—f5! 26. Фc2—c3 Фh1—g2+ 27. Крf2—e3 Ле8 : e4+!

Блестящая жертва!

28. f3 : e4 f5—f4+

Находясь во власти необъяснимого эстетического озарения, Тарраш отказывается от «грубого» мата в три хода: 28. ... Фg3+ 29. Крd2 Фf2+ 30. Крd1 Фe2x.

29. Крe3 : f4 Лd8—f8+ 30. Крf4—e5

Белый король под конвоем следует во вражеский лагерь.

30. ... Фg2—h2+ 31. Крe5—e6 Лf8—e8+ 32. Крe6—d7 Сf1—b5x

Нимцович растерянно смотрел на своего погибшего короля, а затем с трудом выдавил:

— Если бы не моя ошибка на 19-м ходу, результат был бы иным.

— После драки кулаками не машут,— явно наслаждаясь беспомощностью поверженного соперника, назидательно произнес Тарраш.

— Доктор, обратите внимание, какую коварную ловушку Ласкеру поставил Алехин,— пришел на помощь Нимцовичу Эйве.

— Шахматы — искусство, а не игра в ловушки,— едва взглянув на демонстрационную доску, высокопарно произнес Тарраш.

Он вновь повернулся к своему противнику, но того за столиком уже не было.

Глава 16. ЛАСКЕР ЕСТЬ ЛАСКЕР!

Партия Ласкер — Алехин протекала необычайно остро. Оба великих шахматиста играли с таким вдохновением, что, казалось, никому из них не удастся взять верх. Однако в самый напряженный момент борьбы Алехин попал в цейтнот, и чаша весов стала склоняться в пользу Ласкера.

Скованный недостатком времени, Алехин тем не менее сумел поставить своему гениальному сопернику коварнейшую ловушку.

Но Ласкер есть Ласкер! Тонко разобравшись в ситуации на доске, он уверенно довел партию до победы.

Контргамбит Альбина

1. d2—d4 d7—d5 2. c2—c4 e7—e5 3. d4 : e5 d5—d4 4. Кg1—f3 Кb8—c6 5. a2—a3 Сc8—g4 6. Кb1—d2 Фd8—e7

Контргамбит Альбина изобилует ловушками. Сейчас, например, грозит 7. ... К : e5, и на 8. К : d4 черные объявляют мат 8. Кd3х. Вообще, ход 6. Фe7 не очень хорош: черные отыгрывают пешку, но при этом пока блокируют свой королевский фланг.

7. h2—h3 Сg4 : f3 8. Кd2 : f3 0—0—0 9. Фd1—d3

Развивающий ход и в то же время косвенная защита гамбитной пешки: 9. К : e5 10. Фf5+ Кd7 11. К : d4 9. h7—h6 10. g2—g3 g7—g6 11. Сf1—g2 Сf8—g7

При внешнем сходстве в развитии сторон есть существенная разница: слон g2 будет поддерживать опасную комбинированную атаку на вражеского короля, а слон g7 упрется в собственную пешку, за которой будет простираться пустынная диагональ (после b2—b4 и Ла1—c1).

12. 0—0 Кc6 : e5 13. Кf3 : e5 Сg7 : e5 14. b2—b4! f7—f5!

Алехин не намерен безропотно ждать своей участи. Он наметил замечательное комбинационное построение, которое осталось не разгаданным его партнером.

15. c4—c5 Фe7—e6 16. c5—c6 Кg8—e7

Алехин проявляет хладнокровие, пропуская пешку на b7. Правда, выбор у него был невелик — в случае 16. bc 17. Фa6+ черные недолго смогли бы продержаться.

17. c6 : b7+ Крc8—b8

Спасение черным может принести только встречная атака в центре и на королевском фланге.

18. Сc1—b2

Неточность. В критический момент слон ушел с решающей диагонали c1—h6. Необходимо было 18. Cd2.

18. ... Лd8—d6 19. Лa1—c1 Лh8—d8 20. Лc1—c2 f5—f4! 21. g3 : f4 Ce5 : f4 22. Лf1—d1

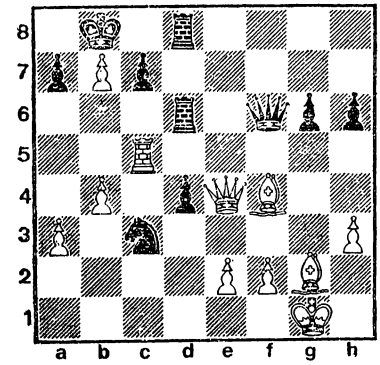
Сейчас самое время было сыграть 22. Cc1.

22. ... Кe7—f5 23. Cb2—c1 Кf5—e3! 24. Лc2—c5! Фe6—f6

Черные ничего не достигнут, взяв ладью (ввиду 25. C : f4), но слона на g2 взять было самое время. Однако Алехин не желает блестяще задуманный набег коня завершить простым разменом, он помышляет о выигрыше.

25. Фd3—e4! Кe3 : d1

Взяв ладью, Алехин решил, что все в порядке, так как следующим ходом конь с темпом утверждается на c3, хотя правильно было взять слона на g2.

26. Cc1 : f4 Кd1—c3

27. Cf4 : d6!!

Если теперь 27. К : e4, то 28. C : c7+ Кр : b7 29. C : e4+ Крc8 30. Ce5+ или 29. ... Крa6 30. Лa5x (или 30. b5x). А в случае 27. ... cd решает 28. Лc8+ Л : c8 29. bcФ+ Кр : c8 30. Фa8+, поэтому 27. ... Фf6 : d6 28. Фe4—c5 Фd6—b6.

В этот момент Алехин уже был в цейтноте. Но он успел все-таки поставить поистине дьявольскую ловушку: сейчас Ласкеру предлагается сыграть 29. Лc6, и после 29. Ф : b7 30. Л : c3 dc 31. C : b7 c2! черные выигрывают.

Но Ласкер уверенно обходит подводные рифы.

29. Фe5—e7 Фb6—d6 30. Лc5—e5 d4—d3 31. e2 : d3 Фd6 : d3 32. Лe5—e3 Фd3—d1+ 33. Крg1—h2 Кc3—b5 34. Лe3—e6 Кb5 : a3 35. Лe6—f6 с неотвратимой угрозой Лf6—f8.

Черные сдались.

Преимущество сборной России сократилось до одного очка.

Глава 17. ЛАРСЕН СРАВНИВАЕТ СЧЕТ

Бент Ларсен был настроен как никогда воинственно.

— Яд пешки а7 до сих пор отравляет все мое существо. Я рвусь в бой и жажду реванша,— не скрывая своих намерений, бросил он Талю.

— Тогда начнем! — тоном бывалого дуэлянта проговорил Таль, посылая вперед королевскую пешку.

Ларсен тут же ответил выпадом пешки ферзевого слона.

На 15-м ходу Таль пожертвовал качество. Датчанин встал, неторопливо снял пиджак и повесил его на спинку стула. Затем он, не колеблясь, принял жертву. Таль стал подолгу задумываться и уже в середине партии незаметно попал в цейтнот. Заторопившись, рижанин дважды ошибся, чем незамедлительно воспользовался Ларсен. В последний раз Таль мог добиться ничьей на 28-м ходу, но вместо этого он дал импульсивный шах конем. Дальнейшие ходы советский шахматист делал по инерции и опомнился лишь тогда, когда откладывать партию не имело уже никакого смысла.

Таль — Ларсен

Сицилианская защита

1. e2—e4 c7—c5 2. Kg1—f3 d7—d6 3. d2—d4 c5 : d4 4. Kf3 : d4 Kg8—f6 5. Kb1—c3 Kb8—c6 6. Cc1—g5 e7—e6 7. Фd1—d2 Cf8—e7 8. 0—0—0 0—0 9. f2—f4 Kc6 : d4 10. Фd2 : d4 Фd8—a5 11. Cf1—c4 Cc8—d7 12. Крc1—b1 Cd7—c6 13. Лh1—f1 h7—h6 14. Cg5—h4 Фa5—h5 15. g2—g3 g7—g5 16. f4 : g5 h6 : g5 17. Лf1 : f6 Ce7 : f6 18. Фd4 : f6 g5 : h4 19. g3 : h4 Крg8—h7 20. e4—e5 d6 : e5 21. Лd1—f1

Белые шли на эту позицию, полагая, что она в их пользу. Но нужно отдать должное Ларсену, нашедшему сильный защитительный ход. Кроме того, на последующие 19 ходов у белых оставалось только 20 минут.

21. Фh5—g6! 22. Фf6 : e5 f7—f5 23. Cc4—d3

Нужно было играть 23. Ke2 и на 23. Фf6 24. Ф : e6, после чего у белых, несмотря на отсутствие качества, хороший эндшпиль.

23. ... Фg6—f6 24. Фe5—e3 Лa8—d8 25. Kc3—e2 a7—a6 26. Ke2—f4 e6—e5 27. Kf4—h3 e5—e4 28. Kh3—g5+

После 28. Ce2 позиция белых еще вполне защитима, но, сказав невпопад «а», Таль так же невпопад произнес и «б».

28. ... Крh7—h8 29. Фе3—e2 Фf6—h6 30. Cd3—c4 f5—f4 31. Кg5—f7+ Лf8 : f7 32. Cc4 : f7 f4—f3 33. Фе2—c4 Фh6—f6 34. Фc4—b3 Фf6—d4 35. a2—a3 e4—e3 36. Лf1—c1

Не проходит 36. Фе6 из-за 36. ... Фd1+.

36. e3—e2 37. Фb3—e6 Фd4—f4 38. Фе6—e7 Фf4 : c1+ 39. Крb1—a2 Фc1—g1 40. Фе7 : d8+ Крh8—h7

Таль печально задумался, записал на бланке очередной ход — 41. Cc4 — и... сдался.

Счет в матче стал равным — 7,5 : 7,5.

— Вендетта по-сицилиански в датском стиле,— подвел невеселый итог Таль.

Поздравляя Ларсена, он сказал:

— Я точно рассчитал все варианты, связанные с жертвой качества, но не учел лишь одного.

— Какого?

— Что вы снимете пиджак!

Датчанин долго смеялся, а затем заключил:

— Даже при равном счете я отдал бы предпочтение Талю, который не только красиво побеждает, но и, что особенно ценно, красиво, истинно по-джентльменски проигрывает.

Он хотел что-то добавить, но в это время зал вновь взорвался аплодисментами — зрители приветствовали Фишера, эффектно завершившего партию со Спасским.

Глава 18. ФИШЕР ВЕРЕН СЕБЕ

Как и в первом круге, Фишер опоздал к началу партии ровно на пятнадцать минут. Когда Альберик О' Келли учтиво поинтересовался причиной опоздания, Бобби снисходительно бросил в ответ:

— Я и так пошел на большие уступки организаторам, согласившись играть на шестой доске и разрешив установить в зале телевизионные камеры. Но чтобы мне досаждали эти прохвосты с фотоаппаратами — этого я никогда не допущу. Если бы им отвели для съемок не десять, а тридцать минут, я опоздал бы на тридцать пять. Понятно?

С этими словами он приветливо протянул руку Спасскому и сделал первый ход.

Был разыгран ферзевый гамбит. Спасский избрал защиту Тартаковера, в которой, как показали события на доске, Фишер чувствовал себя словно в родной стихии.

Сделав в миттельшпиле подряд два инертных хода, Спасский вскоре допустил решающую ошибку. Став хозяином положения, Фишер действовал безошибочно и завершил борьбу эффектной жертвой ладьи.

Фишер — Спасский

Ферзевый гамбит

1. c2—c4 e7—e6 2. Kg1—f3 d7—d5 3. d2—d4 Kg8—f6 4. Kb1—c3 Cf8—e7 5. Cc1—g5 0—0 6. e2—e3 h7—h6 7. Cg5—h4 b7—b6 8. c4 : d5 Kf6 : d5 9. Ch4 : e7 Фd8 : e7 10. Kc3 : d5 e6 : d5

Главная позиция всей системы игры в данном варианте. Черные готовят продвижение c7—c5, чтобы получить две связанные пешки в центре. Сильные эти пешки или слабые? Решению этого вопроса подчинены дальнейшие стратегические планы соперников.

11. Ла1—c1 Cc8—e6 12. Фd1—a4 c7—c5 13. Фa4—a3 Лf8—c8 14. Cf1—b5!

Если черные теперь выведут коня на d7, белые разменяют его, и их конь будет значительно сильнее вражеского слона. Приходится прогонять слона с b5, но тогда безнадежно слабой окажется черная пешка a6. Вот на таких тонкостях основана искусная игра Фишера.

14. ... a7—a6? 15. d4 : c5 b6 : c5 16. 0—0 Ла8—a7? 17. Cb5—e2 Kb8—d7

Спасский явно переоценивает свои защитные возможности. Ему не следовало допускать следующего хода белых. Предпочтительнее было 17. Фf8 или 17. Kpf8.

18. Kf3—d4!

Этим неожиданным маневром коня с последующей жертвой пешки белые захватывают инициативу.

18. Фe7—f8

Здесь и в дальнейшем Спасский обороняется неточно. Вместо 18. Фf8 лучше было подготовиться к операциям белых в центре и сыграть 18. Kf6.

19. Kd4 : e6 f7 : e6 20. e3—e4!

Спасский явно не ожидал этой глубоко продуманной жертвы пешки. Наряду с давлением на «висячие» пешки белые планируют наступление на королевском фланге. Сейчас черные должны были поддерживать напряжение в центре, продолжая 20. ... Kf6.

20. d5—d4?

Трудно даже объяснить, как мог шахматист силы Спасского сделать столь плохой ход. Черные пешки те-

перь обесцениваются, белый слон получает грозную диагональ, благодаря чему белые легко добиваются выигрышного положения.

21. f2—f4! Фf8—e7 22. e4—e5 Лc8—b8 23. Ce2—c4

Белые, не торопясь, «настраивают» свои фигуры. В этот момент у Спасского была последняя возможность обострить борьбу, продолжая 23. ... Кb6. Конечно, вариант 24. Ф:c5 К:c4 25. Ф:c4 Л:b2 26. Ф:d4 Л:a2 27. Лc8+ выглядит страшновáто, но терять черным практически нечего.

23. ... Крg8—h8 24. Фa3—h3! Кd7—f8 25. b2—b3 a6—a5 26. f4—f5! e6:f5 27. Лf1:f5

Белые поля в лагере черного короля безнадежно ослаблены, и речь идет уже о матовой атаке.

27. ... Кf8—h7 28. Лc1—f1 Фe7—d8 29. Фh3—g3 Лa7—e7 30. h2—h4

Белые имеют подавляющее превосходство. Их фигуры расположены идеально и словно ждут сигнала перейти к решительным действиям. Этим сигналом будет движение центральной пешки «е».

30. ... Лb8—b7 31. e5—e6 Лb7—c7 32. Фg3—e5 Фd8—e8 33. a2—a4, пресекая последнюю попытку контригры.

33. ... Фe8—d8 34. Лf1—f2 Фd8—e8 35. Лf2—f3 Фe8—d8 36. Cc4—d3!

Белые выстраивают батарею по диагонали b1—h7, создавая матовые угрозы.

36. ... Фd8—e8 37. Фe5—e4 Кh7—f6

Угрожало 38. Лf8+! К:f8 39. Л:f8+ и 40. Фh7х.

38. Лf5:f6!

Несложная, но очень эффектная жертва качества.

38. ... g7:f6 39. Лf3:f6 Крh8—g8 40. Cd3—c4 Крg8—h8 41. Фe4—f4

Ввиду многочисленных угроз черные сдались.

Когда Спасский протянул руку победителю, наиболее рьяные поклонники американского гроссмейстера начали дружно скандировать: «Боб-би! Боб-би!»

Радостно пожимали руки Фишеру и его товарищи по

команде. Даже невозмутимый Тарраш подошел к сияющему триумфатору и, сняв пенсне, приветствовал его едва уловимым наклоном головы.

Счастливый американец на этот раз великодушно позволил фотографировать себя ворвавшимся на сцену корреспондентам.

— Браво, Бобби! — похлопал его по плечу Таль.— За такую бороду стоило бороться!

— Господа, взгляните на четвертую доску! — воскликнул Нимцович.— Сейчас Ботвинник сыграет Фc3, и счет в матче вновь станет равным.

Глава 19. ТРАГЕДИЯ В ЦЕЙТНОТЕ

Перед началом партии Ботвинник — Капабланка оба шахматиста уведомили судейскую коллегию о достигнутой ими договоренности относительно цвета фигур. Тут же был подписан соответствующий протокол, после чего соперники начали борьбу.

В дебюте Рети Ботвинник добился ощутимого преимущества, которое в миттельшпиле приняло столь грозные очертания, что его победа казалась лишь делом непродолжительного времени.

Однако в цейтноте советский шахматист сначала выпустил выигрыш, а следующим ходом и вовсе погубил столь удачно складывавшуюся для него партию.

Ботвинник — Капабланка

Дебют Рети

1. Кg1—f3 Кg8—f6 2. c2—c4 e7—e6 3. g2—g3 b7—b6 4. Cf1—g2 Cc8—b7 5. 0—0 c7—c5 6. b2—b3 Кb8—c6

Первая неточность, которая в дальнейшем приводит ко все возрастающим затруднениям. Правильно было 6. Ce7 с последующим 0—0. Теперь же черные принуждаются к выгодным для белых разменам.

7. Cc1—b2 Cf8—e7 8. Кb1—c3 0—0 9. d2—d4 Кc6 : d4

Вынужденно, так как в случае 9. cd 10. К : d4 белый слон g2 оказывает сильное давление по диагонали.

10. Кf3 : d4 Cb7 : g2 11. Крg1 : g2 c5 : d4 12. Фd1 : d4 Фd8—c7

Преимущество белых становится весьма реальным. Они выиграли в пространстве,— кроме того, у черных слаба пешка «d».

13. e2—e4 Ла8—d8 14. Ла1—d1 Фc7—b7 15. f2—f3 Кf6—e8 16. Лd1—d2 f7—f5. Главным образом для защиты с поля f7 пешки d7.

17. Лf1—d1 Ce7—g5 18. Лd2—d3 Cg5—f6 19. e4—e5 Cf6—e7 20. Фd4—f2 Лf8—f7 21. Фf2—d2 Ce7—b4 22. a2—a3 Cb4—f8 23. Кc3—e2 Ke8—c7 24. Ke2—f4 g7—g6

Белые имеют подавляющее позиционное преимущество и могут его реализовать различными способами.

25. h2—h4 b6—b5 26. c4 : b5 Фb7 : b5 27. Лd1—c1! Фb5—b7 28. Лc1 : c7

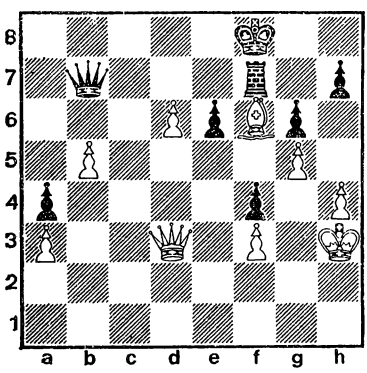
Белые выигрывают пешку, но создают весьма сложную позицию. Сразу выигрывало 28. Фa5 d5 29. ed C : d6 (если 29. Л : d6, то 30. Фe5) 30. Ce5, и черным не избежать значительных материальных потерь.

28. Фb7 : c7 29. Kf4 : e6 d7 : e6 30. Лd3 : d8 f5—f4 31. g3—g4 Фc7—e7 32. Крg2—h3 Фe7—b7 33. Фd2—d3 Крg8—g7 34. b3—b4 a7—a5 35. b4—b5 a5—a4 36. g4—g5 Cf8—c5 37. Лd8—d6

У белых лишняя пешка и преимущество в центре и на ферзевом фланге. Однако предпринятая ими жертва качества создает сложную позицию, требующую точной игры.

37. Cc5 : d6 38. e5 : d6+ Крg7—f8 39. Cb2—f6?

Этот ход выпускает выигрыш. Правильно было 39. Фc3 Крe8 40. Фc6+ Лd7 41. Ce5 или 39. Фc3 e5 40. Фc6 e4 41. fe f3 42. Cd4! — и в обоих вариантах белые выигрывают без особого труда.

39. Крf8—e8 40. Cf6—e7?

Решающая ошибка. Продолжая 40. Крg2 Крd7 41. Фc4, белые легко добивались ничьей. Теперь же белые проигрывают.

40. Лf7—f5! 41. Фd3—c3 Крe8—d7 42. b5—b6 Фb7—c6

Немедленно выигрывает. Любопытно, что после 42. Лb5 43. Фc7+ Ф : c7 44. bc Лb3 45. Крg2 белые добивались ничьей, так как после 45. Л : a3 46. c8Ф+ Кр : c8 47. d7+ Кр : d7 48. C : a3 выигрывали уже белые.

43. Фc3—g7 Фc7 : f3+ 44. Крh3—h2 Фf3—g3+ 45. Крh2—h1 Фg3 : h4+ 46. Крh1—g1 Фh4—e1+ 47.

Крg1—h2 Крd7—c6 48. Фg7—b2 Лf5—d5 49. Фb2—c2+ Крc6—b5. Белые сдались.

Теперь уже с перевесом в два очка лидировала команда избранных шахматистов мира.

Глава 20. ОТКУДА БЕРЕТСЯ ВДОХНОВЕНИЕ!

Когда главный арбитр объявил перерыв, незавершенными, как и накануне, оказались три партии. Чигорин, играя со Стейницем, выиграл качество, но первый чемпион мира изобретательно защищался и рассчитывал на ничью. Не потерял шансов разделить очко с Карповым и Портиш, переведший партию в окончание с разноцветными слонами. К мирному исходу стремился и Тимман, но его задача была более сложной, так как владевший грозной инициативой Каспаров имел за ладью двух отлично взаимодействовавших друг с другом коней.

Напряжение в матче достигло предела. Даже в перерыве зрительный зал гудел, как потревоженный улей. Когда же шахматисты вновь появились на сцене, шум в зале заметно усилился. Все попытки судейского трио добиться тишины успеха не имели. Любителей шахмат настолько захватил дух борьбы, что они ощущали себя ее полноправными участниками, ликуя и страдая вместе с победителями и побежденными.

В партии Тимман — Каспаров советский шахматист после 22 ходов уравнял игру, а затем, использовав ошибку соперника, перехватил инициативу. Серией точных ходов Каспаров пресек все попытки голландского гроссмейстера разменять ферзей, и после эффектного 51-го хода черных Тимман остановил часы.

Испанская партия

1. e2—e4 e7—e5 2. Кg1—f3 Кb8—c6 3. Сf1—b5 a7—a6 4. Сb5—a4 Кg8—f6 5. 0—0 Сf8—e7 6. Лf1—e1 b7—b5 7. Сa4—b3 d7—d6 8. c2—c3 0—0 9. h2—h3 Сc8—b7 10. d2—d4 Лf8—e8 11. Кb1—d2

В «матче века» в Лондоне в 1984 году Тимман против Каспарова применил иную расстановку: Сb3—c2, затем a2—a4 и b2—b4.

11. ... Се7—f8 12. a2—a3 h7—h6 13. Сb3—c2 Кc6—b8 14. b2—b4

Главная идея варианта — белые намерены сыграть Сc1—b2 и c3—c4, после чего белые слоны оказывают сильное давление на неприятельский королевский фланг.

14. Kb8—d7 15. Cc1—b2 g7—g6 16. c2—c4 e5 : d4

Хуже 16. ... bc из-за 17. de.

17. c4 : b5 a6 : b5 18. Kf3 : d4 c7—c6 19. a3—a4 b5 : a4 20. Cc2 : a4 Фd8—b6

Каспаров применяет новое продолжение — чаще встречалось 20. ... Лc8.

21. b4—b5 c6 : b5 22. Ca4 : b5 d6—d5!

Черные уравняли игру.

23. Лa1 : a8 Cb7 : a8 24. Фd1—a4 Kd7—c5 25. Фa4—c2 Лe8—b8! 26. e4 : d5 Kf6 : d5 27. Kd2—c4

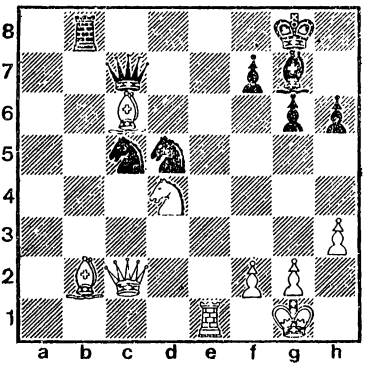
Редкий случай — четыре коня сходятся в центре доски. Преимущество в подобных ситуациях имеет тот, чьи фигуры более устойчивы, то есть лучше защищены. В этом плане позиция Каспарова заслуживает предпочтения.

27. Фb6—c7 28. Kc4—e5 Cf8—g7 29. Ke5—c6

Переоценка собственных шансов — лучше 29. Kf3, стремясь к упрощениям.

29. Ca8 : c6 30. Cb5 : c6

Под боем оба черных коня. И у черных, и у белых фигуры «висят». Но Каспаров любит такую игру.

30. ... Kd5—f4! 31. Cc6—b5?

Просмотр, хотя черные уже, похоже, перехватили инициативу.

31. ... Лb8 : b5! 32. Kd4 : b5 Фc7—c6 33. f2—f3 Фc6 : b5. У черных два коня за ладью, но ограниченность оставшегося на доске материала создает определенные трудности при реализации перевеса.

34. Cb2 : g7 Kpg8 : g7 35. Фc2—c3+ Kpg7—g8 36. Фc3—e5 Kf4—e6

Кони начали взаимодействовать друг с другом.

37. Лe1—a1 Фb5—b7

Попытка ладьи прорваться на восьмую горизонталь четко отражается Каспаровым.

38. Фe5—d6 h6—h5 39. Kpg1—h1 Kpg8—h7 40. Лa1—c1 Фb7—a7! 41. Лc1—b1 Ke6—g7! 42. Лb1—b8 Kc5—e6

Сооружение из коней подвинулось к королевскому флангу, и восьмой ряд вновь надежно прикрыт.

43. Фd6—e5 Кe6—d4!

Грозит 44. Фa1+ 45. Крh2 К:f3+ с выигрышем ферзя.

44. Лb8—b1 h5—h4 45. Фe5—b8 Фa7—e7 46. Фb8—b4 Фe7—f6

Надежда разменять ферзей не сбывается.

47. Фb4—f8 Кd4—e2! 48. Лb1—d1 Кg7—f5 49. Фf8—b8 Кf5—e3 50. Фb8—d8 Фf6—f4 51. Лd1—e1 Кe3—f1!

Грозит 52. ... Фh2х. Если же 52. Л:f1, то 52. Кg3+ 53. Крg1 Фe3+ 54. Лf2 Фe1+ 55. Крh2 Фh1х.

Белые сдались.

Счет в матче стал 9,5:8,5 в пользу шахматной дружины Филидора.

Подписав бланк, Тимман встал и протянул руку Каспарову. Лишь густой румянец на щеках выдал его состояние.

— Гарри, вы играли с большим вдохновением! — воскликнул он.

— Вы правы,— улыбнулся Каспаров.— Настолько большим, что его хватит еще не на одну партию.

С этими словами он взял со столика начатую плитку шоколада «Вдохновение» и показал ее сопернику. С минуту голландский гроссмейстер недоуменно взирал на застывшую в изящном пируэте балерину, изображенную на обертке, а затем, уловив нехитрую игру слов, рассмеялся.

Каспаров тем временем извлек из небольшого черного «дипломата» точно такую же, но нераспечатанную плитку и протянул ее Тимману.

— Теперь вдохновение всегда будет с вами,— под общий смех заключил он.

Глава 21. «ИСПАНСКАЯ ПЫТКА» ВМЕСТО ЛУВРА

Перед началом партии с Карповым Портиш неожиданно признался:

— Имейте в виду, что я на любом ходу согласен на ничью.

Поймав недоуменный взгляд Карпова, он, улыбнувшись, добавил:

— Конечно, подобные заявления не в моем духе, но уж очень хочется сегодня успеть в Лувр. Был бы весьма польщен, если бы вы составили мне компанию.

Карпов, внимательно взглянув на соперника, загадочно улыбнулся и ответил:

— В 1966 году в ленинградском турнире «Мастера против кандидатов» в последнем туре я играл против своего будущего секунданта Игоря Зайцева. Я уже обеспечил себе звание мастера и поэтому не возражал против ничьей. Мы разыграли русскую партию. После 1. e4 e5 2. Кf3 Кf6 3. d4 К:e4 4. Cd3 d5 5. К:e5 Кd7 я ожидал спокойное 6. К:d7, с тем чтобы, быстро заключив мир, отправиться в Русский музей. Но Зайцев неожиданно сыграл 6. К:f7! Я тут же ответил 6. Фе7, полагая, что ничья не за горами. Однако белые вдруг пожертвовали ферзя, сыграв 7. К:h8! Пришлось мысли о Русском музее выкинуть из головы. Далее последовало 7. ... Кc3+ 8. Крd2 К:d1 9. Лe1 К:f2 10. С:h7 Кe4+ 11. Л:e4 de 12. Cg6+. Только теперь я понял, что придумал Зайцев! Ничья его тоже устраивала, но ему захотелось, если можно так выразиться, ничьей «с перцем». Я ответил 12. ... Крd8, и после 13. Кf7+ Крe8 14. Кd6+ Крd8 15. Кf7+ была зафиксирована ничья вечным шахом.

С этими словами Карпов решительно двинул вперед королевскую пешку. Венгерский гроссмейстер тут же ответил 1. e7—e5.

Противники разыграли испанскую партию. Аккуратной игрой Портиш уравнял позицию, но на 36-м ходу допустил серьезную ошибку, и Карпов немедленно нанес эффектный удар, пожертвовав ферзя за ладью. В дальнейшем советский гроссмейстер действовал очень точно и добился заслуженной победы.

Карпов — Портиш

Испанская партия

1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 Kb8—c6 3. Cf1—b5 a7—a6 4. Cb5—a4 d7—d6 5. 0—0 Cf8—e7 6. Ca4:c6+ b7:c6 7. d2—d4 e5:d4 8. Kf3:d4 c6—c5

Вынужденно, так как на 8. Cd7 могло последовать 9. Фf3 или 9. Cf4, и черным трудно защищаться от e4—e5, после чего их пешечная цепь будет разбита.

9. Kd4—c6!? Фd8—d7 10. Kc6—a5

«Соль» замысла белых. Они стремятся помешать нормальному развитию черных фигур, но при этом сами теряют время. Портиш выравнивает положение.

10. ... Ce7—f6! 11. Фd1—d3 Kg8—e7 12. Kb1—c3 Ла8—b8 13. Ла1—b1 0—0 14. Cc1—d2 Cf6:c3 15. Cd2:c3 Кe7—c6 16. a2—a3

Размена коней белые не могли избежать. На 16. Кс4 последовало бы 16. ... Кb4 17. Фg3 Фg4, и шансы черных, по крайней мере, не хуже.

16. Кс6 : a5 17. Сс3 : a5 Лf8—e8 18. Лf1—e1 Лe8—e6 19. c2—c4 Сс8—b7 20. f2—f3 Лb8—e8 21. Фd3—d2 Сb7—c6 22. b2—b3 Фd7—e7?

Черным следовало продолжать 22. ... Лg6! и если 23. Сс3, то 23. ... f5!

23. Фd2—f4! Лe8—b8 24. Са5—c3

Теперь у белых небольшое, но стойкое преимущество. Черные обречены на полную пассивность, хотя их позиция крепка.

24. f7—f6 25. Крg1—f2 Фe7—f7 26. h2—h4! Лe6—e8 27. g2—g4!

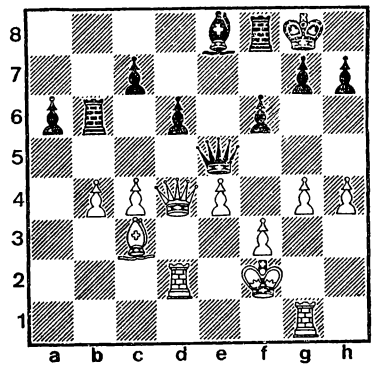
Белые активизировали свои силы на королевском фланге. Теперь черные находятся под постоянной угрозой прорыва g4—g5.

27. ... Лb8—b7 28. Лb1—b2 Лe8—b8 29. Лe1—b1 Лb8—f8 30. Лb1—g1 Сс6—d7

Прорыва g4—g5 белые пока провести не могут. Поэтому они готовят b3—b4, после чего ладья b2, свободная от защиты пешки b3, может быть использована на королевском фланге.

31. Фf4—e3! Фf7—e6 32. Фe3—d3 Cd7—c6 33. b3—b4 c5 : b4 34. a3 : b4 Сс6—e8 35. Лb2—d2 Лb7—b6 36. Фd3—d4 Фe6—e5?

Ошибка. Защищаться можно было двумя путями: пассивно — 36. ... Фe7 и активно — 36. ... c5.

37. Фd4 : b6! Фe5—h2+ 38. Крf2—e1! Фh2 : d2+ 39. Крe1:d2 c7:b6 40. Лg1—a1

Теперь белые форсированно выигрывают пешку, но разноцветные слоны позволяют черным рассчитывать на ничейный исход.

40. Се8—f7 41. Лa1 : a6 Лf8—b8 42. Крd2—d3 h7—h5 43. b4—b5! Пожалуй, сильнейшее! Белые фиксируют неприятельские пешки на полях цвета своего слона.

43. ... h5 : g4 44. f3 : g4 Лb8—c8 45. Лa6—a4 Cf7—e6 46. g4—g5 f6—f5 47. e4 : f5 Се6 : f5+ 48. Крd3—d4 Крg8—f7 49. Сс3—b4 Крf7—e6 50. Лa4—a6 Лc8—b8

Ничего не давала и попытка контригры 50. ... Лh8 51. Л:b6 Л:h4+ 52. Крс3 Лh3+ 53. Крb2 Лd3 54. c5 и так далее.

51. h4—h5 Cf5—g4 52. h5—h6 g7:h6 53. g5:h6 Cg4—f5 54. Cb4—d2 Лb8—g8 55. Cd2—f4!

Самое точное. В случае 55. Л:b6 Лg4+ 56. Крс3 Лg3+ 57. Крb4 Лg4 у черных определенная контригра.

55. ... Лg8—b8 56. Лa6—a7 Крe6—f6 57. Лa7—g7 Cf5—e6 58. Лg7—c7 Лb8—h8 59. Лc7—c6 Лh8—g8 60. Лc6:d6 Крf6—f5 61. Лd6:b6 Лg8—g4 62. Лb6:e6! Крf5:e6 63. Крd4—e4 Лg4—g1 64. b5—b6. Черные сдались.

Победа Анатолия Карпова позволила шахматистам России сравнять счет — 9,5 : 9,5.

Глава 22. ПОБЕДНАЯ ТОЧКА ЧИГОРИНА

Теперь все зависело от исхода партии Чигорин — Стейниц. Получив по дебюту некоторое преимущество, Чигорин заиграл с юношеским задором. Создавая одну угрозу за другой, он вынудил Стейница ошибиться и выиграл качество за пешку.

Зрители бурно реагировали на каждый ход соперников. Особо восторженную реакцию зала вызвал 36-й ход Чигорина, тонко пожертвовавшего пешку.

Вскоре соперники перенесли тяжесть борьбы в эндшпиль. Все участники матча обступили их столик. Даже невозмутимые доселе арбитры, покинув свои кресла и не обращая уже никакого внимания на клокочущий зал, с увлечением следили за титанической борьбой двух шахматных гениев.

— Вот уж поистине Моцарт против Сальери,— шепнул Котов.

— Вы совершенно правы,— отозвался стоявший рядом с ним Ласкер.— Даже сам Чигорин однажды заметил: «Я считаю, что мы со Стейницем представляем собой просто два разных направления в нашем искусстве. И если бы это не звучало как преувеличение, я сказал бы, что он напоминает Сальери, тогда как мне хотелось бы быть Моцартом».

— Что ж, шахматное искусство для Чигорина всегда было смыслом его жизни, как музыка для Моцарта,— тихо отозвался Котов.

Тем временем Чигорин, демонстрируя тончайшее понимание эндшпиля, добился решающего перевеса и на 83-м ходу вынудил своего великого соперника сложить оружие.

Чигорин — Стейниц

Испанская партия

1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 Kb8—c6 3. Cf1—b5 d7—d6 4. d2—d4 Cc8—d7 5. d4:e5 d6:e5 6. 0—0 Cf8—d6 7. Kb1—c3 Kg8—e7 8. Cc1—g5 f7—f6

9. Cg5—e3 0—0 10. Cb5—c4+ Kpg8—h8 11. Kc3—b5

Здесь представлялась другая атака: 11. Kh4 и затем Фh5 или Фf3 и Kf5.

11. Ke7—c8 12. Фd1—d2 Фd8—e8

Лучшей защитой, вероятно, было 12. Фe7.

13. Ла1—d1!

Угрожая 14. K:c7.

13. ... Cd7—g4 14. Cc4—e2 Kc6—d8 15. c2—c4 Kd8—e6 16. h2—h3

Чтобы отвлечь слона от защиты коня e6 или вызвать обмен фигур.

16. Cg4—h5 17. c4—c5 Cd6—e7

Здесь черные могли временно выиграть ферзя всего за две фигуры, но их позиция была бы совершенно расстроена, пожалуй, даже безнадежна. 17. ... C:f3 18. gf C:c5 19. C:c5 (если 19. K:c7, то 19. ... Фg6+ 20. Kph2 C:e3, и черные выигрывают). 19. Kf4 20. Ф:f4! (если 20. Kph2, то 20. Фh5, и белым все же придется взять ферзем коня, хотя затем они возьмут еще ладью f8, однако у черных здесь лучшие шансы, чем в предлагаемом главном варианте) 20. ... ef 21. C:f8 Ф:f8 22. K:c7 (с угрозой Ke6) Kb6 23. K:a8 и затем Лd2 и Лfd1 с легким выигрышем.

18. Фd2—d5 Фe8—c6 19. Ce2—c4 Ch5—e8 20. a2—a4 Ke6:c5

Ошибка, стоящая качества. Черные могли получить приемлемую игру, продолжая 20. ... Ф:d5 21. C:d5 (если 21. ed, то 21. ... C:b5 22. ab K:c5 к выгоде черных 21. ... c6 22. C:e6 cb 23. Cd5 Cc6 и т. д.).

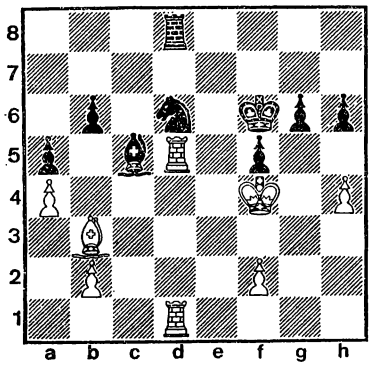
21. Ce3:c5 Ce7:c5 22. Фd5:c6 Ce8:c6 23. Kb5:c7 Kc8—d6 24. Cc4—b3 Cc6:e4 25. Kc7:a8 Ce4:f3 26. g2:f3 Лf8:a8 27. Лd1—d5 b7—b6 28. Лf1—d1 Лa8—d8 29. Kpg1—g2 a7—a5 30. Cb3—c2 g7—g6 31. h3—h4 Kph8—g7 32. f3—f4 e5:f4 33. Kpg2—f3 f6—f5 34. Kpf3:f4 Kpg7—f6 35. Cc2—b3 h7—h6

36. h4—h5!

Сыграно с высшим мастерством!

36. g6 : h5

В распоряжении черных не было ничего лучшего. Если 36. g5+, то белые отступают королем, затем играют Ле1 и потом переводят вторую ладью на е6; на Ле1 черные не могут отвечать Ле8 ввиду Л : d6+.

37. Сb3—c2 Крf6—e7 38. Лd5—e5+ Кре7—f8

Потеря времени. Лучше было перевести короля на ферзевый фланг.

39. Ле5 : f5+ Крf8—e7 40. Лf5—e5+ Кре7—d7 41. f2—f3 h5—h4 42. Крf4—g4 Лd8—g8+ 43. Крg4 : h4 Лg8—g2 44. Сc2—f5+ Крd7—c6 45. b2—b3 Сc5—f2+ 46. Крh4—h3 Лg2—g3+ 47. Крh3—h2 Лg3 : f3 48. Крh2—g2 Лf3—f4

На 48. Л : f5 последовало бы 49. Л : d6+.

49. Сf5—e6 Сf2—c5 50. Сe6—d5+ Крc6—d7 51. Ле5—e6 Кd6—f5 52. Сd5—c4+ Крd7—c7 53. Лd1—d3 h6—h5 54. Сc4—b5 Лf4—g4+

Больше шансов на ничью давало 54. Лf2+ 55. Крh3 Сd6 56. Ле2 Лf4 (если 56. Л : e2, то 57. Лc3+, и т. д.) 57. Лc3+ Сc5 и т. д.

55. Крg2—h2 Лg4—h4+ 56. Лd3—h3 Сc5—d6+ 57. Крh2—g2 Лh4—g4+ 58. Крg2—f1 Кf5—g3+ 59. Крf1—f2 h5—h4 60. Ле6—h6!

Этим превосходным ходом белые заставляют противника отказаться от атаки на белого короля, так как теперь черный слон должен защищать пешку.

60. ... Лg4—f4+ 61. Крf2—g2 Сd6—e7 62. Лh6—c6+ Крc7—b7 63. Лc6—c4 Лf4—f8 64. Лc4—d4 Крb7—c8 65. Лd4—d7 Се7—d8 66. Лh3—h2! Кg3—e4 67. Лd7—g7 Кe4—c5 68. Лh2—h3 Сd8—f6 69. Лg7—g6 Сf6—d8 70. Сb5—c4 Лf8—f4 71. Лh3—f3 Лf4—d4 72. Лg6—g7 Крc8—b8 73. Лf3—f7 Лd4—d6 74. Крg2—h3 Лd6—d2 75. Лg7—h7 Лd2—d6 76. Сc4—f1! Кc5—e6

Если 76. ... К : b3, то 77. Лb7+ Крc8 78. Са6 с угрозой Лbc7+ и Лc8х.

77. Лf7—d7!

Единственный правильный ход. Если 77. Лb7+, то

77. Крс8, и черные угрожают ходом Кс7 отрезать ладью и выиграть качество.

77. ... Лd6—c6 78. Крh3—g4 Лc6—c7 79. Cf1—c4 Лc7 : c4+ 80. b3 : c4 Крb8—c8 81. Лd7—d6 Кe6—c5 82. Лd6—c6+ Крс8—b8 83. Лh7—h8. Черные сдались. Если 83. ... Кb7, то 84. Л : b6.

Когда расстроенный Стейниц протянул Чигорину руку, в зале началось что-то неописуемое. «Чи-го-рин! Чи-го-рин!» — неистово скандировали любители шахмат. Поздравив соперника, первый чемпион мира, повернувшись лицом к зрителям, воскликнул:

— Трижды ура сильнейшей шахматной державе мира!

Его слова потонули в грохоте аплодисментов. «Росси-я! Рос-си-я!» — неслось из бурлящего зала.

Глава 23. КАИССА

Спустя несколько минут на авансцену вышел главный арбитр матча Альберик О' Келли. Он поднял руку, но взбудораженный зал продолжал бушевать. Тогда О' Келли жестами призвал участников занять свои места за шахматными столиками.

Мало-помалу зал успокоился.

— Матч команд России и избранных шахматистов мира всех времен завершился победой сборной России со счетом 10,5 : 9,5, — торжественно провозгласил О' Келли.

Ответом ему послужил новый взрыв аплодисментов.

— А теперь всех нас ожидает главный сюрприз! — воскликнул О' Келли и удалился на свое место.

Вслед за этим перед изумленными участниками праздника предстала богиня шахмат Каисса. Грациозно ступая, она подошла к микрофону и, вынув его из штатива, улыбаясь, сказала:

— Как видите, и мы, боги, с удовольствием используем достижения земной цивилизации.

Ее слова вызвали бурное извержение страстей на сцене и в зале. «Спа-си-бо! Спа-си-бо!» — на разных языках неслось со всех сторон.

Покровительница шахмат растроганно внимала искренним излияниям своих благодарных подданных. Наконец она подняла руку. Наступила тишина.

— Друзья мои! — воскликнула Каисса.— Поздравляю организаторов и участников матча, всех любителей

древней игры с замечательным праздником, который всем нам подарили шахматы!

Я счастлива, что шахматное искусство, покоряя пространство и время, покоряет и сердца людей, даруя им удивительную радость — радость творчества, общения, сближения.

И пусть единственными полями сражений останутся стадионы, спортивные площадки и, конечно же, шестьдесят четыре клетки шахматной доски!

Проходят годы, десятилетия, столетия. Одни поколения людей сменяют другие. А шахматы остаются вечно молодыми. Они вечны, как вечна сама жизнь.

Во второй части книги использованы следующие партии (после фамилий соперников указаны место, дата встречи и авторы комментариев).

Стейниц — Чигорин, 4-я партия матча, Гавана, 1892, Я. Нейштадт.

Чигорин — Стейниц, 3-я партия матча, Гавана, 1889, В. Стейниц, М. Чигорин.

Алехин — Ласкер, Цюрих, 1934, А. Алехин.

Ласкер — Алехин, Петербург, 1914, Б. Вайнштейн.

Тарраш — Нимцович, Гамбург, 1910, А. Нимцович.

Нимцович — Тарраш, Петербург, 1914, Я. Нейштадт.

Ботвинник — Капабланка, Роттердам, 1938, М. Ботвинник.

Ботвинник — Капабланка, Москва, 1936, М. Ботвинник.

Эйве — Смыслов, Москва, 1948, П. Керес.

Смыслов — Эйве, Москва, 1948, П. Керес.

Спасский — Фишер, 7-я партия матча, Рейкьявик, 1972, А. Котов, В. Корчной.

Фишер — Спасский, 6-я партия матча, Рейкьявик, 1972, Д. Бронштейн, А. Котов, М. Таль.

Ларсен — Таль, 5-я партия матча, Эрсель, 1969, М. Таль.

Таль — Ларсен, 6-я партия матча, Эрсель, 1969, М. Таль.

Петросян — Хюбнер, 2-я партия матча, Севилья, 1971, И. Жданов.

Хюбнер — Петросян, 3-я партия матча, Севилья, 1971, В. Оснос.

Портиш — Карпов, 3-я партия матча, Милан, 1975, И. Зайцев.

Карпов — Портиш, 2-я партия матча, Милан, 1975, А. Карпов.

Каспаров — Тимман, 4-я партия матча, Хилверсюм, 1985, Ю. Разуваев.

Тимман — Каспаров, 1-я партия матча, Хилверсюм, 1985, Ю. Разуваев.

ЛИТЕРАТУРА

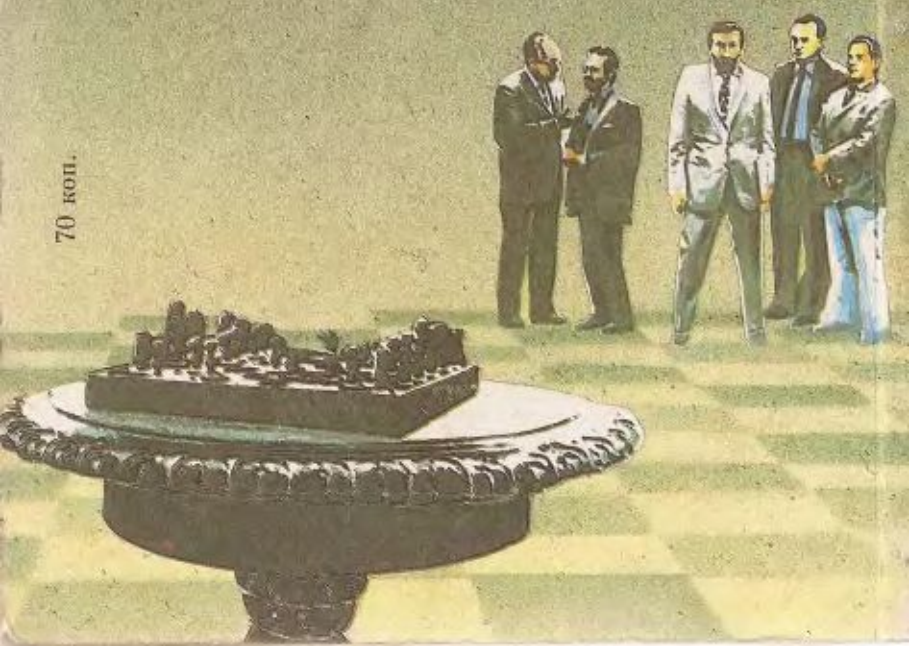
Ботвинник М. М. Полвека в шахматах. М., 1978.
Вайнштейн Б. С. Импровизация в шахматном искусстве. М., 1976.
Вайнштейн Б. С. Мыслитель. М., 1981.
Васильев Виктор. Шахматные силуэты. М., 1961.
Верховский Л. С. Карл Шлехтер. М., 1984.
Греков Н. И. История шахматных состязаний. М., 1935.
Греков Н. И. 120 избранных партий М. И. Чигорина. М., 1962.
Загорянский Е., Мароци Г. Пол Морфи. М., 1980.
Зак В. Г. Ласкер. М., 1963.
Кажич Б., Юдович М. На первенство мира. Белград, 1969.
Карпов Анатолий. Избранные партии 1969—1977. М., 1978.
Керес Паул. Матч-турнир на первенство мира по шахматам. Гаага — Москва, 1948 г. Таллинн, 1950.
Ларсен Бент. 50 избранных партий. М., 1972.
Липдер И. М. Первые русские мастера. М., 1979.
Макс Эйве. Перевод с нидерландского В. И. Мурахвери. М., 1979.
Нейштадт Я. И. Зигберт Тарраш. М., 1983.
Нейштадт Я. И. Некоронованные чемпионы. М., 1975.
Нейштадт Я. И. Первый чемпион мира. М., 1971.
Нимцович А. Моя система на практике. М., 1979.
Панов В. Н. Капабланка. М., 1970.
Панов В. Н. 300 избранных партий Алехина. М., 1954.
Петросян Т. Стратегия надежности. М., 1985.
Разувасв Ю. С., Мурахвери В. И. Акиба Рубинштейн. М., 1980.
Смыслов В. В. В поисках гармонии. М., 1979.
Таль М. Н., Дамский Я. В. В огонь атаки. М., 1978.
Таль Михаил. Когда оживают фигуры. М., 1983.
Третий международный шахматный турнир/Под редакцией Г. Я. Левенфиша. М, 1937.
Хайтун Йожеф. Гроссмейстер Портиш. М., 1977.
Шахматный словарь. Под редакцией Л. Я. Абрамова. М., 1964.
Юдович М. М. Матч века. Белград, 1971.

Я испытываю сожаление к людям, не знающим шахмат, как бывает жаль человека, не изведавшего чувства любви. Как любовь, как музыка, шахматы обладают способностью делать человека счастливым.

Зигберт Тарраш

ЛЕНИЗДАТ

70 коп.